

ФИЛОЛОГИЯ

Е. Ю. Балашова

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОЛЯ ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ В РЕЛИГИОЗНОМ ХРИСТИАНСКОМ ДИСКУРСЕ (на материале текстов Национального корпуса русского языка)

Рассматриваются вопросы корпусной лингвистики, а также разработка принципов корпусно-ориентированного дискурса-анализа. Дается краткая характеристика направления корпусных исследований в отечественной и зарубежной лингвистике, предлагается интегрированная методика моделирования религиозного христианского дискурса на основе текстов Национального корпуса русского языка с использованием статистических и семантико-когнитивных методов анализа.

Ключевые слова: *корпусная лингвистика, корпусноориентированный дискурс-анализ, религиозный христианский дискурс, концептуальное поле, лексемы-коллокаты, тематические сферы, лингвокогнитивное моделирование.*

В последние годы можно говорить о новом направлении в лингвистике, которое разрабатывается с учетом данных целого ряда наук, – корпусной и компьютерной лингвистике, возникшей как результат новых тенденций в науке о языке, в частности и изучении когнитивных процессов в целом.

Корпусные исследования в области языка проводились еще в 60-е гг. XX в. британским профессором Р. Квёрком и были продолжены его учениками. Основной задачей данного направления являлось «описание всех возможных лингвистических данных английского языка в его разных стилях и регистрах с регистрацией всех данных разных лингвистических разделов» [1. С. 86].

Благодаря компьютерной обработке данных подобного рода исследования предоставляют возможность всесторонне изучить «языковые единицы разных уровней, их реальное использование в речи, в ее проявлениях, стилях и регистрах» [1. С. 86].

Корпусноориентированные исследования дискурса стали появляться в отечественной науке о языке лишь в последние несколько лет [2; 5; 3; 7; 6] и, таким образом, могут быть причислены к новейшим разработкам в этой области. Отсутствие работ, посвященных дискурс-анализу с позиций корпусной лингвистики, можно объяснить сложностью самого феномена дискурса, «исключающего возможность автоматического применения корпусных методов исследования материала» [1. С. 86]. Однако многие авторы не только использовали корпусный подход в анализе дискурса, но и соединили его

с когнитивным подходом, что позволило получить достаточно объективные представления о макроструктуре дискурса и механизмах ее функционирования в языке и речи.

Использование корпусных данных в процессе моделирования таких сложноструктурированных языковых единиц, как дискурс, концептуальное поле, фрейм, существенно облегчает задачу разработки комплексной методики дискурсивного анализа названных языковых явлений, поскольку «корпус часто рассматривается как некая уменьшенная модель языка или подязыка. Достоверность полученных на его основе результатов определяется прежде всего его репрезентативностью (представительностью), под которой обычно понимается способность ограниченного числа текстов, отобранных согласно определенным критериям, отражать закономерности языкового употребления, характеризующие язык в целом» [4. С. 3]. «Языковые данные представлены в своем естественном окружении, поэтому выводимые обобщения имеют статус не интроспективной догадки, как при традиционном подходе, а эмпирически наблюдаемого факта» [4. С. 3]. Исследователь видит в появлении электронных корпусов текстов не только «новый, очень эффективный инструмент анализа фактов языка», но и причину «смены теоретических приоритетов, связанную в первую очередь с переходом от “системы” к “узусу” и от “языка” к “речи”» [4. С. 4].

Таким образом, данные электронных корпусов становятся незаменимым инвентарием современной лингвистики, позволяющим про-

вести сложный многоуровневый анализ различного рода языковых единиц, а также выявить их базовые принципы и реальные условия функционирования в языке, культуре и речи.

Моделирование дискурса на базе текстов Национального корпуса русского языка предполагает использование статистических (составление списков наиболее частотных лексем-коллокатов, входящих в концептуальные поля *вера, надежда, любовь*; анализ частотности лексем списка) и семантико-когнитивных (распределение высокочастотных лексем по тематическим сферам, применение полевого принципа структурирования выделенных сфер, группировка лексем-коллокатов по общей теме и, наконец, определение характерных черт дискурса и динамики его концептуальных составляющих) методов исследования. Кроме того, подобного рода анализ включает исследование сочетательных способностей лексем-коллокатов, особенностей их синтаксической структуры и частотности употребления в контексте, а также изучение их синонимических, антонимических и тематических связей, что позволяет выделить общие и дополнительные черты религиозного христианского дискурса. А. Н. Комкова отмечает, что «статистическое исследование корпуса позволяет нам структурировать, а также оперативно и с большой степенью достоверности проанализировать лингвистические данные и построить языковую картину мира..., а когнитивная теория, в свою очередь, служит основой в истолковании полученных результатов и помогает нам надежно реконструировать... концептосферу, открывающую доступ к сознанию нации» [б. С. 8].

Использование корпусных данных позволило более детально изучить характер дискурсивного функционирования концептуальных полей *вера, надежда, любовь* и сделать выводы об общей динамике развития религиозного христианского дискурса. Для наибольшей репрезентативности материала мы использовали основной корпус и церковно-богословский подкорпус. Так, в основном корпусе объемом в 85996 документов при контекстном расширении -10/10 было найдено 215 документов, представляющих собой фрагменты контекстуальной реализации исследуемых концептуальных полей и содержащих 301 вхождение. В церковно-богословском подкорпусе объемом в 824 документа было найдено 58 документов, содержащих 88 вхождений.

Исследование лексем-коллокатов («лексических единиц, которые часто встречаются в одном контексте с ключевыми словами» [б. С. 8]) в основном корпусе позволило составить список наиболее частотных единиц: Бог/Господь/Божество (28), жизнь/жить (26), сердце (19), слово (18), добродетели (12), радость (11), деятельный/дела (11), Иисус Христос (10), душа (10), истина (9), молитва (8), спасение (8), непоколебимый/не колеблющийся (7), христианский (7), добро/доброта (7), человек/человеческий (6), колебание (6), уверенность (6), ожидание (6), терпение (5), мученичество (5), нравственность/нравственный (5), ненависть (5), страх (5), смерть (5), исповедание (5), мир (5), мужество (5), страсть/страсти (5), ликование (5), благодать (5), церковь (5), христианство (4), свет (4), потеря (4), православный (4), победа/победить (4), всепобеждающий (4), огонь (4), дары (4), слезы (3), жертва (3), утешение (3), люди (3), воздержание (3), ближний (3), чистота/чистый (3), настоящий (3), истинный (3), отречение (3), мудрость (3), счастье (3), Царство (3), крепость (3), будущее (3), соединение (3), сила (3), крест (3), церковный (3), покаяние (3), упоение (3), нелицемерный (2), совершенный (2), небо (2), земля (2), христиане (2), искренний (2), истоки (2), смирение (2), справедливость (2), воля (2), страдание (2), Царствие Божие (2), русский (2), испытания (2), благоговение (2), якорь (2), святость (2), основа (2), мечта (2), поучение/научение (2).

Лидерами частотности являются лексемы «Бог», «Господь», частота употреблений которых составляет 28 раз. После лексемы «жизнь/жить» (26) наблюдается небольшой статистический скачок, и частота последующей лексемы списка («сердце» (19)) заметно снижается. Таким образом, сверхчастотные лексемы «Бог» и «жизнь» составляют ядро религиозного христианского дискурса на функционально-структурном уровне.

На основе составленного списка представляется возможным провести тематическое моделирование религиозного христианского дискурса и распределить лексемы-коллокаты по следующим тематическим сферам:

1) *Религия/нация*: христиане, христианство, христианский, религия, религиозный, исповедание, православный, русский, церковный, церковь, поучение/научение;

2) *Нравственные категории*: терпение, добродетели, нелицемерный, совершенный,

непоколебимый/не колеблющийся, добро/доброта, чистый/чистота, деятельный, искренний, настоящий, истинный, нравственный, мудрость, справедливость, уверенность, мужество, крепость, сила;

3) *Символы*: огонь, якорь, свет, крест;

4) *Догматические категории*: жертва, Бог/Господь/Божество, мученичество, Иисус Христос, Царство, Царствие Божие, благодать, дары;

5) *Эмоциональное состояние*: утешение, радость, счастье, ожидание, сострадание, страсть/страсти, ликование, упоение;

6) *Онтологические категории*: небо, земля, люди, человек/человеческий, ближний, сердце, жизнь, истоки, воля, мир, будущее, соединение, испытания, основа, мечта;

7) *Духовность*: воздержание, молитва, ближний, спасение, смирение, святость, слово, всепобеждающий, благоговение, душа, покаяние.

Особое место занимает тематическая сфера, содержащая лексем-коллокаты с негативным смыслом (слезы, ненависть, страх, смерть, колебание, потеря, отречение, отчаяние), единицы которой вступают в отношения противопоставления со всеми остальными тематическими сферами и формируют дискурсивные оппозиции с составляющими их единицами.

Представленные тематические сферы структурируются по полювому принципу. Так, ядру религиозного христианского дискурса принадлежат тематические сферы *Нравственные категории* (21) и *Онтологические категории* (16). Ближнюю периферию занимают тематические сферы *Религия/Нация* (12), *Духовность* (11), *Божественное* (10), *Эмоциональное состояние* (9) и тематическая сфера с негативно окрашенными лексемами (8). Наконец тематическая сфера *Символы* (4) находится на дальней периферии.

Таким образом, сочетание статистических и семантико-когнитивных методов анализа списка частотных лексем-коллокатов, входящих в концептуальные поля *вера, надежда, любовь*, позволило выявить следующие тенденции в динамике развития религиозного христианского дискурса:

1) дискурсивная активизация лексем, содержащих семы «духовной и нравственной жизни»: Бог, сердце, добродетели, Иисус Христос, душа, молитва, спасение, благодать, христианский, добро, терпение, мученичество, нравственность, воздержание, покаяние, искренний, сострадание, благоговение, святость, нелицемерный, смирение, мужество;

2) контекстная активность лексем с общей семой «эмоциональность»: радость, страсть/страсти, ликование, упоение, утешение;

3) дискурсивная активность лексем с общей семой «постоянство»: непоколебимый/не колеблющийся, уверенность, терпение, крепость, сила, основа, якорь;

4) дискурсивная выраженность внимания к нравственной сфере, представленной лексемами с достаточно высокой степенью частотности;

5) дискурсивная выраженность внимания к онтологической сфере, представленной 16 частотными ключевыми лексемами;

6) дискурсивная выраженность внимания к религиозной сфере, содержащей 12 высокочастотных ключевых лексем;

7) дискурсивная невыраженность внимания к символической сфере (низкая частотность ключевых лексем соответствующего содержания).

Проведенное исследование тематических пластов лексики основного и церковно-богословского корпусов позволяет выявить дискурсивную активизацию следующего ряда оппозиций: смерть – жизнь; небо – земля; страх – мужество; отчаяние – уверенность; колебание – крепость; отречение – сострадание. Представленные пары лексем-коллокатов являются базовыми противопоставлениями религиозного христианского дискурса.

Помимо материалов основного корпуса нами были использованы и данные церковно-богословского подкорпуса, что позволяет получить более точную модель религиозного христианского дискурса в целом и православного субдискурса в частности в структуре коммуникации и выявить глубинные механизмы дискурсивного функционирования концептуальных полей *вера, надежда, любовь*.

Так, в результате первичной обработки церковно-богословского подкорпуса нами был составлен список частотных лексем-коллокатов, входящих в упомянутые концептуальные поля в религиозном христианском дискурсе: Бог (18), слово (15), Христос (13), сердце (12), жизнь (9), человек (8), радость (8), истинный (8), Святой Дух (8), молитва (7), спасение (7), дела/дело (7), церковь (7), богоугодный (6), ликование (6), душа (6), колебание (5), ожидание (5), воскресение (5), дары (5), исповедание (5), добродетели (4), человеческий (4), жажда (4), вечность (4), благодать (4), уверенность (3), мир (3), страх (3), победа (3), мужество (3), ис-

тина (3), Господь (3), Боже (3), сила (3), благочестие (3), терпение (3), огонь (3), дух (3), Символ веры (3), непоколебимый (2), не колеблющийся (2), сострадание (2), Царство (2), чистота (2), святость (2), твердый (2), действие (2), совершенный (2), люди (2), воздержание (2), утешение (2), всепобеждающий (2), потеря (2), разум (2), богослужение (2), плоть (2), таинство (2), собор (2).

Сопоставительный анализ списков, полученных в результате статистического анализа данных основного и церковно-богословского подкорпуса, позволяет выделить 4 сверхчастотные лексемы-коллокаты, которые репрезентируют ядро православного субдискурса: «Бог», «слово», «сердце», «жизнь». Кроме того, к околоядерной зоне мы причислили лексемы, зафиксированные в том и другом списках. К таковым следует отнести следующие единицы: добродетели, радость, дела, Иисус Христос, душа, истина, молитва, спасение, непоколебимый, не колеблющийся, человек/человеческий, колебание, уверенность, ожидание, терпение, исповедание, мир, мужество, ликование, благодать, церковь, потеря, победа, всепобеждающий, огонь, дары, утешение, люди, воздержание, чистота, истинный, Царство, сила, святость.

Частотные лексемы-коллокаты по данным церковно-богословского подкорпуса образуют те же тематические сферы, что и лексемы из списка основного корпуса. Различия проявляются лишь в структурных составляющих выделенных тематических сфер. Так, сфера *Догматические категории* в рамках церковно-богословского подкорпуса включает такие единицы, как воскресение, собор, Святой Дух, Символ веры, таинство, богослужение. Сфера *Онтологические категории* дополнена лексемами разум, вечность, плоть, жажда. Наконец, сфера *Нравственные категории* включает единицы благочестие, богоугодный. Кроме того, в материалах церковно-богословского подкорпуса трижды зафиксировано обращение к Богу: «Боже!», создающее атмосферу личного общения индивида с Творцом и придающее всему контексту глубоко религиозный смысл.

Тематическая сфера, формирующая оппозиции лексемам списка и противостоящая всем остальным тематическим сферам, достаточно широко представлена в церковно-богословском подкорпусе и содержит целый ряд специфических единиц: плоть, тоска, брение, мука, преграда, холодность, ложь, уныние,

бесчувствие. Лексемы «смерть», «слезы», «отречение», «потеря» были выделены при анализе как основного, так и церковно-богословского подкорпуса. Указанные единицы являются когнитивным центром данной тематической сферы.

Блок дискурсивных оппозиций, активизирующихся в церковно-богословском подкорпусе, также несколько отличается от оппозиций, выявленных в результате когнитивного анализа материалов основного корпуса. Так, в концептуальных полях *вера, надежда, любовь*, по данным церковно-богословского подкорпуса, функционируют следующие оппозиции: воскресение – смерть, небо – земля, холодность – любовь, плоть – дух, ложь – истина, тоска – утешение, уныние – ликование. Примечательно, что в рамках основного корпуса была активна оппозиция «жизнь – смерть», тогда как в церковно-богословском подкорпусе один из членов этой оппозиции (лексема «жизнь») неактивен, и его место занимает лексема «воскресение», что придает всей когнитивной паре скорее догматический, чем онтологический смысл. Оппозиция «небо – земля» является базовой оппозицией всего религиозного христианского дискурса, поскольку была выявлена не только на основе корпусного, но и системно-языкового материала, а также в процессе лексико-семантического и когнитивного анализа Евангельского текста.

Таким образом, обработка данных основного и церковно-богословского подкорпуса позволяет говорить об относительной однородности списков частотных лексем-коллокатов и тематических сфер, на которые они распадаются, тогда как дискурсивные оппозиции, а также единицы, составляющие антонимичную тематическую сферу, существенно разнятся в двух корпусах.

Анализ данных церковно-богословского подкорпуса позволяет выделить следующие направления развития религиозного христианского дискурса:

1) дискурсивная активизация лексем, выражающих божественные сущности: Бог, Господь, Спаситель, Святой Дух, Божия Матерь, Иисус Христос, апостол;

2) дискурсивная активизация лексем, выражающих церковные реалии: монастырь, храм, церковь, таинство, Символ веры, богослужение, вероисповедание;

3) контекстная активность лексем с общей семой «духовные качества/усилия»: благо-

чество, непамятослобие, труд, братолюбие, богоугодный, благодать, благоговение, послушание, чистота, святость, благодать, жертвенность;

4) дискурсивная активизация лексем с общей семой «общественность/социальность»: ближний, общение, собор, русский, православный, люди, человечество;

5) контекстная активность лексем с общей семой «основа»: содержание, единственное, истина, совершенство, основание, полнота;

6) контекстная активность лексем с общей семой «рациональность»: ум, разум, разумение, познание.

При группировке лексем по общей семее мы использовали и те лексемы, которые встречались в материалах подкорпуса единожды и которые не были включены в список частотных лексем. Однако данные лексемы также могут быть причислены к категории коллокатов, поскольку функционировали в контексте, образованном концептуальными полями *вера, надежда, любовь*.

В целом можно говорить о том, что анализ данных церковно-богословского подкорпуса позволяет отметить ориентированность религиозного христианского дискурса, в частности его православного подвида, на тематику церковных, духовно-нравственных и божественных реалий, признание последних основой человеческой жизни, что составляет его смысловую и аксиологическую специфику в ряду прочих видов дискурса.

Таким образом, первичная обработка корпусных материалов на лексическом уровне дает возможность провести тематическое моделирование религиозного христианского дискурса: определение его основных тематических сфер и структурирование их по принципу поля, – а также выявить базовые дискурсивные оппозиции, выполняющие функцию своеобразного когнитивного каркаса и охарактери-

зовать общую динамику развития исследуемого типа дискурса.

Список литературы

1. Александрова, О. В. Когнитивно-прагматические особенности построения дискурса в средствах массовой информации // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональные аспекты исследования : сб. науч. тр. Рязань, 2002. С. 85–88.

2. Готта, О. М. Прагматика функционирования ключевых концептов в риторике дашких политических партий : дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 220 с.

3. Данюшина, Ю. В. Многоуровневый анализ англоязычного сетевого бизнес-дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 44 с.

4. Колокольникова, М. Ю. Дискурс-анализ и корпусный анализ в исследованиях в области исторической лексикологии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Филология. Журналистика. 2010. Т. 10. Вып. 2. С. 3–6.

5. Колокольникова, М. Ю. Дискурсивный анализ в исторической лексикологии и семазиологии (на материале морально-этической лексики в западноевропейских языках Средневековья) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2011. 40 с.

6. Комкова, А. Н. Динамика норвежского политического дискурса: ключевые концепты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 26 с.

7. Терехова, Е. В. Статус и функционирование рекуррентных конструкций в политическом дискурсе современного английского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 26 с.

Источники

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorgora.ru.

ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА В РАБОТАХ МАРШАЛЛА МАКЛЮЭНА

Анализируются работы Маршалла Маклюэна в области изучения теории социальных медиа, делается вывод о значимости исследования этой сферы и дается прогноз относительно дальнейшего развития социальных медиа.

Ключевые слова: *социальные медиа, Маклюэн, Интернет, нетократия, коммуникация, информация, СМИ, веб.*

В рамках протекающих в современном мире процессов глобализации и информатизации развитие глобальных телекоммуникационных и информационных систем, таких как Интернет, приводит к определенной трансформации территориальной и социальной структуры общества как в масштабах всей Земли, так и в отношении отдельных территорий.

О подобной системе трансформации общества заявил Маршалл Маклюэн в своей книге «Понимание медиа: внешние расширения человека», опубликованной в 1964 г. [2]. В ней теоретик демонстрирует системные связи между различными областями деятельности человека. По словам Маклюэна, появление нового средства доставки информации меняет людей больше, чем контент этого средства.

Ученый выделил три этапа в развитии цивилизации. Первый этап – первобытная дописьменная культура, основанная на принципах коллективного образа жизни, восприятия и понимания окружающего мира. На этом этапе жизнь общества детерминирована устными средствами коммуникации. На смену первобытной пришла письменно-печатная культура. С появлением печатного станка наступила эпоха дидактизма, индивидуализма и национализма, которая породила «типографского и индустриального» человека. Письменно-печатная культура, в понимании ученого, является элитной, доступной лишь образованным людям.

Третий современный этап развития цивилизации, считает Маклюэн, принадлежит электричеству. Оно мгновенно связывает людей во всем мире, устраняет границу между днем и ночью, и превращает мир в одну «глобальную деревню». По мнению Маклюэна, с помощью электронных СМИ общество возвращается в первобытное состояние, в котором у человека возрождается естественное слухо-визуальное многомерное восприятие мира и коллектив-

ности. Ученый говорит, что электронные средства коммуникации – телеграф, телефон, телевидение и компьютер – являются продолжением нервной системы человека и преобразуют все стороны его психической и общественной жизни. В наступившей эпохе «нового племенного человека» царствует миф, а с помощью средств массовой информации, по предсказаниям Маклюэна, вскоре «можно будет держать под контролем эмоциональный климат целых культур». Следует отметить, что Маклюэн оказался прав: в конце первого десятилетия XXI в. с помощью «электрических» СМИ оказывается сильное воздействие на населения целых стран с целью изменить точку зрения людей.

Рассматривая телевидение, Маклюэн подчеркивал, что это мозаичное средство общения, образующееся из множества точек и пятен, сталкивает на экране «все времена и пространства одновременно». Оно может из любого малозначимого события, пустяка создать сообщение всемирного значения. Зритель, считает ученый, активно участвует в освоении телевизионной мозаики: из увиденного каждый складывает свою картинку в зависимости от жизненного опыта, образования, настроения, и даже степени внимания в конкретный момент.

В своей работе Маклюэн разделил все средства коммуникации на «cool» (прохладные) и «hot» (горячие) [2]. К первым автор относил телевидение и радио, поскольку эти СМИ представляли анонимные корпорации без четко выраженной точки зрения. К «горячим» относятся печатные СМИ, которые всегда выражают авторскую точку зрения, мнение редакции, они не могут быть безличны и абстрактны, как «cool».

Подобный метод Маклюэна применим и к России в XXI в., но результаты подобной классификации существенно отличаются от начальных данных исследователя. Все современ-

ные СМИ относятся к «прохладным», поскольку независимые редакции исчезли как класс. Каждая газета, телеканал или радиостанция принадлежит холдингу, а в России большинство холдингов имеет государственное происхождение. Исключение из «прохладных» СМИ сегодня составляют только интернет-редакции и блоггеры, ведущие собственный интернет-дневник. В таких ресурсах до сих пор можно встретить неангажированную точку зрения, способную объективно рассмотреть происходящие вокруг читателя события. Можно смело утверждать, что единственное «горячее» место СМИ сегодня – это Интернет, поскольку вплоть до второго десятилетия XXI в. он не подвергается массовой цензуре со стороны государства. Этому же мнению придерживается А. Б. Архангельская в своей монографии «Герберт Маршалл Маклюэн: От исследования литературы к теории массмедиа», изданной в 2009 г. [1].

По мнению Маклюэна, новая ступень развития мира – единое общество, члены которого получают информацию мгновенно вне зависимости от их местоположения. Подобная теория получила название «глобальной деревни». Сегодня этот термин используется как метафора применительно к Интернету: физическое расстояние между собеседниками здесь не играет существенной роли для общения, стираются не только пространство и время, но происходит и сближение культур, мировоззрений, традиций и ценностей. Из-за усовершенствованной скорости обмена информацией у людей появилась возможность читать информацию, распространять ее и реагировать на ситуацию в мире с гораздо большей скоростью.

Маклюэн полагает, что процесс безграничного развития информации вынуждает людей быть вовлеченными в дела друг друга, будто это были наши собственные проблемы. Автор данной работы полностью согласен с исследователем: последние несколько лет российской части Интернета (Рунет) показывают, что люди широко обсуждают события в зарубежных странах, причем зачастую пользователи действительно считают, что решить проблему, возникшую в США, Франции или Германии, – это важный приоритет для них и всех россиян. Чувство близости к происходящему, которое дает Интернет, уже давно не является чем-то сверхъестественным. Сегодня это реальность.

На основании событий, произошедших в 2011 г. в арабском и африканском мире, а позже и в 2014 г. на Украине можно смело утверждать:

воздействие социальных медиа на общество настолько велико, что говорить о наложении систем распространения информации на существующие структуры уже не приходится. После изменения государственных режимов в Египте, Тунисе, Йемене, Ливии, Украине информация, распространяемая в социальных сетях, больше не кажется просто информацией. При правильном освещении событий пользователи социальных сетей смогут стать действенной силой при противоборстве с существующим укладом жизни, даже в том случае, если на стороне противника выступает государство [2].

Согласно агентству Forrester Research, 75 % интернет-пользователей стали участниками социальных медиа во втором квартале 2008 г. (регистрировались в социальных сетях, читали блоги, отправляли отзывы к товарам в интернет-магазинах). Процент пользователей социальных медиа сильно вырос с 2007 г., когда этот показатель составлял всего 56 %. Стоит отметить, что рост аудитории происходит не только за счет молодых людей (тинэйджеров). Наиболее активная группа – пользователи 35–40 лет, которые становятся участниками, наблюдателями или комментаторами в социальных медиа. Безусловно, такой рост платежеспособной аудитории привлекает рекламодателей и непосредственных продавцов товаров, что и обеспечивает стабильный рост новых интернет-ресурсов [3].

Таким образом, социальные медиа сегодня переживают подъем: со второй половины 2000-х гг. в мире наблюдается рост интернет-пользователей, активная фаза которого должна завершиться ко второй половине второго десятилетия XXI в. К моменту формирования основного количества пользователей глобальной Сети в мире должно появиться четкое отношение к подобным ресурсам и сетям. По мнению автора данной работы, социальные медиа перестанут играть роль дополнительного источника информации – они станут основными ньюсмейкерами и интерпретаторами новостей для их пользователей. Стандартные медиа – такие, как радио и ТВ, – вынуждены будут подчиняться тем направлениям деятельности, которые зададут социальные медиа.

Список литературы

1. Архангельская, И. Б. Герберт Маршалл Маклюэн: от исследования литературы к теории медиа. М., 2009. 47 с.

2. Маклюэн, Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. М., 2003. 464 с.

3. Чернец, В. Влияние через социальные сети / В. Чернец, Т. Базлова, Э. Иванова. М., 2010. 52 с.

4. Updated Q1 2012: Use Social Media To Boost Your TV Audience // Forrester Research. URL: <http://www.forrester.com>.

References

1. Arhangel'skaja, I. B. (2009) *Gerbert Marshall Makljuven: ot issledovanija literatury k teorii*

media (=Herbert Marshall McLuhan: From Literature Investigation to Theory of Media). Moscow. 47 p.

2. Makljuven, G. M. (2003) *Ponimanie media: vneshnie rasshirenija cheloveka* (=Understanding Media: The Extensions of Man), per. s angl. V. Nikolaeva. Moscow. 464 p.

3. Chernec, V., Bazlova, T. and Ivanova E. (2010) *Vlijanie cherez social'nye seti* (=Influence Over Social Networks), Moscow. 52 p.

4. Updated Q1 2012: Use Social Media To Boost Your TV Audience, available at: <http://www.forrester.com>.

И. С. Волошина

ПАРАМЕТРЫ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ ТЕРМИНА ON-LINE

В рамках теории терминографии рассматривается проблема разработки дискурсивных параметров современных терминологических словарей. Выявляются параметры энциклопедического дискурса путем сравнительного анализа характеристик научного, учебного и компьютерного дискурсов. В ходе исследования выведенные параметры энциклопедического дискурса анализируются и проверяются на материале словарной статьи «Алмаз» из Свободной энциклопедии Википедии.

Ключевые слова: энциклопедический дискурс, научный дискурс, учебный дискурс, компьютерный дискурс, параметры, on-line словарь.

Дискурс представляет собой многоаспектное образование и является не только самостоятельным объектом изучения, но и характеризует новый подход, взгляд на текст, в том числе научный.

В настоящей статье мы предприняли попытку обосновать существование энциклопедического дискурса и представить его основные параметры. Понятие «энциклопедический дискурс» является недостаточно разработанным в лингвистических исследованиях, а вопрос существования такого типа дискурса до сих пор подвергается обсуждениям. Так, результаты поиска данного понятия в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU [15], научной электронной библиотеке диссертаций и авторефератов disserCat [14] и электронной библиотеке «Библиотека диссертаций» [13] включают один источник – автореферат диссертации Е. С. Ульяновой [11].

Для достижения поставленной цели необходимо определить параметры следующих типов дискурса:

– **научного** – ввиду того, что исследование проводилось на материале словарей энциклопедического типа, в которых основной формой представления материала является научный текст;

– **учебного** – поскольку любой словарь характеризуется учебной функцией, проявляющейся в освещении теоретических исследований, практических решений изучаемых вопросов, в реализации норм языка и речи, а также во взаимодействии с потребностями современного общества;

– **компьютерного** – так как постоянно меняющийся мир требует создания уже не просто электронных словарей, а on-line словарей, ко-

торые могли бы быстро отражать все изменения, происходящие в языке.

Мы обратились к работам Л. М. Алексеевой [1], Н. В. Королевой [7], Л. Г. Федюченко [12], посвященным научному дискурсу (тексту); Т. А. Ильющени [6] и И. А. Мякишевой [9], описывающим учебный дискурс; Е. Н. Галичкиной [3], Т. А. Ильющени [6] и А. Б. Кутузова [8], характеризующим компьютерный дискурс, и выявили в них следующие соответствующие параметры:

– научного дискурса: *когнитивность, текстовая основа, терминологичность, семиотичность, системность, абстрактность, диалогичность, интертекстуальность, гипертекстуальность, экстралингвистический контекст* (10 параметров);

– учебного дискурса: *интерактивность, абстрактность, текстовая основа, дискурсивная связность, логическая структура, терминологичность, интертекстуальность/интердискурсивность, фоновые знания, модульность, возможность информатизации/компьютеризации, игровой характер процесса* (11 параметров);

– компьютерного дискурса: *иллокутивная, то есть потребность в немедленной коммуникативной реакции, цифровой канал передачи сигнала, дистантность и опосредованность, анонимность и сетевая структура, терминологичность, гипертекстуальность, мультимедийность и креолизованность, устно-письменный характер коммуникации* (8 параметров).

Далее в результате сравнительного анализа сходств и различий трех рассмотренных типов дискурса: научного, учебного и компьютерного – были выведены параметры энциклопедического дискурса.

Общими для всех трех типов дискурса являются *терминологичность*, *диалогичность* (в учебном дискурсе данный параметр называется *интерактивность*, а в компьютерном – *иллюктивность*; мы решили остановить свой выбор на понятии *диалогичность*), *интертекстуальность* и *гипертекстуальность*. Научный и учебный дискурсы пересекаются по следующим параметрам: *абстрактность*, *текстовая основа* и *фоновые знания*. Для учебного и компьютерного дискурсов общим параметром является возможность *компьютеризации*, которая в компьютерном дискурсе реализуется в параметрах *цифровой канал передачи сигнала*, *дистантность* и *опосредованность*.

Полученный набор параметров мы дополнили оставшимися параметрами научного дискурса (*когнитивность*, *семиотичность*, *системность*), поскольку в нашей работе он является основополагающим.

Таким образом, было выявлено 11 параметров энциклопедического дискурса: *когнитивность*, *текстовая основа*, *терминологичность*, *семиотичность*, *абстрактность*, *системность*, *экстралингвистический контекст*, *интертекстуальность*, *гипертекстуальность*, *компьютеризация*, *диалогичность*.

Наконец, мы проверили наличие теоретически полученных параметров на материале словарной статьи «Алмаз» из электронной энциклопедии Википедии.

Первый параметр (*когнитивность*) включает в себя знание о понятийной системе и реализуется в словарной статье через связь с другими понятиями, например, понятие *алмаз* входит в понятийную систему *минерал*. При этом в электронном варианте данный процесс значительно упрощается: достаточно нажать на выделенное понятие, и перед нами появится уже новая словарная статья, описывающая выбранное понятие. Когнитивный подход к изучению лексики является очень значимым для лексикографии и терминографии, так как «базируется на представлении о том, что в основе языка как знаковой системы и деятельности лежит система знаний о мире – концептуальная картина мира, которая формируется в сознании человека в результате его познавательной активности и в процессе коммуникации и преобразующей деятельности» посредством языка, выступающего в роли «когнитивного механизма» данной системы [4. С. 14]. Соответственно, словарям как одной из форм визуализации языка необходимо улавливать и отражать взаимосвязь этих

двух систем – языковой и концептуальной, и в этом отношении энциклопедические словари являются хорошим примером представления действительности во взаимосвязи с человеком, его сознанием и мышлением, что также будет раскрываться в характеристике последующих параметров.

Второй параметр (*текстовая основа*) и третий параметр (*терминологичность*) неразрывно связаны между собой, так как в основе энциклопедического описания лежит научный текст, характерной чертой которого является высокая терминологичность, или насыщенность терминами. При этом вопрос, какие типы лексических единиц можно считать «собственно» терминами, требует детального анализа каждой словарной статьи. Мы ограничимся тем, что «все номинативные единицы такой речи (прим. автора – научного дискурса) являются потенциальными терминами» [10. С. 47]. В представленной статье можно найти следующие термины: *минерал*, *аллотропная форма углерода*, *нормальные условия*, *графит*, *теплопроводность* и другие.

Четвертый параметр – *семиотичность*. Семантическая структура термина отличается от семантической структуры слова, поскольку центральным, определяющим компонентом в ней является понятие. Например, понятие *алмаз* формируется через понятие *минерал*.

Пятый параметр – *абстрактность*. Понятие является результатом отвлечения от тех или иных частных признаков предметов. С одной стороны, понятие стремится к абстракции, обобщению, категоризации всего многообразия предметов и их признаков, а с другой стороны, оно содержит всю возможную информацию о предмете, чтобы сформировать максимально полное представление о нем. Так, *алмаз* является *аллотропной формой углерода*. Из этого определения в самом общем виде мы можем получить представление о его структуре, физических свойствах, включить в группу *минералы*, классифицировать как *природное тело* и так далее. Тем не менее, *графит*, например, также обладает всеми этими характеристиками. Поэтому понятие *алмаз* включает все отличительные признаки предмета.

Шестой параметр – *системность*. Любой термин соотносится с определенной терминосистемой, его содержание определяется через взаимосвязь с другими элементами данной системы, поэтому «термин следует рассматривать, прежде всего, как понятие, способное про-

являться в других понятиях, и, более того, как понятие, максимально выражающее всякие возможности его воплощенности в других понятиях» [5. С. 32]. Например, понятие *алмаз* воплощается в понятиях *углерод*, *графит* и других.

Седьмой параметр – *экстралингвистический контекст*. Экстралингвистическая информация приобрела особую роль в процессе создания словарной статьи, поскольку она дает возможность получить полное, многогранное представление об описываемом явлении, процессе и т. п. Благодаря такого рода описанию у пользователя словаря формируется целостная картина интересующего явления, процесса и т. п., так как у него есть возможность узнать не только все то, что включает в себя это понятие, но и проследить, каким образом оно отражается в референте. Например, толкование термина *алмаз* в Свободной энциклопедии Википедии содержит существенные и отличительные признаки специального понятия: *минерал, кубическая аллотропная форма углерода; добавочную информацию о референте: при нормальных условиях метастабилен, то есть может существовать неограниченно долго. В вакууме или в инертном газе при повышенных температурах постепенно переходит в графит* [2]. Экстралингвистическая информация может включать историческую справку, например, *История добычи алмазов в России*; указания на местонахождение в природе – *Добыча и местонахождения алмазов*; на область применения, например, описание использования алмаза, его модификаций и так далее. – *Диагностика алмаза, Синтезированные алмазы, Применение – Огранка алмазов*.

Восьмой параметр – *интертекстуальность*. Научное познание является непрерывным процессом, и каждый новый научный текст создается на основе уже имеющихся теоретических знаний и содержательно соотносится с другими текстами, следовательно, науку можно рассматривать как «органичную сферу реализации интертекстуального взаимодействия». Под интертекстуальностью мы понимаем «многомерную содержательно-смысловую связь одного дискурса с другим как в рамках одного целого дискурса, так в пределах единого смыслового пространства» [7]. В словарной статье интертекстуальность выражается при помощи ссылок, примечаний и подзаголовков, например, *Ссылки, Примечания, См. также*.

Девятый параметр – *гипертекстуальность*. Понятие гипертекста включает в себя не просто

открытость другим текстам, но особую организацию текстового материала, представляющую собой не линейную последовательность текстов, а иерархическую систему с различными переходами и связями между ее элементами. Например, если говорить об энциклопедических словарных статьях, наполненных различными терминами, то гипертекстуальность в данном случае прослеживается через сопоставление термина с системой понятий, а также отражение взаимосвязей между понятиями по модели логико-понятийной иерархии, которая соотносится с фрактальной моделью. На практике это выглядит следующим образом: словарная статья «*Алмаз*» Свободной энциклопедии Википедии имеет отсылки к другим статьям этого же словаря. Читать такой текст можно, переходя от одной отсылки к другой. Каждый раз на экране будет появляться новая словарная статья, раскрывающая уже другое понятие, находящееся в определенных отношениях с предыдущим. Например, из словарной статьи «*Алмаз*» мы по ссылке переходим в словарную статью «*Графит*», отсюда – в «*Кристаллы*», далее – в «*Атомы*» и так далее. Это и есть пример гипертекстового пространства.

Десятый параметр – *компьютеризация*. Современный словарь должен максимально быстро отражать изменения в окружающем мире. Именно поэтому общество уходит от печатных изданий, отдавая предпочтение электронным словарям. Но для того, чтобы словарь действительно мог прогрессировать вместе с обществом, его необходимо создавать не на электронных носителях, а в сети Интернет. Тогда он становится живым динамическим образованием, открытым для изменений и корректировок, что раскрывается в описании следующего параметра.

Одиннадцатый параметр – *диалогичность*. Любой дискурс предполагает коммуникативное действие, некоторый диалог между участниками коммуникации, который довольно сложно представить в аспекте лексикографического описания. Тем не менее, в электронной энциклопедии Википедии данный параметр представлен в виде возможности создания учетной записи, участия в обсуждениях на форуме, возможности сообщать об ошибках и вносить исправления в тексты словарных статей при помощи соответствующих ссылок: *Создание учетной записи, Обсуждение, Форум, Сообщить об ошибке, Править*. Указанные функции представляют собой по-

пытку создания зоны общения между представителями научного сообщества, в которой они могут делиться имеющейся информацией, дискутировать и корректировать ошибки и неточности, внося исправления в текст словарной статьи. Несмотря на то, что каждому зарегистрированному пользователю дается возможность править все материалы энциклопедии, за исключением «защищенных», в Википедии существует целая система контроля и проверки статей для подтверждения достоверности содержащейся в них информации и сохранения их качества.

Таким образом, мы установили, что энциклопедический дискурс характеризуется параметрами когнитивности, текстовой основы, терминологичности, семиотичности, абстрактности, системности, экстралингвистического контекста, интертекстуальности, гипертекстуальности, компьютеризации, диалогичности, которые были наглядно продемонстрированы на материале словарной статьи «Алмаз» из Свободной энциклопедии Википедии. Наличие экстралингвистического контекста в энциклопедическом описании, его открытость другим текстам, особая форма организации текстового материала, присутствие коммуникативных компонентов в макро- и микроструктуре энциклопедии позволяют нам говорить об энциклопедическом словаре как о дискурсе.

Список литературы

1. Алексеева, Л. М. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа / Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова. Пермь, 2002. 200 с.
2. Алмаз [Электронный ресурс] // Свободная энциклопедия Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org>.
3. Галичкина, Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций) : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 208 с.
4. Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение : учеб. пособие. М., 2011. 224 с.
5. Дианова, Г. А. Термин и понятие: проблемы эволюции (к основам исторического терминоведения). М., 2010. 160 с.
6. Ильющенья, Т. А. Системное описание глагольной терминологической номинации в учебном компьютерном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2008. 287 с.
7. Королева, Н. В. Средства и способы реализации интертекстуальности в научном дискурсе: на материале английского языка [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2004. URL: <http://www.dissercat.com/content/sredstva-i-sposoby-realizatsii-intertekstualnosti-v-nauchnom-diskurse-na-materiale-angliisko#ixzz2xkjKi41>.
8. Кутузов, А. Б. Модель функционирования терминологического сленгизма в дискурсе сетевых форумов : дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2006. 170 с.
9. Мякишева, И. А. Категориальная учебная модель родовидовой дефиниции лингвистического термина : дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2012. 250 с.
10. Табанакова, В. Д. Логическое и образное в научном дискурсе // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Челябинск, 2011. № 24 (239). Филология. Искусствоведение. Вып. 57. С. 46–48.
11. Ульянова, Е. С. Реализация суперструктуры немецкоязычного энциклопедического дискурса [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. URL: <http://www.dissercat.com>.
12. Федюченко, Л. Г. Терминологическое поле в когнитивной структуре учебного научного текста : дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 202 с.
13. URL: <http://diss.rsl.ru>.
14. URL: <http://www.dissercat.com>.
15. URL: <http://elibrary.ru>.

И. А. Голованов

ПОИСКИ ГЕРОЯ ВРЕМЕНИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ А. ПЛАТОНОВА 1920-Х ГОДОВ

Анализируется своеобразие осмысления героя времени в публицистике и художественном творчестве Андрея Платонова. Утверждается, что в произведениях писателя с самого начала предстает полисемантический и противоречивый тип персонажа, парадоксально соединяющий в себе активное и пассивно-созерцательное начала.

Ключевые слова: Платонов-художник, Платонов-философ, текст, образ, мотив, избранничество, демонизм.

Особенности художественного взгляда А. Платонова в начальный период его творчества во многом были определены спецификой эпохи: в 1920-е гг. не надо было искать идею времени, она была очевидной – рождение нового мира и человека. Однако писателю важно было определиться: кто является носителем этой идеи? Кто воплотит ее в жизнь? Или в более традиционной для русской литературы формулировке: *кто герой нашего времени?* В поисках героя времени Платонов обращается к художественному опыту своих предшественников – А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского, изучает наследие отечественных и западных философов – В. Соловьева, Н. Федорова, Н. Бердяева, Ф. Ницше, О. Шпенглера и др.

Уже в первых рассказах – «Маркун», «Сатана мысли» – видна попытка писателя представить *своего* героя [см. подробнее: 1]. Поиски его будут продолжаться и в дальнейшем (в рассказах «Происхождение мастера», «Луговые мастера» и других). Важно подчеркнуть, что с самого начала в художественном дискурсе Платонова складывается полисемантический и противоречивый тип персонажа, парадоксально соединяющий в себе активное (творец-кудесник, практик-преобразователь) и пассивно-созерцательное («усомнившийся», «сокровенный человек») начала. Крайнюю степень выражения двух этих начал мы обнаруживаем в русском фольклоре – в эпических сюжетах о Емеле (или Иванушке-дурачке) и о Василии Буслаеве. Сказочный Емеля предстает как выражение созерцательного, а былинный Васья Буслаев – активно-деятельностного типа поведения. В русском фольклоре при этом очевидна мысль, что и та, и другая идеи жизнестроения в равной степени присущи русскому народу, что и составляет его сущность и загадку.

Интересна в этом смысле своеобразная «помощь», которую оказал Платонову О. Шпенглер своей широко известной сегодня книгой «Закат Европы» и другими произведениями, написанными позднее и разъясняющими точку зрения автора. Как кажется, появление русского перевода в 1923 г. дало возможность писателю в заочном споре-дискуссии с западноевропейским мыслителем уточнить собственные философские взгляды на земную историю, в частности, на пути преобразования Вселенной. Действительно ли человечество в целом и человек в частности утратили способность к творчеству? Что есть технические открытия – результат силы или бессилия? Есть ли еще у человека силы для «возвращения» природной одухотворенности мира? В итоге Андрей Платонов совершает одно из значительных художественных открытий русской литературы XX в. – признание возможности соединения, «синтеза претворенной действительности и просветленного сознания» [3].

Платоновские персонажи по-настоящему становятся понятны тогда, когда мы видим в них русский «извод» общечеловеческих стихий, пороков и страданий. Судьба русского народа такова, что многие из его внутренних сил, возможностей и органических способностей не получили настоящей реализации. Русский человек всегда доверял (и доверяет?) знанию, науке, поэтому находится в постоянном поиске (скитании, странничестве). Отсюда и ключевое противоречие русской личности: быть «соборным», признавать право большинства и одновременно проходить путь «блудного сына». Отсюда склонность разрушить всё «до основания», всё подвергнуть сомнению (Васья Буслаев) – нет абсолютной истины, нет непререкаемых авторитетов, вплоть до принятия идеи «Бога нет» или даже – «Бог умер». Человеку

лишь на определенном этапе своего жизненного пути (и не обязательно в старости) дано понять, *что* он имеет, наследником *какого* редкого богатства он является.

В статьях 1920 г. «Христос и мы» и «Да святится имя твое» вполне в соответствии с логикой философской концепции обновления или «воскрешения» (по Н. Федорову) мира Платонов обращается к образу Христа, наполняя его своими, новыми для традиционного сознания смыслами: «Мертвые молитвы бормочут в храмах служители мертвого Бога» [6. С. 592]. Для А. Платонова Христос – великий пророк гнева и надежды, а не проповедник «покорности слепому миру и озверевшим насильникам». В первой из названных статей полемически утверждается, что главный завет Христа – «царство божие усилием берется». Для автора это означает «борьбой, страданием и кровью, а не покорностью, не тихим созерцанием зла». А. Платонов, таким образом, признает идеал героического бытия и избранничества.

Идеи этой статьи о необходимости зла, но понятого по-особенному, по-платоновски, будут реализованы в его художественном творчестве. «Тут зло, но это зло так велико, что выходит из своих пределов и переходит в любовь – ту любовь, ту единственную силу, творящую жизнь, о которой всю свою жизнь говорил Христос и за которую пошел на крест. Не вялая, бессильная, бескровная любовь погибающих, а любовь-мощь, любовь-пламя, любовь-надежда, вышедшая из пропасти зла и мрака, – вот такая любовь переустроит, изменит, сожжет мир и душу человека» [6. С. 592].

Рассмотрим несколько аспектов проблемы преодоления демонизма в творчестве Андрея Платонова. Первый связан с расширением самой проблемы демонизма. Герой А. Платонова соединяет в себе черты, которые у писателей-предшественников были распределены по нескольким персонажам (ср., например, Фауст и Мефистофель у Гете). И если Лермонтов соединил в Демоне рефлексив, скепсис и бунт, то Платонов пошел дальше, но, как часто бывает у этого писателя, «не вперед», а «назад», к началу, к исходному, изначальному смыслу. Его демонические герои преодолевают демонизм, отказываясь от похоти и физической любви, стремясь сохранить силы для великих свершений.

В словаре В. И. Даля слово *демон* определяется следующим образом: «злой дух, дьявол, сатана, бес, черт, нечистый, лукавый» [2. Т. 1. С. 427]. Все в одном ряду, все персон-

нажи близки в своей принадлежности к миру зла, но что-то не дает нам назвать героя поэмы Лермонтова сатаной или дьяволом. Культурная память и традиция употребления этих имен в художественной литературе должна бы снять эту проблему: существует определенный ряд русских и западноевропейских произведений XIX в., основанных на вариациях сюжета о падшем ангеле, восставшем против бога (см., например: «Потерянный рай» Дж. Мильтона, «Каин» Дж. Байрона, «Фауст» Гете, стихотворения «Демон», «Ангел» А. С. Пушкина и др.). Как отмечают исследователи, поэт «вполне оригинален и в разработке сюжета, и в трактовке главного образа, который как бы совмещает человеческие искания Фауста с мефистофельским отрицающим началом и с мятежностью героев Мильтона и Байрона» [4. С. 130–131].

Демон у Лермонтова «усомнился», он находится в состоянии рефлексии духовного поиска (стремится узнать прежде всего связь индивидуального бытия с судьбами человечества и законами мироздания), для него характерен *бунт* против бога (непримирение коренных, *незыблемых* законов мироздания), он *вопрошает и обвиняет*. По мысли автора, человеческая душа несовершенна, так как несовершенен мир. Переплетение в поэме символических мотивов – космической (вселенской) мифологии, язычества и христианства, с одной стороны, и социально-исторических мотивов, связанных с особенностями эпохи 20–30-х гг. XIX в. – с другой, весьма характерно. Индивидуально-личностный аспект этой проблемы определен «апофеозом и трагедией свободной страсти» [4. С. 131].

Платонов избирает другое имя для своего героя – сатана. По В. И. Далю, сатана «кто во лжи, по кичливости духа; дьявол, кто во зле по самотности; демон, кто в похотях зла, по любви к мирскому» [2. Т. 4. 427], то есть желает зла из-за любви к земному, к людям.

Герои платоновских рассказов и повестей 1920-х гг. (Маркун, Вогулов, Кирпичников, Жох, Жмых и др.) – образы-персонажи, соединяющие в себе смысловые уровни мифологии, фольклора и литературы. Например, образ Маркуна в одноименном рассказе Платонова – воплощенная идея избранничества, необыкновенной участи того, кто, пройдя цепь испытаний, достигает поставленной цели, невзирая на жертвы и потери. Эта же (мифологическая по происхождению и фольклорная по наиболее последовательной реализации) идея оказывает-

ся плодотворной и в рассказе «Потомки солнца». С первых строк названного рассказа Платонов заставляет читателя увидеть в «нежном, печальном ребенке» будущего героя, предназначение которого – сделать то, «что невозможно и чего не может быть на земле, но чего хочется» [5. С. 32]. В еще не сформированном сознании этого персонажа соединились символы реального и метафизического: поле, небо, колокольный звон и рев паровозного гудка.

Заданные писателем два плана – мифологический (метафизический) и реальный – получают развитие в мотиве странничества, который лишь намечен – отдельными неразвернутыми строками: «Но он рос во сне»; «...днем было только солнечное пламя, ветер и тоскливая пыль на дороге» [5. С. 32]. Проходит время – и инженер Вогулов, «тот самый нежный мальчик», который видел «радостные сны» [5. С. 33], руководит перестройкой земного шара.

Семантика родового имени героя отсылает к преданиям о древнем народе вогулах, который был способен перемещаться на большие расстояния ради сохранения себя и обретения гармонии с природой. Вогулов – это и есть «дитя» народа-странника, которое выросло и теперь готово работать «бессменно, бессонно, с горящей в сердце ненавистью, с бешенством, с безумием и беспокойной неистощимой гениальностью» [5. С. 33]. Мотив безумства двойится: сама земля с развитием человечества «становилась всё более неудобна и безумна», и человек, взявшийся за переустройство земли, оказывается безумен (это безумие фольклорного Иванушки-«дурачка!»), так как взялся, с точки зрения обыденного сознания, за нечеловеческую миссию: «План Вогулова был очень прост» – нужно было лишь покорить силы ветра и направить их в необходимом человеку направлении: «это стало необходимостью, это стало вопросом дальнейшего роста человечества» [5. С. 33].

Так в огне и пламени энтузиазма, доведенного до предела и преодолевшего его (о чем говорят постоянные, диссонирующие с основной идеей характеристические детали утраты сознания: «раскалил свой мозг», «бессонница», «ненависть», «бешенство», «безумие» и «беспокойство»), и существует герой. В такие минуты спасительной для него оказывалась социальная идентификация: «и пел, чтоб опомниться, *рабочие* песни – других он не знал». Другой важный смысловой аспект – «возвращение»

героя к человеческому. Первая часть рассказа рифмуется своим смыслом с последней. В начале рассказа – мальчик, еще не «отпавший» от матери и отца, от человеческого сообщества, в финале – «сатана мысли», у которого есть боль в сердце – память о любимой девушке («Он двадцати двух лет полюбил девушку, которая умерла через неделю после их знакомства»).

Нечеловеческие страдания и боль привели к тому, «что не мог уже умереть» [5. С. 40]. Гибель души героя – смысловая, онтологическая неудача человека, но герой существует на уровне вечности, теперь он живет не «тепловым божественным сердцем» и не душой, а мозгом «невиданной, невозможной, невероятной мощи» [5. С. 40]. Герой существует в зеркальном, метафизическом мире, где «любовь стала мыслью, и мысль в ненависти и отчаянии истребляла тот мир...» [5. С. 40]. Так любовь, которая созидает, в художественной концепции А. Платонова оборачивается своей онтологической противоположностью – ненавистью, а жизнь меняется местом со смертью.

Особенностью словесного дискурса А. Платонова является единство процесса эстетического осмысления действительности, в котором через созерцание, отбор, монтаж писатель приходит к синтезу и художественному открытию. Становится ясным, что нравственные ценности существуют, даже если они не соответствуют реальной действительности. И сверхзадача писателя – создать художественный образ-гештальт *претворенной* реальности.

При этом его волнует проблема избранничества. Избранничество – это в контексте нашего разговора вид демонизма, предназначение, принятое программой поведения личности, поколения, народа, человечества в качестве «внутренней формы» судьбы. Оно может мотивироваться авторитетом Традиции, личной одержимостью (= гордыней) или трансцендентно – внушением Откровения, знаменованием фактов мистического опыта, метаисторическим сценарием родовой вины или Божьего пощущения, сакральным указанием благословляющего жеста ангела, жреца, учителя, духовника, родителя.

Бытовая интуиция избранничества чревата сомнением в исполнимости, более того – в неугаданности его смысла: на этой почве вероисповедный образ Промысла незаметно подменяется языческим стереотипом Судьбы (в реплике Печорина: «Верно, было мне назначение высокое <...> Но я не угадал этого назна-

чения»). М. Лермонтову принадлежит исходная модель русского отношения поколений. В «Думе» («Печально я гляжу на наше поколение...», 1838) «я» автора-героя то противопоставит современникам, то включается в поколенческое «мы», то свершает немислимое – смотрит на поколение 30-х гг. «из будущего».

Н. Фёдоров обосновывает гипотезу вторичного рождения отцов детьми как единственный и необходимый путь спасения человечества и Вселенной. Если «человек не произведение только природы, но и дело или создание искусства», то в союзе человека и искусства с Натурой есть обетование рукотворного Преображения.

А. Платонов был убежден, что правда приходит в форме лжи (это форма ее самозащиты); например, если читать Ф. Ницше «наоборот», мы увидим картину утверждения положительного идеала через их отрицание.

Статья «Преображение», впервые опубликованная А. Платоновым 1 мая 1920 г., уже в заголовке содержит скрытую игру «старыми» и «новыми» смыслами. В христианской традиции Преображение Господне – один из двенадцатых церковных праздников православной церкви (6/19 августа), когда апостолам открывается божественная сущность Иисуса, в широком смысле – Истина предназначения, момент ее узнавания. А 1 мая – день Весны и Труда, солидарности трудящихся во имя великой цели – построения первого в мире справедливого государства рабочих и крестьян. Это праздник высвобождающейся энергии природы, направленной на уничтожение старого и воплощение нового проекта жизнеустройства.

Масштабность авторских задумок обуславливает необходимость обращения писателя к грандиозному сюжету библейского мифа сотворения земли и всего сущего. К этой «древней книге» отсылает читателя эпитафия: «Земля была темна и неустроена» [б. С. 589] (ср. Быт. 1:2). Андрею Платонову, учившемуся в церковно-приходской школе, конечно, была известна и очевидно близка важная идея из Нового Завета – идея новотворения мира (ср. Рим. 5:17). При этом обновление мира, как и его первотворение, сконцентрировано вокруг человека (1 Кор. 15:45–49; ср. Быт. 1:26): «Через тьму, хаос, зверя из земных глубей пронесся огонь чистого желанья и вспыхнул непога-

сающим светом в душе последнего создания – человека. Вспыхнул со страшною разрушающей мощью, ибо человек – великий творец. Он одинаково радуется и при разрушении, и при созидании: ведь разрушение – начало творения, а в конце творения уже оживает семья разрушения...» [б. С. 589]. Платонов подчеркивает, что обновленный мир требует нового человека, обладающего творческой энергией: «И он преобразил Землю, чтобы так же было здесь свободно и прекрасно, как в далекой небесной мечте о рае» [б. С. 590]. Заканчивается статья гимном человеку, перед которым открывается величественная историческая перспектива преобразования Вселенной.

Рождение бога-человека, сына человеческого (по Н. Федорову) «сильнейшего из детей земли», изменило расстановку сил: человек почувствовал себя единственным повелителем вселенной. «Человек и труд овладели друг другом» [б. С. 590]. Человек, по примеру Христа, осознал себя, «обручился с трудом», «труд стал смыслом жизни вселенной, когда стал смыслом человека». Завершается статья прославлением труда: «Труд – истинная мать жизни. Да святится же имя Его!»

Таким образом, А. Платонов в своем творческом наследии отстаивал философию «бытия как деяния» (Н. Федоров), его герой – не с неба, а «из грязи», от земли.

Список литературы

1. Голованов, И. А. Мифо-фольклорные мотивы в рассказе А. Платонова «Маркун» // Челябин. гуманитарий. 2011. № 3 (16). С. 16–20.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1989–1991.
3. Дырдин, А. А. Андрей Платонов и Освальд Шпенглер: смысл культурно-исторического прогресса [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/proza/platonov_a/dyrdin3.html.
4. Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. М., 1981.
5. Платонов, А. Усомнившийся Макар : рассказы 1920-х гг.; стихотворения / вступ. ст. А. Битова. М., 2009.
6. Платонов, А. Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика / сост., коммент. Н. В. Корниенко. М., 2011.

А. Т. Дадашева

ПРИЧИНЫ НАРУШЕНИЯ НЕКОТОРЫХ НОРМ ЯЗЫКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ДЕТСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Описывается результат анализа четырех романов и пяти рассказов, написанных детьми в возрасте от семи до двенадцати лет. Цель исследования – определение факторов, приводящих к нарушению детьми грамматических и речевых норм в письменной речи. В ходе исследования были выявлены основные причины нарушения языковых норм в текстах, написанных детьми. Определена закономерность проявлений этих нарушений в зависимости от возраста авторов.

Ключевые слова: произведения, написанные детьми; речевые ошибки, грамматические ошибки, нарратив, совершенный вид глагола, несовершенный вид глагола.

Вопросами отклонения от языковых норм в устной и письменной речи детей занимались многие лингвисты, в частности С. Н. Цейтлин [12], Ю. В. Фоменко [10]. Большинство исследователей при рассмотрении данной проблемы обращалось либо к устным высказываниям детей, либо к текстам, написанным школьниками по инициативе учителя (сочинения, изложения, письменные упражнения из учебников и т. п.). В статье мы обратимся к оригинальным и самостоятельным литературным произведениям, созданным детьми.

Целью настоящей статьи является определение факторов, приводящих к нарушению детьми грамматических и речевых норм в письменной речи.

Для достижения поставленной цели мы провели анализ четырех романов и пяти рассказов, написанных детьми в возрасте от 7 до 12 лет (см. табл. 1), выявили нарушения грамматических и речевых норм, определили причину их возникновения.

В статье мы сосредоточили внимание на «отрицательном языковом материале» (термин Л. В. Щербы) [11. С. 27].

«Язык, добываемый детьми из речи (детский язык), не вполне адекватен тому языку, который управляет речевой деятельностью взрослых людей (нормативный язык)» [12. С. 6]. В сознании ребенка еще нет четкого деления на систему и норму. Последнее усваивается позднее. Поэтому большинство ошибок, допускаемых детьми в раннем возрасте, можно назвать системными. «Ай, какие обезьяны уклюжие!» [13. С. 54], «Я не черепаха, я черепах» [13. С. 57], «Мой папа воевает», «Ты не дадошь, а я возьму», «Нарисовай мне барбоса» [13. С. 66]. Системные ошибки встречаются, как правило, в текстах детей младшего школь-

ного возраста. Количество таких нарушений минимально. Это объяснимо тем, что ребенок не лишен языкового чутья – «неосознанного, безотчетного умения безошибочно следовать нормам речи в области словообразования, лексики, синтаксиса, стилистики» [9. С. 35]. На развитие данного навыка направлено и школьное образование.

Первоначально ребенок постигает язык, ориентируясь на инпут. Здесь следует отметить, что речь окружающих людей может не всегда соответствовать норме. Таким образом, возникает еще один фактор, способствующий появлению ошибок в речи детей, – просторечие. С. Н. Цейтлин отмечает: проявления просторечия «могут касаться лексики, морфологии, синтаксиса и фонетики» [12. С. 10]. Количество ошибок, возникающих под влиянием просторечия, в произведениях, написанных детьми, велико; хотя их и меньше, чем композиционных.

С. Н. Цейтлин выделяет еще один фактор, способствующий возникновению речевых ошибок, – сложность механизма порождения речи [12. С. 11]. «Перед говорящим (пишущим) стоит задача воплотить определенный смысл в текст (устный или письменный). В сознании производителя речи происходит несколько сложных процессов: отбор синтаксической модели из числа хранящихся в долговременной памяти, выбор лексики для заполнения синтаксической модели, выбор нужных форм слов, расстановка их в определенном порядке. Все эти процессы протекают параллельно и взаимно координируются. <...> Каждый раз происходит сложная, многоаспектная работа по оформлению речевого произведения. При этом огромную роль играет оперативная (кратковременная) память, работающая всего

несколько секунд» [12. С. 11]. Именно «недостаточным развитием оперативной памяти детей объясняются многие речевые ошибки» [12. С. 11], которые С. Н. Цейтлин условно называет «композиционными» [12. С. 11]. Примеры композиционных ошибок очень разнообразны. К ним можно отнести местоименное дублирование одного из членов предложения (чаще – подлежащего): «Гамд не столько не расстроился, сколько он обрадовался, что сможет убить Мерса» (Максим П., 8 лет). С. Н. Цейтлин пишет: «смысловая избыточность связана с несовершенством оперативной памяти, неспособной удержать произнесенный (написанный) текст» [12. С. 12]. Вследствие этого возникают повторы, тавтологии и пропуски необходимых членов предложения. Именно на композиционные ошибки приходится наибольшее количество нарушений языковых норм в рассматриваемых нами текстах.

Анализ указанных выше текстов выявил следующую закономерность. Дети младшего школьного возраста допускают примерно одинаковое количество речевых и грамматических ошибок. После того, как ребенок переходит в среднее звено, количество грамматических ошибок значительно снижается (см. табл. 2). Это связано с тем, что в среднем звене обучению грамматике посвящена большая часть учебного времени. Кроме того, в этот период дети активно осваивают новую лексику и знакомятся с разными стилями. Накопление «речевого материала» (устаревшие слова, фразеологизмы, штампы, клише, канцеляризм, архаизмы) и отсутствие опыта его использования приводит к нарушению речевых норм в создаваемых детьми текстах. Мы выделили несколько ошибок, встречающихся в текстах чаще других (см. табл. 3). Наибольшее количество речевых ошибок обусловлено нарушением лексической сочетаемости. Причиной нарушения этой нормы, на наш взгляд, является непонимание ребенком значения употребляемого слова. Среди грамматических ошибок чаще всего встречаются нарушения видовременной соотнесенности. Рассмотрим этот тип ошибок подробнее.

Совершенный и несовершенный виды глаголов (СВ и НСВ) имеют частные значения (см. Ю. С. Маслов [5], А. В. Бондарко [1], О. П. Расудова [8], М. Я. Гловинская [3], Е. В. Падучева [6] и др.) Частные значения видов глаголов раскрываются с помощью контекста. Ребенок создает литературное произведение того или иного жанра, не владея нарративными ком-

петенциями. Как было указано ранее, самой распространенной грамматической ошибкой является нарушение видовременной соотнесенности (см. табл. 3). Ошибки, связанные с употреблением НСВ и СВ, часто связаны с непониманием ребенком лексического значения глагола. Рассмотрим следующий пример: *Катя еще не рождает, но скоро родит* (Максим П., 8 лет). Перед нами видовая пара глаголов *рожать – родить*. Рассмотрим общее значение видов глагола. НСВ обозначает ситуацию, которая «по своей природе такова, что она длится во времени, то есть проходит через серию последовательных временных фаз» [6. С. 86]. СВ же указывает на «изменение состояния; то есть при нормальном развитии этой ситуации рано или поздно наступит итоговое – или просто новое – состояние» [6. С. 86]. Действительно, глагол *рожать* подразумевает преодоление неким субъектом определенных фаз. Моментом наблюдения в рассматриваемом предложении становится момент речи, и в данной ситуации «имеет место одна из серии последовательных фаз ситуации, обозначаемой глаголом» [6. С. 86]. Естественно, ребенок не может знать детально, как проходит процесс, обозначаемый глаголом «рожать». Стоит учитывать, что этот процесс протяжен во времени, и глагол в контексте приобретает частное значение – НСВ актуально-длительное. В глаголе СВ «итоговое состояние наступает тогда, когда <...> субъект достигает поставленной цели, то есть возникает результат» [6. С. 86–87]. В нашем случае это рождение ребенка (*Катя скоро родит*). Итак, глаголы *рожать-родить* иллюстрирует «нетривиальное» [2] соотношение (предельное): «СВ обозначает изменение состояния, а НСВ – одну из фаз соответствующего процесса» [6. С. 89]. Нарушение видовременной соотнесенности в предложении *Катя еще не рождает, но скоро родит* (Максим П., 8 лет) влечет за собой логический парадокс: процесс родов еще не начался, но скоро появится его результат.

Другой причиной нелогичности данного предложения становится тот факт, что глагол *родить* является двувидовым. Будет он СВ или НСВ зависит только от контекста: *Ум праву родит* (поговорка) и *Там каждый год родили, сколько были беременные, столько родили* (архаический говор) [4]. Данные факты, конечно, неизвестны ребенку. Таким образом, в предложении *Катя еще не рождает, но скоро родит* (Максим П., 8 лет) мы выявили нарушения грамматической и жанрово-дискурсивной

компетенций. Последняя «заключается в умении организовывать дискурс в соответствии с канонами конкретного жанра, выбранного для достижения коммуникативного намерения субъекта в заданном экстралингвистическом контексте» [7].

Итак, можно выделить следующие факторы, которые приводят к нарушению языковых норм в устной и письменной речи детей:

1) усвоение системы языка происходит раньше, чем усвоение языковых норм;

2) влияние просторечия;

3) сложность механизма порождения речи;

4) непонимание авторами того факта, что нарратив – принципиально особый тип речевого взаимодействия, обладающий своими отличиями, неизвестными детям в силу их возраста и литературного опыта.

Ребенок не осознает, что «язык нарратива – это редуцированный язык: некоторые существенные единицы разговорного языка не могут быть употреблены в нарративе, по крайней мере в их первичном значении» [6. С. 199]. «Язык нарратива состоит, в основном, из тех же слов и тех же синтаксических построений, что и разговорный язык. Но только в основном: какие-то элементы разговорного языка все-таки оказываются в нарративе (или по крайней мере в определенной его форме) недопустимыми, а другие – и их очень много – меняют интерпретацию» [6. С. 199].

Таблица 1

Количество проанализированных текстов	9
Количество авторов	6
Имя и возраст автора	Гриша К., 7–7,5 лет Максим П., 8 лет Катя А., 10 лет Аня К., 11 лет Саша Д., 11 лет Маша Л., 12 лет

Таблица 2

Возраст	Речевые ошибки	Грамматические ошибки
8 лет	24	21
11 лет	8	9
11 лет	2	4
7–7,5 лет	13	9
10 лет	7	10
12 лет	44	17
Итого	98	70

Таблица 3

Типы ошибок, допущенных в проанализированном материале

Тип ошибки	Ошибка	Кол-во
Речевые ошибки	Непонимание значения слова	13
	Нарушение лексической сочетаемости	18
	Неоправданное употребление слова с просторечной окраской	11
	Тавтология и плеоназм	11
	Повторы	12
Грамматические ошибки	Неправильное построение предложения	7
	Нарушение видовременной соотнесенности	13
	Пропуск членов предложения	8
	Нарушение согласования	5

Список литературы

1. Бондарко, А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971.
2. Булыгина, Т. В. Ментальные предикаты в аспекте аспектологии / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка: проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989. С. 31–54.
3. Гловинская, М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
4. Двувидовые глаголы в диалектах [Электронный ресурс]. URL: <http://textologia.ru>.
5. Маслов, Ю. С. Универсальные семантические компоненты в содержании грамматической категории совершенного/несовершенного вида // Советское славяноведение. 1973. № 4. С. 73–83.
6. Падучева, Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
7. Попова, Е. С. Пути овладения дискурсивным компонентом иноязычной коммуникативной компетенции [Электронный ресурс] // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Уфа, май 2014 г.). URL: <http://www.moluch.ru/conf/ped/archive/103/5596>.
8. Рассудова, О. П. Употребление видов глагола в русском языке. М., 1968.

9. Федоренко, Л. П. Принципы обучения русскому языку. М., 1973.

10. Фоменко, Ю. В. О принципах классификации ошибок в письменных работах школьников // Рус. яз. в шк. 1973. № 1. С. 32–35.

11. Цейтлин, С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М., 2009.

12. Цейтлин, С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение : пособие для учителей. М., 1982.

13. Чуковский, К. И. От двух до пяти. М., 1968.

МЕТАФОРИЗАЦИЯ В РУССКОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Анализируются русские сельскохозяйственные термины, образованные в результате метафорического переноса. Рассматриваются теоретические вопросы о роли лексико-семантических процессов в формировании терминологических номинаций. Сельскохозяйственные термины, появившиеся в результате метафорических переосмыслений, описываются с точки зрения времени возникновения в русском языке и способа образования.

Ключевые слова: сельскохозяйственная терминология, терминосистема, лексико-семантический способ, метафоризация, изменение морфологической парадигмы.

Современная русская сельскохозяйственная терминология представляет собой обширную систему, включающую различные по происхождению лексические единицы, в числе которых обширный пласт составляют исконно русские термины, образованные в результате лексико-семантического способа образования слов. В специальных исследованиях по рассматриваемой проблеме отмечается, что переосмысление общелитературной лексики, или терминологизация, является одним из основных способов образования терминов [8. С. 26–27].

Как свидетельствует анализ научной литературы по исследуемому вопросу, терминологизированные слова и словосочетания, принадлежащие общему языку, но выражающие научные понятия, не равны «обыденным», или бытовым, понятиям. «Обыденное» и научное понятия, сложно взаимодействуя, сосуществуют в значении одного и того же слова. По словам В. В. Виноградова, «слово исполняет номинативную или дефинитивную функцию, то есть является или средством четкого обозначения, и тогда оно – простой знак, или средством логического определения, тогда оно – научный термин» [5. С. 12]. Многие термины, принадлежащие общелитературному языку, в языке науки приобретают особый, более узкий, а зачастую даже новый смысл, иными словами, «остраняются», обособляются. Подобное обособление терминов обусловлено функционально: назначением языка науки, целью общения в специальной сфере. Ср.: «Превращение общепотребительных слов в термины тесно связано с приписыванием им через дефиниции определенных смыслов, не развившихся стихийно в рамках семантической структуры данного слова, а сложившихся относительно независимо в сфере данной науки» [13. С. 35].

Проведенные исследования позволяют утверждать, что возникновение терминологических значений в семантической структуре общенародных слов характерно и для лексических единиц, входящих в состав русской сельскохозяйственной терминосистемы. Ср.: *предшественник* – «тот, чья деятельность в той или иной области подготовила что-л. в деятельности других» [2. С. 962]; «**Предшественники** в севообороте – культуры или пары, занимавшие данное поле в предшествующем году» [22. С. 423]; *пасынок* – «1. неродной сын одного из супругов (приходящийся родным другому)»; «2. С.-х., сад. Боковой побег растения, вырастающий из пазух листьев» [2. С. 786]; *Пасынкование* – «удаление боковых побегов (**пасынков**), вырастающих из пазух листьев в надземной части главного стебля (у томата, табака, махорки, семенников капусты, моркови)» [22. С. 381] и так далее.

Следует отметить, что в большинстве случаев семантические переосмысления общелитературных слов, сопровождающиеся появлением в их семантической структуре терминологических значений, происходят в результате явления метафорического переноса. Обращая внимание на широкое распространение названного способа в языке науки, многие ученые нередко подчеркивают то обстоятельство, что научные способы описания всегда были метафоричными [14. С. 36; 12. С. 76 и др.]. Участвуя в деривационных процессах, метафоризация не происходит бессистемно; она подчиняется определенным законам данной терминологии. Так, Е. О. Шибанова отмечает, что источники метафор для отражения окружающего нас мира «подбираются исходя из их предметного характера, возможности пространственного представления и распространенности реалий

в широком сознании (быт, природа, спорт, театр и т. д.)» [25. С. 198; ср.: 24. С. 107 и др.]. Большое значение для метафоризации имеют различные языковые и внеязыковые феномены и процессы. С одной стороны, язык постоянно претерпевает изменения, приспосабливается к новым условиям коммуникации, сохраняя при этом свою относительную стабильность, в связи с чем многие слова и термины постоянно изменяются в семантическом аспекте, не нарушая закономерность развития самого языка. С другой стороны, экстралингвистические, прежде всего когнитивные и психологические факторы нередко определяют универсальность и закономерность процесса метафоризации в терминологии, неисчерпаемость семантического потенциала словесных единиц, постоянное смещение их семантических границ [подробнее см.: 9. С. 26; 10. С. 122 и др.].

Как показали проведенные исследования, лексико-семантический способ терминообразования является исконным в формировании русской специальной лексики и терминологии. Именно перенос названия общеизвестного понятия на специальное стал основным средством создания терминологических номинаций различных отраслей знания в русском языке XVIII–XIX вв. Исследуя русскую лексику XIX столетия, Ю. С. Сорокин отмечал, что «едва ли не главную роль в обновлении и изменении лексической системы литературного языка в это время играют семантические переломы и сдвиги в кругу уже известных слов. Эти семантические сдвиги настолько радикальны, что слово подчас начинает новую жизнь» [23. С. 325].

Таким образом, приспособление слов общего употребления к узкой сфере – традиционный и весьма продуктивный прием наименования специальных понятий. Исторически это объясняется тем, что научные понятия формировались на основании обобщений, полученных в процессе практического познания мира, в результате чего происходило усложнение семантической структуры слова. В специальной литературе по терминоведению отмечается, что «лексическое значение становилось недостаточным для выражения содержания научного понятия. Конкретизация его ... фактически приводила к отпочкованию нового слова со специализированным значением, к появлению семантического неологизма» [9. С. 23].

Следует отметить, что в XVIII–XIX столетиях в связи с общей тенденцией формирова-

ния языка науки в русском языке было образовано весьма большое количество терминологических единиц сельскохозяйственной тематики. Формирование русской сельскохозяйственной терминологии тесно связано с именем А. Т. Болотова, известного агронома XVIII столетия, который ввел в научный обиход ряд терминов растениеводства, частично сохранившихся до наших дней. Эти лексические единицы имеют общую примету – суффикс со значением уменьшительности. В XVIII в. такие слова еще не воспринимались как официальные термины, поэтому при их описании приходилось объяснять значения этих слов, приводить синонимические названия и иногда сопровождать описанием внешнего вида части растения [подробнее см.: 17. С. 45–46]. Только в XIX столетии термины, обозначающие части растений, получили официальный статус и были зафиксированы в специальных энциклопедических словарях. В числе терминов, представляющих собой ЛСВ общенародных слов и употреблявшихся в сельскохозяйственной сфере исследуемого периода, можно назвать слова *глазки*, *клубочки*, *головка*, *шейка*, *бородки*, *зривки*, *блюдца*, *ушки*, *язычок*, *рожки*, *мешочки*, *чашечки* и др. Ср., напр.: «Размноженіе **глазками** (для рѣдкихъ сортовъ винограда и въ случаѣ недостатка черенковъ) состоитъ въ обрѣзкѣ вѣтви на 1/3 – 1/2 вершка надъ **глазкомъ**, раскалываніемъ ея вдоль пополамъ и помѣщеніемъ отрѣзковъ въ парники или горшки на глубину 1 вершка» [1. С. 43]; «...свекловичные корни (сѣменники, высадки) выгоняють высокій стебель съ вѣтвями, покрывающимися множествомъ зеленыхъ цвѣтковъ. Послѣдніе располагаются кучками по 2–6 въ углахъ узкихъ прицвѣтниковъ, образуя такъ называемые свекловичные **клубочки**» [1. С. 1177]; «Главная часть свекловичнаго растенія, представляющая особенный интересъ для сельскаго хозяина, его корень, называемый иногда буракомъ, состоитъ изъ 3 частей: **головки**, верхней части, поддерживающей при себѣ листья, **шейки** ... и собственно корня» [1. С. 1177] и так далее.

Следует отметить, что возникновение новых сельскохозяйственных значений в семантике общенациональных лексем в XIX столетии не всегда было связано с изменениями морфологической парадигмы мотивирующих слов. В большинстве случаев новые аграрные термины формировались в русском языке без морфологических изменений. К числу таких

терминов относятся, например, слова *подошва* (плуга), *утомление* (почвы), *спелость* (пашни), *пасынок* и др. Ср.: «Лемехъ, ножъ, отваль, стойки, полевая доска, **подошва**, рукоятка и грядиль, составляя вмѣстѣ одно цѣлое, обыкновенно съ неподвижно соединенными частями образуютъ плужной корпусъ» [1. С. 1000]; «**Утомление** почвы (почвоутомление). Иначе почвенная усталость» [1. С. 1337]; «**Спелость** пашни – такое состояніе подвергшейся извѣстной обработкѣ почвы, при которомъ ея клиническія и физическія свойства соотвѣтствуютъ возможно высокой степени ея плодородія» [1. С. 1255]; «Пасынкованье. Удаленіе у растений **пасынковъ**, то есть боковыхъ побѣговъ...» [1. С. 957] и так далее. Ср. представление приведенных лексических единиц в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля: *подошва* – «исподъ обуви, та часть, коею ступаютъ на землю» [7. Т. 3. С. 193]; *утомление* – «дѣйст. и сост. по гл.», *утомлять* – «кого чѣмъ, приводить въ усталость, въ изнеможенье, замучить, умять» [7. Т. 4. С. 521]; *спелость* – «состояніе спѣлаго, зрѣлости», *спеть* – «вы(до, по)спѣвать, зрѣть, созрѣвать, приходитъ въ спѣлость, въ зрѣлость» [7. Т. 4. С. 302]; *пасынок* – «не родной, одному изъ супруговъ сынъ; такъ сынъ отъ перваго брака, приведенный ко второму браку, будетъ второму супругу пасынокъ» [7. Т. 3. С. 24].

Семантический способ словообразования в терминологической системе сельского хозяйства в XIX столетии распространялся и на устойчивые терминологические словосочетания. Наибольшее распространение в исследуемой терминологической системе указанного периода получили составные термины, в которых метафоризировано прилагательное. Метафоризация прилагательного происходит при этом только в терминологическом словосочетании. Ср.: *легкая почва* [1. С. 1319], *тяжелая почва* [1. С. 1319], *лапчатая борона* [1. С. 630], *кислый луг* [1. С. 464] и др.

В последующие периоды развития русского языка: советский (конец второго десятилетия XX в. – середина 80-х гг. XX в.) и новейший (середина 80-х гг. XX в. – первое десятилетие XXI в.) – семантическое переосмысление слов общенационального языка для нужд профессиональных подязыков сохраняет свою продуктивность. Такая актуальность лексико-семантического способа образования терминов связана с характерными чертами, которыми обладают образованные с помощью данно-

го способа специальные терминологические наименования: краткость термина, связь с национальным языком и легкость запоминания. Среди терминов сельскохозяйственной сферы, образованных при помощи метафорического переноса в указанные периоды, доминируют лексические единицы, деривация которых не связана с преобразованием морфологической парадигмы мотивирующего слова.

Так, например, к числу терминов, не претерпевших изменения формы слова в результате метафорического переноса, относятся лексемы *горизонт* (почвенный), *пальцы* (комбайна), *плеть*, *кисть*, *кулисы* и др. Ср.: *плеть* – «стелющийся по земле стебель растения с короткими междоузлиями; орган вегетативного размножения, например, тыквы, арбуза, огурца» [21. С. 401], ср.: *плеть* – «1. Перевитые ремни или веревки, прикрепленные к рукоятке. 2. Стебель, боковая ветвь ползущего по земле или выющегося вверх растения» [2. С. 842]; «Из прорастающих почек головки корнеплода развиваются облиственные побеги... Соцветие – мутовчатая колосовидная **кисть**» [18. С. 182], ср.: *кисть* – «1. Часть руки от запястья до конца пальцев. 2. Скопление плодов или цветков на одной ветке, одном стебле; гроздь» [2. С. 430]; «*Кулисный пар* – чистый пар, на котором полосами (**кулисами**) высевают высокостебельные растения... **Кулисы** смягчают отрицательное действие суховеев, задерживают снег на полях, защищают почву от эрозии» [21. С. 205], ср.: *кулисы* – «1. Плоские части декорации, располагаемые по бокам сцены одна за другой. 2. С.-х. Перемежающиеся полосы из двух-трех рядов высокостебельных растений (кукурузы, подсолнечника и т. п.), высеваемые на паровом поле для снегозадержания и защиты озимых посевов от выдувания ветром, замерзания и т. п.» [2. С. 479].

Вместе с тем в современной сельскохозяйственной терминосистеме русского языка наблюдается процесс ретерминологизации, то есть процесс переноса готового термина из одной дисциплины в другую с полным или частичным переосмыслением [см. подр.: 4. С. 556]. Указанный процесс называют также межсистемным заимствованием терминов, нередко осуществляемым на основе метафорического переноса. Как показывают исследования, процесс ретерминологизации в современной терминосистеме сельского хозяйства приводит к возникновению межнаучных, или межстилевых, терминов, принадлежность которых к ис-

следуемой сфере нередко раскрывается в конкретном контексте: *стресс растений* («Другим основанием для внекорневой подкормки является устранение **стресса растений**, который может возникать при неблагоприятных погодных условиях или проведении мероприятий по защите растений») [15. № 1. С. 80], ср.: *стресс* от англ. *stress* «напряжение» – «состояние напряжения, возникающее у человека или животного под влиянием сильных воздействий») [16. С. 1168]; *депрессия роста* («У рапса отсутствие бора ведет к **депрессии роста**. Стеблестой рапса выглядит деформированным и растет медленно») [15. № 1. С. 79], ср.: *депрессия* от лат. *depressio* – «в медицине психическое расстройство: тоскливое, подавленное настроение с сознанием собственной никчемности, пессимизмом, однообразием представлений, снижением побуждений...», «в экономике фаза экономического цикла, наступающая после кризиса перепроизводства...» [16. С. 326]; *дистрибуция семян* («Сформирована комплексная система селекционно-семеноводческой деятельности по полному отраслевому циклу, начиная от селекции новых сортов и гибридов и заканчивая **дистрибуцией семян** и разработкой технологий повышения эффективности их возделывания») [15. № 4. С. 12], ср.: *дистрибуция* от лат. *distributio* «распределение» – «термин, употребляемый в структурном языковедении, обычно в дескриптивной лингвистике. Под дистрибуцией данного элемента понимают все окружения, в которых он встречается, то есть все его позиции относительно других элементов» [16. С. 344].

В целом, как показали проведенные исследования, процесс метафорического переосмысления слов общенародного языка, связанный с возникновением в семантической структуре таких лексических единиц терминологических значений, является одним из ярких способов формирования сельскохозяйственных терминов русского языка. Исследуемый способ образования терминологических номинаций является исконным в русском языке. Исторически он восходит к периоду становления языка русской науки (конец XVIII–XIX вв.) и продолжает сохранять свою продуктивность в новейший период развития русского языка (середина 80-х гг. XX в. – первое десятилетие XXI в.). Формирование новых сельскохозяйственных значений в семантике общенациональных лексем в разные исторические периоды происходило, с одной стороны, в результате преобразования морфологиче-

ской парадигмы мотивирующих слов, с другой стороны, без морфологических изменений.

Список литературы

1. Богданов, С. М. Иллюстрированный сельскохозяйственный словарь : энциклопедия. Киев, 1895. 1446 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2001. 1535 с.
3. Бурнашев, В. П. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного : в 2 т. СПб., 1843–1844. Т. 1–2.
4. Васильева, Н. В. Терминология лингвистическая // Русский язык : энциклопедия. М., 2003. С. 560–562.
5. Виноградов, В. В. Русский язык: (грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947. 784 с.
6. Генетика культурных растений: зернобобовые, овощные, бахчевые / под ред. Т. С. Фадеевой, В. И. Буренина. Л., 1990. 287 с.
7. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1989–1991. Т. 1–4. (Репринтное издание 1880–1882 гг.).
8. Даниленко, В. П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. М., 1977. 243 с.
9. Ивлева, Г. Г. О роли метафоры в процессах познания (на материале немецкой космической терминологии) // Терминолог. вестн. 2000. Вып. 1. С. 26–28.
10. Карипиди, А. Г. Агрономический курс : понятийно-термино-логические и концептуальные основания : дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 161 с.
11. Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. 3-е изд. М., 2007. 256 с.
12. Лингвистический аспект стандартизации терминологии / В. П. Даниленко, И. Н. Волкова, Л. А. Морозова, Н. В. Новикова. М., 1993. 127 с.
13. Митрофанова, О. Д. Научный стиль речи: проблемы обучения / О. Д. Митрофанова. 2-е изд. М., 1985. 229 с.
14. Никитина, С. Е. Семантический анализ языка науки: на материале лингвистики. М., 1987.
15. Новое сельское хозяйство : журнал. 2007. № 1; 2008. № 4.
16. Новый энциклопедический словарь. М., 2007. 1455 с.
17. Нуржанова, Д. К. Способы номинации в сельскохозяйственной терминологии : дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 120 с.

18. Прохорова, В. Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование). М., 1996. 125 с.
19. Растениеводство / под ред. Г. В. Коренева. М., 1999. 368 с.
20. Сельскохозяйственная энциклопедия : в 6 т. / под ред. В. В. Мацкевича, П. П. Лобанова. М., 1969–1975. Т. 1–6.
21. Сельскохозяйственный словарь-справочник / под ред. А. И. Гайстера. 2-е изд., доп. и испр. М.; Л., 1934. 1279 с.
22. Сельскохозяйственный энциклопедический словарь / под ред. В. К. Месяц. М., 1989. 655 с.
23. Сорокин, Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е гг. XIX в. М.; Л., 1965. 565 с.
24. Суперанская, А. В. Общая терминология: вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. 4-е изд. М., 2007. 248 с.
25. Шибанова, Е. О. Метафорические концептуальные системы в сфере экономики и политики (на материале английской прессы) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.

Ю. А. Ермолаева, М. А. Короткевич

СЕМАНТИЧЕСКОЕ МИКРОПОЛЕ «ГЛАГОЛЫ РЕЧИ» В РУССКИХ ГОВОРАХ БАШКИРИИ

Представлена модель описания семантических различий диалектных слов лексико-семантической группы глаголов речи (говорения), отмеченных в говорах Башкирии. Выявлены общие и частные закономерности развития значения диалектного слова в системе разнородных говоров, отражены результаты поиска языком номинаций процессов в соответствии с продуктивными тенденциями. Описание диалектных глаголов говорения в русских говорах Башкирии позволит дополнить процессуально-событийную картину мира.

Ключевые слова: русский язык, семантика диалектного слова, диалектные различия, диалектный ландшафт, междиалектное контактирование.

В настоящее время особую актуальность приобретает комплексное описание диалектных явлений различных языковых уровней, выявление внешних и внутренних факторов взаимодействия элементов различных микросистем в составе диалектного языка. Наиболее перспективно исследование лексики русских говоров, которая представляет собой незамкнутую динамично развивающуюся систему, являющуюся результатом особого осмысления окружающего мира. Диалектоноситель, не ограниченный рамками кодификации, в условиях устной речевой коммуникации использует все имеющиеся языковые средства разных уровней. Исследование позволит определить действующие связи и отношения, по которым осуществляется встраивание новых элементов в определенные участки системы, и сложить целостное представление о картине мира, присущей конкретному языковому коллективу [9. С. 75].

Особый интерес представляет глагол, по мнению ряда ученых, основной образный и когнитивный ресурс языка, «более чем другая часть речи “приспособленный” для номинации динамических фрагментов мира» [6. С. 44]. Как считает В. Л. Ибрагимов, «емкость и динамизм внутреннего содержания глагольного слова находит проявление в том, что в структуре его значения объективно присутствуют семантические компоненты как конкретного, так и предельно абстрактного уровня. Эти особенности семантики глагольного слова во многом определяют его динамический деривационный потенциал, то есть разнообразные возможности развития его значения и оформления дериватов в виде внутрисловного семантического поля (полисемия). В реализации семантического потенци-

ала глагола участвуют все типы компонентов его значения» [6. С. 44].

Антропоцентрический подход к описанию лексики русских говоров предопределяет значимость лексико-семантической группы (далее – ЛСГ) глаголов речи (говорения). Глаголы говорения интересовали ученых уже со времен античности. На материале русского языка глаголы речи описаны и систематизированы в работах Ю. Д. Апресяна, Л. М. Васильева, А. Вежбицкой, Ф. П. Филина и др. На диалектном материале глаголы речи исследуются в работах Ю. А. Бессоновой, Л. С. Коршуновой, О. И. Соколовой, С. Т. Скитовой. В семантике глаголов речи, по мнению Ю. А. Бессоновой, отражается взаимосвязь различных аспектов человеческой деятельности: форма проявления речевой деятельности, результат когнитивной деятельности человека, поведенческие характеристики, связанные с особенностями его личности [2].

Описание ЛСГ глаголов речи в русских говорах Башкирии стало возможным благодаря полномасштабной работе по сбору, систематизации и анализу материала, которая в течение длительного времени осуществлялась на кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания Башкирского государственного университета под руководством и при непосредственном участии З. П. Здобновой. Созданные ею фундаментальные работы «Атлас русских говоров Башкирии», «Словарь русских говоров Башкирии», монография «Судьба русских говоров Башкирии» фактически ликвидировали «белое пятно», которым была представлена территория республики на картах диалектного членения русского языка (имеются в виду диалектологическая карта Московской диалекто-

логической комиссии 1915 г., карта диалектного членения русского языка, опубликованная в 1964 г. в книге «Русская диалектология» под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой, карта, опубликованная в монографии К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой 1970 г. «Диалектное членение русского языка»), и послужили теоретической базой для дальнейших изысканий.

Исследование глаголов речи должно осуществляться с учетом специфики формирования диалектного ландшафта республики. Как показали исследования З. П. Здобновой, русские говоры Башкирии, являясь говорами вторичного образования, типологически и хронологически неоднородны (подробно об этом [5]). Кроме того, русские говоры в условиях многонациональной языковой среды испытывают влияние языков соседствующих с русскими представителей других народностей. Таким образом, лексический состав системы разнородных говоров представлен нетождественными семантическими единицами. Описание его возможно лишь с учетом общности развития говоров вторичного образования, исторического единства всех говоров русского языка и соотношения его со всем языком в целом, включая его литературную форму. Действительно, в новых условиях междиалектного и межъязыкового контактирования говоры приобретают новые черты, вызванные влиянием литературного языка, влиянием контактирующих говоров, внутренним развитием отдельных говоров, характером влияния языков соседствующих с русскими представителей других народностей, являя собой «некоторый диалектный континуум как реализацию системы, состоящей из постоянных и варьирующихся звеньев» [7. С. 28]. При описании фактов такой сложной диалектной полисистемы необходимо учитывать территориальный аспект, связанный с категорией диалектного отличия. По словам Р. И. Аванесова, «диалектное отличие есть такой элемент структуры языка, который в отдельных частных диалектных системах выступает в разных своих членах. Каждый из этих вариантов сам по себе является элементом той или иной частной диалектной системы. Совокупность этих вариантов образует соответствующее явление. Члены соответствующего явления находятся между собой в определенных закономерных отношениях, исключая друг друга в одной частной диалектной системе и замещая друг друга в разных системах» [1. С. 26].

В основу описания лексико-семантических особенностей глаголов речи в русских говорах Башкирии положены принципы, сформулированные Л. М. Васильевым и реализованные им в «Системном семантическом словаре». Развитие лексической системы в говорах происходит под влиянием закономерностей, характерных для языка в целом, и только результаты этого развития в отдельных подсистемах представлены по-разному.

Группа глаголов речи в русских говорах Башкирии представлена единицами, которые распределяются по следующим подгруппам: глаголы, характеризующие внешние признаки речи; глаголы речевого взаимодействия; глаголы речевого побуждения; глаголы, характеризующие коммуникативный аспект речи; глаголы, характеризующие содержательную сторону речи; глаголы эмоционального отношения, выражаемые речью; глаголы, обозначающие речевой этикет; глаголы речевого контакта.

Глаголы, характеризующие внешние признаки речи, указывают на следующие ее проявления: *говорить несвязно, невнятно* – аллакать, аллакнуть, бармить, брянчать, бубнить, бунчать, веньгать, гундосить, недоговаривать, немать, развечать; *говорить, разговаривать громко и шумно* – базарить балаганить, гаркать, кричать – зевать, раскричаться – разгаркаться; *говорить быстро* – лепотать, логотать, лопотать; *начать быстро говорить* – заборонить; *говорить много* – бахорить, лопотать, накалякать, пострёкать; *говорить много лишнего* – дрыгануть, наболтушить, навалолить, навалолить, набренчать, налепать, нахабарить, наболтушить, пострёкать; *говорить много и громко* – басить; *начать громко говорить* – загомонить; *говорить какое-либо время* – повечерять; *повторять* – галдить; *говорить плаксивым голосом* – вяньгать, вянькать; *говорить, растягивая слова* – растягать; *говорить невнятно, косноязычно (о человеке с дефектом речи)* – немтовать, привораживать; *нечетко произносить некоторые звуки* – немовать; *гнусавить, говорить в нос* – гнусеть, гундеть, гундосить, пригнушивать; *глаголы, обозначающие акт наименования, называния* – величать, кликать.

Глаголы, характеризующие содержательную сторону речи, указывают на следующие проявления: *говорить вздор, попусту* – балясничать, бармить, боронить, боталить, брякать, галдить, ералашничать, орать; *лгать* – брехать, брехнуть, брянчать, затемнять, набрякать;

провести время в пустых разговорах – пробалясать, потыркать, побазарить, побалакать; *разговаривать от нечего делать* – растобаривать; *говорить невпопад* – булькнуть; *жаловаться* – балясничать, жалиться, жалобиться, жлобиться, кляузить.

Глаголы, характеризующие коммуникативный аспект речи, определяют следующие действия: *сообщать* – доказать, извести, навещать, обсказать, объяснять, перевестить, расколоться, расписать; *советовать* – потакать; *отговаривать* – разгарковать; *обещать* – обвеститься; *наобещав, обмануть* – оболтать; *льстить* – подхвостничать.

Глаголы эмоционального отношения, выражаемого речью, указывают на следующие ее проявления: *обидеть, унизить* – обжалить, подзадорить, подзыдыкивать; *быть недовольным, осуждать* – бунчевать, буранить, зевать, костерить, накрыть, нашпиговать, пичужить, прокурать, распалить, распалиться; *опорочить* – насрамить, обессовестить, обохальничать, обхвастать, пенничать; *опозориться, наговорив на себя* – обесстыживаться, облажаться; *обозначающие речевой этикет* – басловлять, благословлять, обогословлять, здоровкаться, поздравкаться.

Глаголы речевого побуждения обозначают следующие действия: *приказания и требования* – айдакать, осадить; *поручения* – наказывать; *запрещение, разрешение* – оповестить; *просьбу* – веньгать, выморщить, вянькать, галдиться, клянчить, кляузить, кориться, кучиться, наказывать, насылаться; *зов, призыв* – булгачить, вскликать, вскричать, гаркать, гаркнуть, зяпать, кричать, окликовать, орать, натоликать, подкрикать; *побуждение к согласию на что-л.* – навиливать, переломить.

Глаголы речевого взаимодействия характеризуют следующие процессы: *разговор, беседа*: алалакать, балабонить, балакать, балякать, бачить, бормотать, гузыниться, гутарить, критиковать, мустрочить, перекульничать, побазарить, побалакать, потыркать, пробалясать, разбалакаться, растобаривать; *договор, соглашение* – дадумкаться, наладиться, отпенекиваться, подбаяться, рядить, рядиться; *спор, несогласие* – грешить, зубаститься, зубить, раздорить, рассвариться.

Глаголы речевого контакта указывают на следующее действие: *отвечать* – отгаркнуть, отгаркиваться.

Глаголы речи характеризуют важные и существенные аспекты речевой деятельности,

дают представление о важных и существенных для повседневной жизни реалиях, указывают на различные способы взаимодействия людей в процессе трудовой, общественной, познавательной деятельности. Они указывают на интеллектуальную деятельность говорящего (говорить много, попусту, невпопад), на чувства, которые испытывает говорящий/говорящие, определяют цели речевого контакта (приказать, запретить). Кроме того, в семантике глаголов речи находит явственное проявление коннотативный компонент, что указывает на сложность и многогранность языковой личности носителя диалекта. В процессе говорения проявляются внутренние особенности личности человека, а коммуникативное поведение участников получает одобрение или порицание: дружелюбие, искренность, открытость оцениваются как желательное поведение, неискренность, ложь, бессодержательность – как нежелательное поведение.

Анализ диалектных различий лексико-семантического уровня глаголов данной группы способствует выявлению общих закономерностей разговорной речи в ее литературной и диалектной разновидностях и указывает на наличие собственно диалектных явлений в лексической системе языка. Так, значительная часть глаголов представлена собственно диалектными словами, образованными от неизвестных литературному языку основ, например *бунчать говорить тихо, невнятно, вянькать болтать, нудно упрашивать, стоя над душой натоликать кликнуть, позвать, наватолить/наваталить наговорить очень много; наболтать чепухи, лишнее*. Наличие подобных слов свидетельствует о консервации архаических элементов в диалектной полисистеме.

Кроме того, диалектный язык характеризуется непрерывным поиском способов номинаций различных явлений окружающего мира. Одним из продуктивных способов является образование диалектных слов от известных литературному языку основ. Эта группа представлена преимущественно глаголами, образованными от существительных (*балаганить громко и шумно разговаривать, базарить громко и шумно разговаривать, ералашничать говорить вздор, сумасбродничать, зубить ссориться, браниться, буранить шуметь, браниться, скандалить, раздорить поссориться поругаться*), а также глаголами, образованными от существительных приставочным способом (*повечерять вечером поговорить какое-то*

время с соседями, обессовестить опозорить, оговорить, оклеветать, обжалить обидеть словами), приставочно-суффиксальным (обесстыжиться опозориться, наговорив на себя).

Как показывают примеры, значение производного слова мотивировано производящим. Однако в некоторых случаях значение производного слова в говорах не соответствует литературному эквиваленту, возможно, из-за особенностей семантического освоения слова диалектоносителем или вследствие развития многозначности, например: додуматься договориться, прийти к соглашению, кляузить жаловаться, просить о сочувствии, просить о помощи, немать мямлить, говорить невнятно, немовать нечетко произносить некоторые звуки, обвеститься обещать, обхващать оболгать, пичужить ругать, пострёкать наговорить много в короткое время, кориться кланяться, просить, насылаться напрашиваться, навязываться. В данном случае прослеживается зависимость значений слов от ситуации.

Следующий, не менее продуктивный способ номинации – распространение уже существующих знаков на новые объекты и ситуации – приводит к возникновению семантических диалектизмов.

Устный характер бытования слова определяет большую подвижность расширения его семантических границ. При этом семантические диалектизмы возникают вследствие расширения значения слова, например: бормотать говорить, разговаривать, рассказывать (ср. лит. говорить тихо, быстро и невнятно), сужения значения слова, например: вскричать крикнуть, позвать кого-то (ср. лит. громко и возбужденно произнести что-л., воскликнуть), гаркать звать кого-либо (ср. лит. громко и отрывисто кричать, рявкать), переломить уговорить, заставить изменить решение (ср. лит. сломать надвое, резко изменить, заставить стать иным), метафорического переноса: брянчать много попусту говорить, привирая (ср. лит. тихо позванивать, звякать, неумело или небрежно играть на музыкальном инструменте), затемнять говорить неправду (ср. лит. затемнить сделать темным или закрыть чем-н темным, не пропускающим света) нашипиговать отругать (ср. лит. начинять шпиком, вкладывая его в надрезы, шпигуя, наготовить).

Анализ семантических смещений на материале диалектной лексики представляется наиболее перспективным, поскольку позволяет выявить семантический потенциал слова

(термин Г. И. Кустовой) – то есть тот семантический материал, который содержится в слове и связанной с ним ситуации. Семантический потенциал также определяет, на какие другие типы ситуаций можно распространить этот материал [8. С. 55–56].

Развитие значений многозначного слова в некоторых случаях может приводить к утрате семантических связей и, как следствие, к возникновению омонимов, например: заборонить, боронить говорить вздор, пустяки (ср. лит. разрыхлять бороной), грешить браниться, ссориться (ср. лит. у верующих: совершать грех, нарушать какие-н. правила, противоречить чему-н., напрасно подозревать, обвинять кого-н. в чем-н.) навещать оповещать (ср. лит. посещать кого-н., бывать у кого-н., где-н.), накрыть наскочить с бранью на кого-либо (ср. лит. закрыть чем-н. сверху, поймать, захватить на месте преступления), привораживать шепелявить (ср. лит. в суеверных представлениях: привлечь, приманить ворожкой, очаровав, привлечь к себе, обворожить).

Устный характер бытования, вариативность и экспрессивность слова в говорах приводит к образованию вариантов, прежде всего словообразовательных и фонематических. Словообразовательные варианты слов построены по известным литературному языку моделям, состоят из используемых в нем морфем, но в говорах наблюдаются другие комбинации, например: вскричать позвать кого-либо, жалобиться жаловаться на боль в какой-либо части тела, наболтушить наговорить лишнего, чего не следовало бы говорить, оболгать заговорить кого-либо, обсказать подробно рассказать, объяснить, все обговорить, объяснять объяснять, перебожиться клясться, перевестить известить, передать весть, новость, подкрикать подозвать к себе кого-либо.

Фонематические варианты отличаются составом фонем: басловлять и басловлять благословлять, балабонить заниматься пустыми разговорами, болтать, жалиться жаловаться, здоровкаться и поздоровкаться поздороваться, отпенекиваться отказываться, отнекиваться, растягивать говорить, растягивая слова.

Описанные диалектные различия необходимо нанести на диалектологическую карту. В настоящей статье представлена карта «Глаголы эмоционального отношения, выражаемые речью». Она составлена на материале слов, извлеченных из Словаря русских говоров Башкирии под ред. З. П. Здобновой.

Основным графическим средством представления стали следующие геометрические фигуры:

Геометрическая фигура / значение слова	Диалектный глагол	Сфера распространения
 Обидеть, унизить	Обжалить Подзыдыкивать	Бир: Баз (19), Калин (7); Гаф: А (1);
 Быть недовольным, осуждать	Бунчевать Буранить Зевать Костерить, откостерить Касторить Накрыть Нашпиговать Пичужить Прокурать Распалить Распалиться	Бир: Пит (15); Арх: И (6); Бир: Бик (20), Г (5), Калин (7), Петр (21), Пит (15); Караид: Б (3); Куш: А (2); Ал: М (10); Арх: И (6); Бак: Н (13); Белеб: Н(12); Бир: Баз (19), Калин (7), Петр (21), Пит (15); Калт: К (9); Карм: Кар (8); Куш: А (2); Ал: М (10); Арх: И (6); Белеб: Н (12); Бир: Баз (19), Калин (7); Гаф: А (1), Т (22); Дув: О (14), С (17); Караид: Б (3); Карм: Кар (8); Мел: В (4); Бир: Пит (15); Бир: Баз (19), Сим (18); Бир: Пит (15); Мел: В (4); Бир: Пит (15); Гаф: А (1); Стерлит: Пр (16); Стерлит: Пр (16);
 Опорочить	Насрамить Оббесовестить и оббесовестить Обохальничать Обхвастать Пенничать	Бир: Мор (11), Петр (21), Пит (15); Куш: А (2); Бир: Петр (21); Бир: Петр (21), Пит (15); Бир: Баз (19), Пит (15); Бир: Петр (21); Бир: Сим (18);
 Опозориться, наговорить на себя	Обесстыживаться	Бир: Петр (21).

Глаголы речи, являясь частью динамично развивающейся системы, «отражая ту или иную сторону объективной действительности», становятся «универсальной единицей народной памяти, содержат в себе знания об отношениях людей, разнообразных видах их взаимодействий, о том, чем наполнена жизнь как отдельного индивида, так и нации в целом» [2. С. 36]. Комплексное описание диалектных глаголов определенной ЛСГ позволяет выявить общие и частные закономерности развития языковой системы, предоставляет исследователю уникальный материал, отражающий результаты поиска языком номинаций значимых процессов в соответствии с продуктивными языковыми тенденциями, дает информацию о системе ценностей русского народа, раскрывает особенности видения мира, позво-

ляя существенно дополнить процессуально-событийную картину мира.

Список сокращений

Ал: М – деревня Михайловка, Альшеевский район.

Арх: И – село Ирныкши, Архангельский район.

Бак: Н – деревня Николаевка, Бакалинский район.

Белеб: Н – село Надеждино, Белебеевский район.

Бир: Баз – село Старо-Базаново, Бирский район.

Бир: Бик – село Старо-Биктимирово, Бирский район.

Бир: Г – деревня Гребни, Бирский район.

Глаголы эмоционального отношения, выражаемого речью

Бир: Калин – село Калининники, Бирский район.

Бир: Мор – деревня Мордвиновка, Бирский район.

Бир: Петр – село Старо-Петрово, Бирский район.

Бир: Пит – деревня Питяково, Бирский район.

Бир: Сим – деревня Симкино, Бирский район.

Гаф: А – деревня Архангелка, Гафурийский район.

Гаф: Т – село Табынское, Гафурийский район.

Дув: О – село Озеро, Дуванский район.

Дув: С – деревня Сальёвка, Дуванский район.

Караид: Б – село Байки, Караидельский район.

Калт: К – деревня Кутерем, Калтасинский район.

Карм: Кар – село Карламан, Кармаскалинский район.

Куш: А – село Ахлыстино, Кушнаренковский район.

Мел: В – село Воскресенское, Мелеузовский район.

Стерлит: Пр – деревня Преображеновка, Стерлитамакский район.

Список литературы

1. Аванесов, Р. И. Русская диалектология. М., 1964. 306 с.

2. Бессонова, Ю. А. Семантика диалектных глаголов речи в орловских говорах и отражение в ней мировосприятия их носителей : дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2001. 269 с.

3. Васильев, Л. М. Системный семантический словарь русского языка: предикатная лексика. Уфа, 2005. 466 с.

4. Здобнова, З. П. Словарь русских говоров Башкирии. Уфа, 2008. 406 с.

5. Здобнова, З. П. Судьба русских переселенческих говоров Башкирии. Уфа, 2001. 155 с.

6. Ибрагимов, В. Л. Мотивационная история слова как один из аспектов изучения диалектной лексики (на материале словаря русских говоров Башкирии под ред. профессора З. П. Здобновой) // Слово на перекрестке языков и культур : межвуз. науч. сб. Уфа, 2011. С. 43–48.

7. Калнынь, Л. Э. Значение трудов Р. И. Аванесова для теории диалектологии // Аванесовские чтения : тез. докл. междунар. науч. конф. 14–15 февраля 2002 г. М., 2002. С. 128–129.

8. Кустова, Г. И. О семантическом потенциале слов энергетической и экспериенциальной сферы // Вопр. языкознания. 2005. № 3. С. 53–79.

9. Радченко, О. А. Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен / О. А. Радченко, Н. А. Закуткина // Вопр. языкознания. 2004. № 6. С. 25–48.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ABSCHIED

Выявляется языковая онтология функционально-семантической категории ABSCHIED и моделируется средство ее структурирования – одноименное функционально-семантическое поле. Результаты исследования позволяют утверждать, что для актуализации функционально-семантической категории ABSCHIED немецкий язык располагает обширным комплексом лексических средств. Данный факт свидетельствует о многомерности исследуемой категории.

Ключевые слова: функционально-семантическая категория, лексические единицы, ФСП, ядро, периферия, актуализация, ABSCHIED.

Если за основу берется определенная понятийная категория и основанный на ней комплекс семантических функций, реализуемых в данном языке, то неизбежно встает вопрос: какими средствами объективируется данная категория. По словам Е. С. Кубряковой, «ключ к пониманию мыслительных категорий и категорий нашего опыта лежит в анализе языковых данных – ведь именно они отражают и объективируют то, что уже подверглось когнитивной обработке человеческим разумом» [5. С. 84]. Специфику использования средств реализации любой категории позволяет выявить функционально-семантическое поле (ФСП), которое представляет собой конкретно-языковое преломление универсальных мыслительных сфер, тех или иных категорий и признаков в том или ином языке.

При построении лексико-семантического поля функционально-семантической категории (далее – ФСК) ABSCHIED мы опираемся на принцип структуры ФСП А. В. Бондарко, который утверждал: «в языковом знании (и сознании) говорящих существует потенциальная способность выразить тот или иной вариант данной категории определенным кругом языковых средств» [2. С. 496]. Согласно данному принципу компоненты ФСП взаимодействуют на семантической основе, на базе общности некоторых семантических функций, которые объединяют разноуровневые средства языка, выражающих варианты определенной семантической категории [4. С. 18]. ФСП категории представляет собой абстрактную структуру, которая включает ядро, ближнюю и дальнюю периферию.

В процессе нашего исследования архитектуры ФСК ABSCHIED выявлено, что ядро поля представлено общим семантическим признаком, выраженным лексемой с обобщенным

значением (архилексемой) Abschied, которая номинирует исследуемую категорию и представляет прототипические свойства немецкого прощания. В соответствии с частотным способом выделения ядра полевого образования к базовым компонентам ядра ФСП «ABSCHIED» относятся также лексические и семантические дериваты Scheidung, Verabschiedung, Trennung. Околоядерную зону ФСП «ABSCHIED» образуют лексемы Weggang, Entlassung, Ende, Verzicht, Abbruch, Isolation, Entfernung, Teilung, Distanz, синонимичные базовым лексемам и образующие, в свою очередь, собственные синонимические ряды. Обращение к синонимическим словарям [25; 14; 19; 20] позволило сделать вывод, что данные лексемы имеют инвариантную сему «уход, отдаление». Однако ядро поля «ABSCHIED» нельзя назвать гомогенным образованием, так как лексемы-репрезентанты ФСК ABSCHIED имеют дополнительные гиперсеммы. Выявленные единицы распадаются на следующие семантические группы, маркером каждой группы является гиперсема – лексема, считающаяся ядерной:

– прощание надолго, навсегда – Abschied: Tod, Scheiden aus dem Leben, Sichverabschieden, Nichtbeeinandersein, Sichtrennen, Servus, Aufbruchstimmung, Verabschiedung, Abgesang, Lebewohl, Abdankung, Das Nicht-Mehr-Zusammen-Sein;

– прощание как прекращение отношений – Trennung: Beendigung des gemeinsamen Lebens, Scheidung, Getrennhaltung, Annullierung, das Getrenntwerden, Getrenntsein, Unterbrechung, Auflösung einer Verbindung, Mischung oder Gemeinschaft;

– прощание как уход –Weggang: Auseinandergehen, Rückzug, Fortgang, Ausweg, Abkehr, Abfahrt, Abreise;

– прощание как **пространственная дистанция** между людьми – eine räumliche Distanz voneinander: Abstand, Räumung, Distanzierung, Distanzieren, Disjunktion;

– прощание как **процесс разделения** – **Teilung**: Schnitt, Abschottung, Abtrennung, Vereinzelung, Zerwürfnis, Unterteilung, Abwendung, Entzweiung, Aufteilung, Parzellierung, Bruch, Spaltung, Aufspaltung, Abspaltung, Zweiteilung, Aufteilung, Abtrennung, Zerlegung, Zerteilung, Zertrennung;

– прощание как **отдаление** – **Entfernung**: innere Emigration, Beseitigung, Kluft;

– прощание как **процесс отделения** – **Isolation**: Separation, Segregation, Isolierung, Abgrenzung, Sonderung, Disjunktion, Segregation, Abgliederung, Abкапсуляция, Entäußerung, Абсондеруnг, Abteilung, Abtrennung, Abspaltung;

– прощание как **спад, поражение, уничтожение** – Abbruch: Zerstörung, Dekomposition, Eliminierung, Abfall, Liquidation, Zersplitterung, Abstieg, Untergang, Verfall, Zerfall, Niedergang, Fäulnis, Verfall, Abbau, Abbruch, Demontage, Zersetzung, Abwendung, Abschaffung, Auslöschung, Aufbruch;

– прощание как **отказ** – **Verzicht: Abschwörung**, Einstellung, Preisgabe, Lossagung, Absage, Abdankung, Verlassen;

– прощание как **развязка, конец, завершение** – Ende: Aufgabe, Auflösung, Erklärung, Lösung, Patentrezept, Schlüssel, Antwort, Verkauf, die kirchliche Unterweisung, Loslösung, Notlösung (als kleineres Übel), Lockerung, Verweisung, Urkunde, Schriftstück der Verabschiedung, letzter Versammlungsbeschluss (veraltet), festgestelltes Schlussergebnis beratender Versammlungen, Lebensende, Verlust;

– прощание как **освобождение от чего-либо** или кого-либо – Entlassung: Entbindung von dienstlichen Pflichten, Kündigung, Demission.

Лексемы вышеперечисленных семантических групп составляют ближнюю периферию описываемого ФСП. В ближнюю периферию входит также предикативная лексика, представленная субстантивными предикатами, атрибутивными и адвербиальными единицами, глагольными предикатами, лексическими композитами.

При исследовании языковых репрезентаций категории немецкого прощания зафиксировано употребление следующих субстантивных предикатов, актуализирующих ФСК ABSCHIED:

– лексические единицы, употребляющиеся в сфере ритуального прощания: Begräbnis,

Beerdigung, Bestattung, Abgesang, Ritual, Abgeschiedenheit, Grablegung, Testament, Beisetzung;

– лексические единицы, содержащие в себе сему движения: Auseinandergehen, Rückzug, Fortgang, Ausweg, Abzug, Abgang, Abkehr, Abfahrt, Abreise, Weggehen, Wegfahrt, Aufbruchsstimmung;

– лексические **единицы с семантикой отделения**: Entzweiung, Isolierung, Abgrenzung, Sonderung, Abgeschiedenheit, Ausscheiden, Vereinzelung, Absonderung, Abschottung, Abtrennung, Vereinzelung, Zerwürfnis, Abtrennung, Zerlegung, Zerteilung, Aufspaltung, Zertrennung;

– лексические **единицы с семантикой разделения**: Spaltung, Unterteilung, Zweiteilung, Zersplitterung, Aufteilung, Schnitt;

– лексические **единицы с семантикой конца**: Ende, Schluss, Tod, Abschluss, Annullierung, Kündigung, Loslösung, Verschwinden;

– лексические единицы с семой отдаления: Abstand, Räumung, Distanzierung, Distanzieren, Aufbruch, Fernhaltung, Entfremdung, Entfernung, Distanz;

– лексические единицы, обозначающие прекращение (отношений): Entzweiung, Nicht-Mehr-Zusammen-Sein; Nichtbeeinandersein, Getrenntwerden, Getrenntsein, Unterbrechung, Aufhebung;

– лексические **единицы, обозначающие разрушение**: Bruch, Zerstörung, Abbruch, Abfall, Liquidation, Abstieg, Untergang, Verfall, Zerfall, Niedergang, Fäulnis, Verfall, Abbau, Abbruch, Demontage, Zersetzung, Abwendung, Abschaffung, Auslöschung;

– лексические **единицы, обозначающие отказ**: Lossagung, Abdankung, Verzicht, Absage, Abwendung;

– лексические единицы, обозначающую потерю: Verlassen, Verlust;

– лексические единицы с семой освобождения: Befreiung, Loswerden, Beseitigung.

В процессе исследования выявлено, что языковые знаки, репрезентирующие ФСК ABSCHIED, свободно сочетаются с прилагательными, что свидетельствует о различных характеристиках прощания, которые обнаруживают связь со временем: короткое (kurz), долгое (long), длительное (lang), внезапное (plötzlich), новое (neu) многолетнее (jarelang), преждевременное (vorzeitig), спешное, торопливое (eilig), временное, преходящее (vorübergehend), постоянное (dauernd); содержат эстетическую оценку: нежное (zärtlich), рез-

кое (scharf), чистое (sauber, reinlich), терпкое (herb), неприятное (unangenehm), состоявшееся (vollzogen), трогательное (rührender), слезливое (tränenreicher), серьезное (ernster), необъяснимое (unerklärlich), неотеческое (unväterlich), жесткое (hart), тяжелое (schwer), праздничное (feierlich), формальное (förmlich), стесненное (bedrängt), неожиданное (unerwartet), строгое (strickt), мутное, мрачное (trübe), нежелательное (unerwünscht).

В зависимости от эмоционального состояния прощающегося человека выделяются релевантные признаки, отраженные в атрибутах: веселое (heiter), холодное (kalt), жаркое (heiter), печальное (traurig), болезненное (schmerzlich), душераздирающее (herzzerreißend); признаки, указывающие на статус: законное (gesetzlich, gerichtlich), пространственное (räumlich), незаурядное (niveauvoll), иерархическое (hierarchisch); на морально-этическую оценку: против воли (ungewollt), решительное (radikal), сумасшедшее (irrsinnig), примиряющее (versöhnlich), слишком, чересчур великое (zu groß), вычурное (allzugroß), с церемониями (zeremoniös).

Формальными средствами выражения качественных и количественных характеристик ФСК ABSCHIED выступают обстоятельства образа действия: внезапно (abrupt), не прощаясь (abschiedslos), без волнений, без хлопот (ohne Sorge), без предупреждения (fristlos), быстро (rasch, schnell), тяжело (schwer), запинаясь от ярости (vor Wut stammelnd), в наказание (strafweise), уверенно (selbstbewusst), сразу же (gleich), навсегда (für immer), на всю жизнь (fürs Leben), просто (einfach), неохотно (ungern), бессмысленно (sinnlos), окончательно (endgültig), учтиво (höflich), тихо, еле слышно (leise), без приветствия (ohne Gruß), в гневе (im Zorn), по доброй воле (aus freiem Entschluss), тайком (heimlich), вовремя, в срок (pünktlich), с глубоким поклоном (mit tiefer Verbeugung), холодно (kühl).

Обзор языковых средств, репрезентирующих ФСК ABSCHIED, позволяет утверждать, что исследуемая категория находит свою языковую реализацию в глагольных предикатах, которые можно подразделить на следующие группы:

- а) субъектные предикаты;
- б) объектные предикаты;
- в) субъектно-локативные предикаты, имеющие пространственные (vom Kontinent, auf dem Bahnhof), временные (für immer, gleich, vor einer Stunde) и личностные (внешний мир чело-

века прощающегося: aus einem Dienstverhältnis, von den Eltern, von einem Mann, его внутренний мир: im Zorn, fröhlich) локализаторы.

Группа субъектных предикатов включает подгруппы:

– предикаты с частицей sich: sich trennen, sich beurlauben, sich verabschieden, sich entlassen, sich lassen scheiden, sich aufhören, sich abweichen, sich verzweigen, sich scheiden, sich aufspalten, sich absondern, sich fortmachen. Например: Sie blieben noch eine Weile; dann **verabschiedeten sich** der Konrektor und Kniehase und schritten die Treppe hinunter, über den Flur [13. С. 227];

– конструкции с глаголом sein и verschwinden с семантикой исчезновения: vorbei sein, nicht da sein, weg sein, los sein, fort sein, verschwinden, sich verschwinden. Например: Aber hat es nicht Sinn zu fordern, daß der Verlassene bleibt und der Verlassende geht? Wenn man Ehen aufkündigen und zugleich durchsetzen könnte, daß der andere **verschwindet**, was meinen Sie, was auf der Welt dann los wär [9. С. 10]; Maximiliane lehnt an der Rückwand des Fahrerhauses, hält sich mit einer Hand Gitter fest, drückt mit der anderen die kleine Victoria an sich und beobachtet, wie der Mann winkt, kleiner wird und **verschwindet** [12. С. 14];

– предикаты с семантикой ухода: fortgehen, weggehen, ausgehen, hinweggehen, abgehen, auseinandergehen, weglaufen, entlaufen, fortfahren, abfahren, abreisen, losgehen, auswandern, zu Ende gehen. Например: Nun war es längst zu spät geworden, noch davon **abzugehen** [16. С. 10]; «Ja. Nimm doch noch einen Schluck, Ernst! So jung kommen wir nicht wieder zusammen! Und bleib noch ein bißchen. **Lauf** nicht immer gleich **weg!** [18. С. 154];

– предикаты, характеризующие прощание как смерть: **sterben, verscheiden, abscheiden, scheiden** в сочетаниях in Frieden abscheiden=sterben [19. С. 66], aus der Welt scheiden=sterben [15. С. 614], aus dem Leben scheiden=sterben [23. С. 829];

– предикаты, характеризующие прощание как отказ: **verweigern, ablehnen, aufgeben, los-sagen, niederlegen, verzichten** в сочетаниях den Dienst aufgeben, Amt niederlegen. Например: Diese sah vor, bis 1992 bei Neuvermietungen nur zehnpromzentige Mieterhöhungen zuzulassen und bis 1995 generell auf öffentlich rechtlicher Preisbindungen zu **verzicht** [30. С. 146].

К группе объектных предикатов относятся:

– предикаты, выражающие управляемость прощанием со стороны субъекта: **scheiden, er-**

teilen, feiern, bewilligen, einwilligen, bekommen, nehmen, erhalten, bringen, verlangen, beantragen, erlangen, bilden, drohen, fordern, ersuchen bestehen, herausstellen, herstellen, machen, überstehen, geraten, ertragen в сочетаниях den Abschied erteilen, den Abschied feiern, den Abschied bewilligen, in Trennung leben eine Grenze bilden, mit Scheidung drohen, den Abschied fordern, zu einem Ende bringen, auf Scheidung bestehen, in die Scheidung einwilligen, aus dem Amt scheiden, um Entlassung ersuchen, Ende machen, Ende nehmen, Schluß machen, die Grenze herausstellen, Abstand herstellen, den Abschied überstehen, in Ferne geraten, j-n in Ruhestand versetzen, Abschied ertragen. С данными предикатами лексемы-репрезентанты категории ABSCHIED выступают в качестве объектов, например: Ich war hier, weil ich **den Abschied brauchte**, weil ich wissen mußte, daß er wirklich begraben war und weg von dieser Welt. Ich mußte wissen, ob jemand um ihn weinte, und wer das war, der um ihn weinte [17. С. 32]; Ich will mich nicht daran erinnern. Ich will **die Trennung** so unversehrt wie möglich **überstehen**, dafür kann ich wehmütige Rückblicke nicht brauchen. [9. С. 44];

– предикаты, характеризующие прощание как отдаление: entfernen, beseitigen. Например: Es blieb kaum Zeit zu Dank und Abschied, so rasch wußte Eiermann den Meister von den Kindern zu trennen und zu **entfernen** [16. С. 72];

– предикаты с семантикой **разделения**: trennen, ausscheiden, teilen, zerlegen, auseinanderreißen, Ehe brechen. Например: etwas Ähnliches **in seine Bestandteile zerlegen** [26. С. 556];

– предикаты с семой отделения: abtrennen, abgrenzen, fernhalten, abtrennen, auseinanderbringen, losreißen, lösen, sondern, isolieren, abbrechen. Например: sich von Terror und Gewalt abgrenzen [29];

– предикаты с семой «освобождение»: (sich) befreien, freigeben, entlassen, loswerden. Например: «Ich **entlasse** Sie **zur Freiheit**, Herr Schrella...» [10. С. 440];

– предикаты, выражающие отстранение объекта: entledigen, fremdmachen, loswerden, beseitigen, weglassen, verlieren, например: Doch es existiert noch ein zweiter Grund, das Erfreuliche **wegzulassen**, ein Grund, der für Außenstehende schwer verständlich ist... [9. С. 44]; Ich muß die Sehnsucht **loswerden**, anstatt ihr immer neue Nahrung zu geben [9. С. 44];

– предикаты с семантикой конца: beenden, beendigen, eine Gemeinschaft aufheben, Ende haben, zu Ende sein, например: **Mit wildem Ge-**

lächter sprang der andere auf und winkte dem Capitano, ihm zu folgen. Dieser stand auf, riß seinen Säbel aus der Scheide, und beide verließen das Gemach. Wir atmeten freier, als sie weg waren; aber unsere Angst **hatte** noch lange **kein Ende** [13. С. 42];

– предикаты с семантикой **оставления**: zurücklassen, verlassen, loslassen. Например: Er zog sie an sich. Und sie gab nach. Er fühlte sie in seinem Arm, und plötzlich zerschmolz alles; er wollte sie, und er wollte nichts anderes als sie, und er hielt sie fest und küsste sie und wollte sie nicht mehr **loslassen** und ließ sie los [18. С. 150]; «Es ist Ihnen nicht schwer geworden, Amerika zu **verlassen**»? [16. С. 230].

Субъектно-локативная группа включает в себя предикаты, предикативные выражения и словосочетания, выражающие способы прощания: grüßen, Valet sagen, Tschüss sagen, winken, Lebewohl sagen, das Valet geben, Auf Wiedersehen sagen, eine Kusshand zuwerfen, die Hände schütteln, umarmen, adieu sagen, streicheln, trösten, die Hand geben, begleiten, sich vorbeugen, einen Kranz niederlegen, nicken, beerdigen, schluchzen, begraben, Schwarz tragen.

Дальняя периферия ФСП «ABSCHIED» представлена лексическими единицами, в составе которых имеются или ключевое слово ФСК ABSCHIED, или его синоним из ядра и ближней периферии. Среди них периферию ФСП «ABSCHIED» образуют:

– сложные **субстантивы, выражающие время прощания**: Scheidestunde, Abschiedsstunde, Trennungsstunde, Endtermin, Scheidungstermin, Abschiedsmorgen, Trennungstag, Trennungszeit;

– сложные **субстантивы, передающие эмоциональное восприятие при прощании**: Trennungsschmerz, Trennungsschock, Trennungsangst, Trennungsweh, Trennungsbangigkeit;

– сложные **субстантивы, передающие пространственное восприятие прощания**: Trennungslinie, Trennwand, Scheidewand, Scheidepunkt, Abschiedweg, Scheidegrenze, Scheideweg, Trennungsstrich, Trennungszeichen, Scheidelinie;

– сложные **субстантивы, передающие формы прощания**: **Abschiedsbesuch**, **Abschiedsgesuch**, Abschiedsbrief, Scheidebrief, Abschiedskuß, Abschiedsessen, Abschiedsgruß, Abschiedsfeier, Abschiedsgeschenk, Abschiedsworte, Abschiedsabend, Abschiedsträne, Abschiedstrunk, Scheidungsklage, Scheidungsprozeß, Scheidungsverfahren, Scheidungsurteil, Scheidungsvertrag, Scheidungsbegehren, Trennungsentschädigung, Trennungsgeld, Abstandsgeld, Abschlußbeurteilung,

Scheidungsakt, Abschlusßakt, Abschiedskommentar, Abschiedslied, Abschiedswein, Abschiedsglaß, Abschiedsrede, Ehescheidungsurkunde;

– фразеологизмы, актуализирующие прощание как исчезновение: auf französisch Abschied nehmen, sich auf französisch verabschieden [22. С. 15], sich [seitwärts] in die Büsche schlagen, die/eine Mücke machen [21. С. 123], sich auf den Weg machen – losgehen [22. С. 528];

– фразеологизмы, актуализирующие прощание как уход навсегда: ein Abschied auf Nimmerwiedersehen [1. С. 418];

– фразеологизмы, обозначающие прощание как прекращение межличностных отношений: Scheidung von Tisch und Bett, Trennung von Bett, Tisch und Wohnung [7, С. 407], zum Bruch (zu einem Bruch) kommen zwischen (od. mit jemandem) – zum Zerbrechen der freundschaftlichen Beziehungen kommen [22. С. 69];

– пословицы со значением «расставание, прекращение отношений»: teilt sich das Bett, so scheiden sich die Herzen, unsere Wege trennen sich [25. С. 494];

– пословицы, актуализирующие прощание как потерю: hin ist hin, verloren ist verloren [8. С. 33];

– пословицы, объективирующие прощание как конец: besser ein Ende mit Schrecken als ein Schrecken ohne Ende [28. С. 8];

– пословицы, характеризующие прощание как смерть: jeder Abschied ist ein wenig Sterben, lange Trennung ist der Liebe tot [28. С. 8];

– пословицы, где прощание манифестируется как эмоция: Trennung ohne Tränen, Scheiden tut weh, Scheiden bringt Leiden [25. С. 494].

К крайней периферии, которую А. В. Бондарко предлагает выделять в структуре ФСП [3. С. 6], целесообразно отнести фразеологизмы и паремии, в составе которых нет ни базового репрезентанта, ни его синонимов из ядерной части и ближней периферии, но которые характеризуют ее описательно с той или иной стороны:

– фразеологизмы со значением «проводить в последний путь»: jemandem die letzte Ehre erweisen, jemanden auf seinem letzten Gang begleiten, jemandem das letzte Geleit geben, jemandem einen Grabstein setzen [24. С. 38];

– фразеологизмы-эвфемизмы, вуалирующие грубое прощание: kennst du die Mehrzahl von Turm [6. С. 210], geh mir weg damit; geh' zum Teufel [7. С. 579], hau' ab, zieh' Leine [27];

– пословицы, вербализующие категориальный признак «уход»: aber ich mache jetzt mei-

nen Kopp zu (schweige) und reite vom Hof ab [6. С. 212];

– фразеологизмы, реализующие признак «уход, отдаление»: den Abflug machen [21. С. 16], sich auf die Beine machen [21. С. 39];

– фразеологизмы со значением «прекращение супружеского сожительства»: j-m den Laufpaß geben [21. С. 111], j-m einen Abflug erteilen [21. С. 22].

При исследовании языковой онтологии функционально-семантической категории ABSCHIED выявлено и смоделировано средство ее структурирования – одноименное функционально-семантическое поле. В нем системно представлены разноуровневые лексические средства объективации данной категории: 1) лексические единицы, объединяемые в микрополя ближней периферии; 2) лексические образования, сгруппированные по семантическому критерию и входящие в состав дальней и крайней периферии.

Наблюдения над лексическими средствами объективации ФСК ABSCHIED позволяют утверждать, что для актуализации функционально-семантической категории ABSCHIED немецкий язык располагает обширным комплексом лексических средств, в который входят субстантивные, глагольные предикаты, атрибутивные лексемы, адвербиальная лексика, фразеологические единицы, объединенные в группы общностью содержания, что свидетельствует о ее многоуровневом и комплексном характере.

Полевой подход, примененный в данном исследовании, позволил обнаружить и систематизировать ряд закономерностей, проливающих свет на лингвистический статус категории ABSCHIED как функционально-семантической категории эгоцентрической природы, на ее формальную организацию.

Список литературы

1. Бинович, Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь / Л. Э. Бинович, Н. Н. Гришин; под ред. д-ра Малиге Клаппенбах и К. Агрикола. 2-е изд. М., 1975. 656 с.

2. Бондарко, А. В. О грамматике функционально-семантических полей // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1984. Т. 43, № 6. С. 492–503.

3. Бондарко, А. В. Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. СПб., 1996. 264 с.

4. Бондарко, А. В. **О формальности языковых значений** // Язык: теория, история, типология / под. ред. Н. С. Бабенко. М., 2000. С. 16–21.
5. Кубрякова, Е. С. **О понятиях места, предмета и пространства** // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 84–92.
6. Мальцева, Д. Г. Германия: страна и язык. **Landeskunde durch die Sprache. Лингвострановедческий словарь.** М., 1998. 382 с.
7. **Немецко-русский юридический словарь Вевер** : Ок. 46000 терминов / под ред. П. И. Гришаева, М. Беньямина. 6-е изд. М., 2000. 624 с.
8. **400 немецких рифмованных пословиц и поговорок : учеб. пособие / сост. Г. П. Петлеваний, О. С. Малик.** 4-е изд. М., 1980. 48 с.
9. Becker, Jurek. *Amanda herzlos* : Roman / Jurek Becker. 1. Auflage. Frankfurt, 1994. 383 S.
10. Böll, Heinrich. *Irisches Tagebuch: Romane und Erzählungen* / Heinrich Böll. B. 3. **Herausgegeben von Bernd Balzer.** Köln, 1977. 535 S.
11. Beyer, Horst und Annelies. *Sprichwörter-Lexikon. Sprichwörter und sprichwörtliche Ausdrücke zu deutschen Sammlungen vom 16. Jahrhundert.* / Horst und Annelies Beyer. Leipzig, 1984. 712 S.
12. Brückner, Christine. *Nirgendwo in Pöenichen: Roman* / Christine Brückner. ungekürzte Ausg., 11. Aufl. Frankfurt / M.; Berlin, 1990. 317 S.
13. Fontane, Theodor. *Vor dem Sturm: Roman* / Theodor Fontane. – Ulm, 1968. 718 S.
14. Bulitta, Erich und Hildegard. *Wörterbuch der Synonyme und Antonyme* / Erich und Hildegard Bulitta. 2. Auflage. Frankfurt / M., 1990. 795 S.
15. **Duden, Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten: Wörterbuch der deutschen Idiomatik** // bearb. von Günter Drosdowski und Werner Scholze Stubenbrecht. Band 11. Nach den Regeln der neuen dt. Rechtschreibung überarb. nachdr. der 1. Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 1998. 864 S.
16. Mann, Thomas. *Königliche Hoheit: Roman* / Thomas Mann. Frankfurt / M., 1997. 360 S.
17. Maron Monika. *Stille Zeile sechs: Roman* / Monika Maron. 5. Auflage. Frankfurt / M., 1991. 218 S.
18. Remarque, Erich Maria. *Zeit zu leben und Zeit zu sterben: Roman* / Erich Maria Remarque / на нем. яз. М., 2004. 356 с.
19. **Duden Deutsches Universalwörterbuch** // hrsg. und bearb. vom Wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion. 3., völlig neu bearb. und erw. Aufl. [Электронный ресурс] Mannheim. 2007 [CD-ROM].
21. Görner, Herbert: **Redensarten: kleine Idiomatik d. dt. Sprache** / Herbert Görner. 5., unveränd. Aufl. Leipzig, 1986. 263 S.
22. Friedrich, Wolf. **Moderne Deutsche Idiomatik** / Wolf Friedrich // Alphabetisches Wörterbuch mit Definitionen und Beispielen. 5. Auflage. München, 1976. 565 S.
23. Langenscheidts, **Grosswörterbuch. Deutsch als Fremdsprache.** 8. Auflage. Berlin; München; Wien; Zürich; New York, 1997. 1213 S.
24. Schemann, Hans. **Synonymwörterbuch der deutschen Redensarten** / Hans Schemann // unter Mitarbeit von Renate Birkenhauer. Stuttgart, Dresden, 1991. 428 S.
25. **Synonymwörterbuch / Sinnverwandte Ausdrücke der deutschen Sprache** // herausgegeben von Herbert Görner und Günter Kempecke. Leipzig, 1980. 643 S.
26. **Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache** // herausgegeben von Ruth Klappenbach und Wolfgang Steinitz. 5. Band. Berlin, 1980. 4579 S.
27. **Wörterbuch für Redensarten, Redewendungen, idiomatische Ausdrücke, feste Wortverbindungen** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.redensarten-index.de>.
28. Wüst, Hans Werner. **Zitate und Sprichwörter** / Hans Werner Wüst // by Bassermann Verlag, einem Unternehmen der Verlagsgruppe Random House GmbH, 81673. München, 2010. 744 S.
29. **Deutsches Bedeutungs- und Rechtschreibungswörterbuch** // Duden online. Mannheim: Bibliographisches Institut GmbH, 2013: <http://www.duden.de/rechtschreibung/abgrenzen#top>.
30. **Zum Abschied noch mal provozieren** // Focus. № 33. 19 August, 2006. S. 146.

Н. А. Курашкина

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ИНФОРМАТИВНОСТЬ НАУЧНЫХ НАЗВАНИЙ ПТИЦ (на примере орнитонимов отряда воробьеобразных)

Анализируются научные названия воробьеобразных птиц латинского, русского, английского и французского языков с целью раскрытия их экологического потенциала, необходимого для поддержания тесной взаимосвязи человека и природы и постепенного формирования экоантропоцентрического мировоззрения. Рассматриваются мотивирующие признаки орнитонимов, дающих цельное представление об экологической нише, занимаемой данными видами птиц, их питании и гнездовании.

Ключевые слова: *эколингвистика, орнитоним, мотивирующий признак, экологическая мотивированность, эколого-этологическая мотивированность, бионим, фагоним, эргоним.*

Экологическое направление в лингвистике, активно развиваемое в последние десятилетия отечественными языковедами, оказывается все более востребованным в силу сложившихся обстоятельств. Во-первых, к экологизации сознания подталкивает сама действительность: природа всегда стимулировала человека к развитию, но, двигаясь по пути прогресса науки, образования, техники и технологии, в середине XX в. человечество оказалось в сложной ситуации. «Природа стала выходить из равновесия, и ее реакции не замедлили сказаться на качестве жизни современного человека» [7. С. 98]. Изучением языковых явлений, способствующих раскрытию экологических проблем в самом широком контексте, занимается *языковая (лингвистическая) экология* (М. Халлидей [19] и его последователи).

Во-вторых, человеческий язык как уникальный феномен нуждается в определенной защите, которую могут обеспечить только его пользователи, бережно сохраняя и передавая последующим поколениям все накопленные в нем знания об окружающем мире. Это сфера приложения сил *экологии языка (лингвоэкологии)*, начавшаяся с работ Э. Хаугена [20].

При двух основных бытующих подходах к экологизации лингвистического знания представляется проблематичным подобрать такой научный термин, который объединил бы оба ответвления. Рациональное обоснование сосуществующим поднаправлениям базируется на аналогии с термином *социоллингвистика*: «если в качестве исходного принимаются лингвистические факты – языковые знаки, то это социолингвистический подход» [8. С. 61]. Сходным образом: «термин *эколингвистика* можно было

бы закрепить за тем разделом лингвистической науки, в котором в качестве исходного принимаются лингвистические факты – языковые знаки; и, напротив, термин *лингвоэкология* следовало бы закрепить за тем разделом экологической науки, в котором в качестве исходного принимаются экологические факты, воздействующие на функционирование языковых знаков» [8. С. 61].

Вместе с тем, видится возможность объединения фактически двух экологических направлений в одно – *эколингвистическое*, объектами изучения которого стали бы 1) биосфера («поле существования жизни» в понимании В. И. Вернадского [1. С. 365]), куда как одна из живых аутопоэзных систем относится и естественный человеческий язык, призванный освещать окружающий мир и его проблемы,

2) этносфера как подсистема биосферы в интерпретации Л. Н. Гумилева,

3) социосфера (сфера искусственно создаваемых человеком средств деятельности и способов их применения, частично совпадающая с понятием ноосферы В. И. Вернадского) как основная окружающая среда для языка в понимании М. Халлидея,

4) семиосфера (семиотическое пространство, равное культуре, условие существования и работы языков в понимании Ю. М. Лотмана [См.: 11. С. 250]), позволяющие транслировать знания в кросс-культурном пространстве и заниматься проблемой экологии, то есть чистоты языка, в меняющемся вследствие глобализации мире. Надо сказать, что в трактовке А. Филла *эколингвистика* предстает как единый термин для всех областей исследований, объединяющих экологию и лингвистику [18].

Однако вопрос о терминологическом наименовании нового лингвистического направления может составить предмет отдельной научной дискуссии.

Современные экофилософы выступают с императивным требованием сохранения красоты как единства многообразия животного и растительного мира планеты. Выдвижение такого императива обусловлено тем обстоятельством, что «структурное и функциональное состояние генетического аппарата человека определяется и находится в соответствии с состоянием его окружающей среды, с условиями его жизни в ней. <...> Без богатства и разнообразия мира внешнего оскудеет и внутренний мир человека, начиная с его генома, которым формируется внешний вид его» [16. С. 78]. А сохранение красоты и разнообразия окружающего мира, отраженного в языке, должно, в первую очередь, находить свою реализацию в эколингвистических исследованиях.

В настоящей статье речь пойдет об экологии одного из самых красивых представителей класса животных – птиц. Решение задач происхождения их научных названий немыслимо без привлечения биологической информации. В свою очередь, непонимание «экологических корней значений названий объектов живой природы» [10. С. 7] приводит к тому, что носители языка перестают использовать их в речи, а это прямой путь к обеднению языка, потере его национальной самобытности, чему также способствует активное вторжение иноязычных заимствований и появление новообразований-примитивизмов в этой области. В полном соответствии с высказыванием К. Линнея – *Nomina si nescis, perit et cognito rerum* (если не знаешь названий, пропадает и понимание вещей), целью настоящего исследования становится раскрытие того экологического потенциала, который, безусловно, заложен во всех научных названиях птиц, но в особенности в тех орнитонимах, которые ориентированы на *oikos* (греч. *дом*) птицы как место обитания, питания и гнездования.

Анализируемый материал составили 102 научных названия воробьеобразных птиц на латинском, русском, английском и французском языках, вошедшие в сравнительный словарь орнитонимов [9]. Верификация лексикографических данных [4; 10; 12; 13; 21; 24] производилась с опорой на специализированную орнитологическую литературу [2; 3; 5; 6; 14; 15; 17; 22].

Завоевание птицами воздушной среды открыло огромные возможности для распространения этого класса позвоночных животных по земному шару. Будучи животными подвижными, птицы встречаются в самых разнообразных ландшафтах, отдавая предпочтение тем или иным средам обитания в зависимости от питания и способа гнездования. Этим обусловлена высокая частотность названий, связанных с биотопической приуроченностью, которые в терминах Дж. Джеблинга характеризуются как *бионимы* (от греч. *βίος* жизнь) [См.: 21. С. 15]. Исходя из предпочитаемых типов ландшафтов и особенностей передвижения, орнитологи выделяют следующие основные экологические группы птиц: 1) древесно-кустарниковые, 2) наземно-древесные, 3) наземные, 4) околоводные, 5) водные, 6) охотящиеся на лету [См.: 6. С. 72–82]. Однако следует отметить несовершенство данной экологической классификации, поскольку довольно большое количество видов занимает промежуточное положение, и отнесение их к какой-либо определенной группе оказывается в достаточной степени условным [См.: 6. С. 72].

С учетом содержания мотивирующих признаков в составе научных названий номинации, характеризующие ландшафтную приуроченность птиц и предпочитаемые ими места обитания и гнездования, относятся к *орнитонимам с экологической мотивированностью*. Мотивами номинации выступают: 1) биотоп (горы, пустыня, степь, луг, лес и т. п.); 2) вид растительности, избираемый для обитания или гнездования (дерево, кустарник, тростник, камыш и т. п.); 3) место обитания или гнездования, отличное от вида растительности (дом, амбар, земля, камни, песок и т. п.); 4) способ постройки гнезда.

Питание птицы, включающее в себя добывание пищи и ее переваривание, во многом определяется средой обитания (экологией) и связано с особенностями строения (морфологией) и поведения (этологией) различных видов, а также с количеством, распределением и биологическими свойствами кормов [См.: 17. С. 22]. По разнообразию потребляемой пищи птицы подразделяются на *стенофагов* (от греч. *στενός* узкий и *φαγος* пожиратель), в рацион которых входит ограниченный набор кормов, и *эврифагов* (от греч. *εὐρύς* широкий), то есть всеядных птиц [См.: 5. С. 15]. Примерами стенофагов среди воробьеобразных служат ласточки или же представители семейства вьюрковых –

клесты. В противовес узкой кормовой специализации эврифаги (например, представители семейства врановых) легко переходят с растительных кормов на животные и наоборот, что способствует повышенной жизнеспособности таких видов. Между тем, основная масса птиц по своему рациону занимает промежуточное положение, чередуя при необходимости один вид пищи с другим. Следует добавить, что кормовой режим птиц, оставаясь в целом стабильным, все же подвержен сезонным, географическим и годовым изменениям, что наблюдается даже у стенофагов. Например, у ласточек в зависимости от сезона, года или района обитания меняется соотношение отлавливаемых видов насекомых, а у клестов в зависимости от урожая в рационе преобладают то семена ели, то сосны [См.: 17. С. 22–24].

Квалифицируя научные названия птиц, отражающие разнообразие их питания, как *фагонимы* (термин J. Jobling), отнесем их к *орнитонимам с эколого-этологической мотивированностью* по содержанию мотивирующих признаков. Мотивами номинации в данном случае выступают: 1) особенности рациона (вид пищи или добычи, зависящий от экологии и морфологии птицы) и 2) способ добывания пищи, находящийся в зависимости от морфологии и отражающий этологию вида.

Существует небольшая группа орнитонимов, связанных с миграциями птиц, которая в основном фиксирует время появления тех или иных видов в местах гнездования или зимовок. Эти орнитонимы также имеют *эколого-этологическую мотивированность*, так как миграции и кочевки птиц тесно связаны с условиями их обитания и питания. В тех частях света, где времена года и количество пищи более стабильны (как, например, в умеренных широтах), миграции приурочены к определенным сезонам [См.: 17. С. 28]. Данные орнитонимы составляют часть *эргонимов* (от греч. *έρουον* труд, занятие, работа), хотя большинство названий этой категории относятся к демонстративному и гнездовому поведению, типичным повадкам, характеризуют особенности полета, паразитические наклонности и другие поведенческие модели [См.: 21. С. 15].

Компоненты-бионимы, фагонимы и эргонимы в научном названии птицы могут быть представлены видовым прилагательным (эпитетом) и родовым именем или его частью.

В соответствии с обозначенными мотивами номинации можно выделить орнитонимы

с компонентом-бионимом, указывающим на: 1) биотоп, или ландшафтную приуроченность вида: (лат.) *Parus montanus* = горный; 2) вид растительности, избираемый для обитания или гнездования: (франц.) *pinson des arbres* (древесный) или (англ.) *pine grosbeak* (сосновый); 3) место обитания или гнездования, отличного от вида растительности: (рус.) обыкновенная *каменка* или (франц.) *choucas des tours* (обитающая в башнях); 4) способ постройки гнезда: (лат.) *Remiz pendulinus*, (англ.) *Eurasian penduline tit* = подвешивающий гнездо на ветвях.

К орнитонимам с эколого-этологической мотивированностью относятся научные названия: 1) с компонентом-фагонимом, указывающим на особенности рациона птицы: (лат.) *Turdus viscivorus* < лат. *vīscum*, *ī*, омела; птичий клей = поедающий омелу; 2) с компонентом-фагонимом, указывающим на способ добывания пищи: (франц.) *pie-grièche écorcheur* < *écorcher* = сдирать кожу, терзать = птица-живодер; 3) с компонентом-эргонимом, указывающим на время прилета птицы в места гнездования или зимовки: (рус.) *пеночка-весничка* (вторая часть составного имени) < *весна* – в районах гнездования эта пеночка появляется ранней весной.

Анализ языкового материала показывает следующее:

1) Видовые прилагательные в большей степени специализированы на экологической информации о представляемом виде птицы, следствием чего является количественный перевес орнитонимов с компонентом-бионимом, выраженным эпитетом, по сравнению с таковыми, выраженными родовыми именами (англ. 25:3, лат. 21:13, рус. 21:8, франц. 21:2). Что касается компонента-фагонима в рассматриваемых языках, то он чаще предстает в виде родового имени (лат. 14:9, рус. 10:0, франц. 9:6, англ. 7:3). В русском, английском и французском языках преобладает указание на биотоп в целом по сравнению с английским языком, в котором приблизительно в равной степени присутствуют общая характеристика ландшафта и конкретизируется вид растительности, выбираемый птицей для постройки гнезда (рус. 17:3, лат. 13:5, англ. 10:9, франц. 9:6).

Видов, тяготеющих к растительности как месту обитания, среди воробьиных птиц оказывается больше, нежели тех, кто отдает предпочтение антропогенным ландшафтам или гнездится среди камней и песка. Этим обусловлено количественное превосходство эпитетов, конкретизирующих тип зеленых насаждений, с ко-

торым тот или иной вид ассоциируется согласно научному названию (англ. 9:5, франц. 6:5, лат. 5:1, рус. 3:1). Также выявлено, что среди представителей отряда воробьеобразных незначительное количество видов отличается оригинальным способом постройки гнезда, потому доля эпитетов, связанных с этим искусством, невелика (лат. – 2, франц. – 1, англ. – 1, рус. – 0).

2) Способ добывания пищи, составляющий один из мотивов номинации орнитонимов с компонентом-фагонимом, тесно связан с поведенческими моделями характеризуемого вида птицы, потому в родовом имени или видовом прилагательном находят отражение типичные движения или действия, совершаемые при кормодобывании, например: (лат.) *Lanius* < *lanio*, *āre* = разрывать, рвать на части; (франц.) *cincle plongeur* = ныряющий; (англ.) European *dipper* < *dip* = погружаться, нырять.

Номинация способ добывания пищи, некоторые орнитонимы с компонентом-фагонимом одновременно указывают и на вид корма, как например, (лат.) *Cogvus frugilegus* = подбирающий плоды; (англ.) Eurasian *nuthatch* = птица, разбивающая орехи на куски; (франц.) *gobe-mouche* = тот, кто глотает мух, (рус.) *мухоловка*.

3) В научных названиях воробьиных птиц, содержащих компонент-фагоним, прослеживается связь с определенным растением, семена или плоды которого составляют приоритетный вид питания. Образуются данные орнитонимы большей частью по принципу метонимии, как например, (рус.) *кедровка* < *кедр* – питание семенами кедровой сосны; (лат.) *Miliaria calandra* < *miliun*, *ī* = просо – питание семенами этого растения; (франц.) *geai des chênes* < *chêne* = дуб – питание плодами дуба (желудями) и т.п. Встречается и непосредственное указание на источник питания, например, (лат.) *Garrulus glandarius* < лат. *glans* = желудь или (англ.) *carrion crow*, где *carrion* = падаль.

К метонимическому способу номинации тяготеют и орнитонимы с компонентом-бионимом, характеризующие места обитания и гнездования птицы и устанавливающие взаимосвязь между животным и определенным ландшафтом, например, (рус.) *береговушка*, *камышовка*; (англ.) *brambling*; (франц.) *phragmite*.

4) Ряд научных названий образуются метафорическим путем. Для анализируемых орнитонимов этот способ номинации отмечен во

французском языке, куда относятся: 1) орнитонимы, отражающие искусство гнездостроительства, например, (франц.) *trogodyte mignon* = *троглодит* < лат. *Trōglodytae*, полудикое племя в Эфиопии, обитающее в пещерах – крапивник строит шарообразное, с боковым входом гнездо, больше похожее на пещеру; (франц.) *sittelle torchepot* = *замарашка* – поползень обмазывает глиной или грязью дупло, подгоняя леток под свой размер; 2) орнитонимы с компонентом-фагонимом, указывающим на способ добывания корма, например, (франц.) *bergeronnette* = *маленькая пастушка* – привычка трясогузок в поисках насекомых следовать за земледельцами, пастухами и овцами; 3) орнитонимы с компонентом-бионимом, обозначающим ландшафт, например, (франц.) *tarier pâtre* = *пастушок* – тяготея к пустырям с редкими кустарниками, черноголовый чекан является постоянным спутником пастуха.

5) Если учесть принадлежность обладателей исследуемых научных названий к семействам отряда воробьеобразных, то получается, что взаимосвязь орнитонима с источником питания чаще прослеживается для представителей семейства вьюрковых, мухоловковых и овсянковых. Отражение мест обитания и гнездования птиц данного отряда чаще встречается в научных названиях представителей семейства славковых, воробьиных, ласточковых и трясогузковых. Время прилета маркируется в небольшом количестве орнитонимов: это единичные названия птиц семейства свиристелевых, славковых, вьюрковых и овсянковых. Полученные наблюдения свидетельствуют, во-первых, о ярко выраженной кормовой специализации отмеченных семейств или отдельных их представителей; во-вторых, о варьировании местообитаний у видов, принадлежащих одному семейству, что имеет значение для их идентификации (например, в английском языке названия многих видов семейства славковых отличаются только эпитетом, указывающем на их ландшафтную приуроченность: *marsh warbler*, *reed warbler*, *garden warbler*, *willow warbler*, *wood warbler*); в-третьих, о важных для человека сроках миграции указанных видов, несоблюдение которых приводило в древности к рождению суеверий (так, например, *свиристель* именовался в Швейцарии *птицей смерти* по причине его появления в стране каждые 7 лет, что совпадало с войнами, эпидемиями чумы, голодом и другими напастями [См.: 23. С. 48]).

Данные обстоятельства должны учитываться при разработке научной номенклатуры, тем не менее, встречаются видовые эпитеты и родовые имена, заключающие в себе настолько формализованные признаки, что в итоге научное название оказывается неспособным верно отразить действительные экологические особенности птиц. Это можно показать на следующих примерах: (лат.) *Anthus campestris* = равнинный, полевой и (рус.) *полевой* конёк, в которых эпитет *полевой* не отражает действительности, так как птица связана не с полями, но со степью [См.: 3. С. 653]; (лат.) *Acrocephalus palustris* = болотный, (рус.) *болотная* камышовка, (англ.) *marsh warbler*, где *marsh* = болото, топь – эпитет *болотная* является переводным с латинского, а потому формальным показателем принадлежности птицы к указанному биотопу; по месту преимущественного обитания этот вид следовало назвать *кустарниковым* (на эту особенность указывает второй русский эпитет *болотная*, или *кустарниковая*, камышовка). Вообще, имя *камышовка*, или *камышевка*, не вполне точно характеризует местообитание этого рода птиц: все птицы рода *Acrocephalus* держатся в зарослях кустарников или среди стеблей тростника, рогоза и других густых высоких болотных трав [См.: 2]; из четырех рассмотренных видов, имеющих название *камышовка*, меньше всего соответствует экологии обитания имя *камышовки-барсучка* – на пролете обычен в зарослях камыша, где не гнездится или гнездится сравнительно редко, преимущественно в тех местах, где среди невысоких тростников (не камышей!) встречаются отдельные кустики ивы [См.: 15. С. 262–263].

б) Излишняя формализация научных названий птиц, ведущая к генерализации существенных признаков, необходимых для определения вида, граничит с детализацией отдельных особенностей, положенных в основу номинации, в связи с чем один и тот же представитель орнитофауны в разных языках характеризуется различными экологическими предпочтениями. В качестве иллюстраций можно представить следующие орнитонимы с компонентом-бионимом: (англ.) *sedge warbler*, где *sedge* = осока, и (франц.) *phragmite des joncs*, где *phragmite* < лат. *phragmites*, -is, сорт тростника, а *joncs*, мн. ч < *jonc*, тростник, камыш – возможно, на территории Великобритании камышовка-барсучок отдает предпочтение гнездованию в осоке, а во Франции ее чаще встречают в тростнико-

вых зарослях, хотя, согласно орнитологическим описаниям, птица может обитать в широком спектре болотных растений. Аналогичным образом конкретизируются разные составляющие единого ландшафта: (рус.) *горная* трясогузка и (франц.) *bergeronnette des ruisseaux* = мн. ч. < *ruisseau* = ручей – летом населяет берега чистых, поросших деревьями рек и более открытые пространства по берегам горных рек и ручьев [См.: 22. С. 287]. В случае с русским и английским эпитетами для *горного* конька (*water pipit*, где *water* = вода, водоем) зимние миграции вида в более суровые в климатическом отношении регионы (например, в Англию) отмечены его прочной связью с водными объектами, тогда как места гнездования немыслимы без альпийских горных ландшафтов.

Другие иллюстрации: (лат.) *Parus montanus* = горный, родом с гор, поскольку предполагают горное происхождение пухляка, и (англ.) *willow* (ивовый) *tit*, что отражает предпочтение птицей мест, поросших низким кустарником и зарослями ивняка над торфяными болотами [См.: 22. С. 346]; (лат.) *Passer montanus* – птица холмистой местности; при наличии соответствующего биотопа довольно высоко поднимается в горы [См.: 3. С. 356, 358], (рус.) *полевой* воробей – предпочитая городские окраины и сельскую местность, живут и в естественных местообитаниях – в рощах и перелесках, среди полей [См.: 14. С. 555], (англ.) *Eurasian tree sparrow* – по происхождению полевые воробьи птицы древесные [См.: 14. С. 552]. Последние два примера показывают, что расхождения в эпитетах могут быть обусловлены, с одной стороны, фиксацией происхождения вида, а с другой стороны, наименованием биотопа, с которым он связывается в современном представлении.

7) Интересны примеры незначительного расхождения мотивирующих признаков, обнаруживаемых в орнитонимах исследуемых языков, что обеспечивает более точное и цельное представление об экологической нише, занимаемой отдельно взятым видом, например, (лат.) *Delichon urbica* (городская) и (рус.) *городская* ласточка, в которых эпитеты указывают на урбанистическую среду обитания этих птиц, в то время как (англ.) *house martin* (домовый) и (франц.) *hirondelle de fenêtre* (оконная) конкретизируют места их гнездования – городская ласточка лепит свои земляные гнезда над окнами городских домов. Аналогичным образом происходит в номинациях деревенской

ласточки: (лат.) *Hirundo rustica* (деревенская) и (рус.) *деревенская* ласточка – ландшафт обитания; (англ.) *barn swallow* (амбарная) и (франц.) *hirondelle de cheminée* (ласточка из дымовой трубы) – места гнездования птиц. Подмечено в орнитонимах и разнообразие в рационе питания, например, (лат.) *Acanthis cannabina* < лат. *cannabis*, конопля, (рус.) *коноплянка* – орнитоним возникает в результате наблюдений за птицами, кормящимися на посевах конопли; в то время как английское и французское названия птицы указывают на несколько иное пищевое предпочтение – семена льна: (англ.) *Eurasian linnet*, (франц.) *linotte mélodieuse*.

8) Прослеживается тенденция к утрате мотивированности у ряда научных названий вследствие накапливающихся изменений экологического свойства. Так, например, *кедровка*, чьи научные названия в языках исследования ориентированы на пищевое предпочтение птицы и способ, при помощи которого излюбленный корм добывается (*nucifraga*, *nutcracker*, *casse-noix* – птица, которая разбивает орехи), кроме орехов питается насекомыми и другими беспозвоночными, птичьими яйцами и птенцами; охотно ест падаль, навещает таежные поселки, помойки, т.е. проявляет всеядность, свойственную всем врановым [См.: 14. С. 419]. В результате значительных изменений таежных ландшафтов, происходящих в настоящее время, *кедровка* расселяется по другим территориям и «практически существует вне связи с местами произрастания кедра, переходя на питание другими объектами» [10. С. 220]. Таким образом, возрастает вероятность того, что данный орнитоним может со временем перейти в разряд символов.

Если до середины XX в., по сведениям И. Г. Лебедева, зимние миграции снегирей и некоторых других птиц, таких как свиристель, пуночка, чечетка были заметны и происходили с ярко выраженной регулярностью, то в последнее время из-за «значительной трансформации ландшафтов явление миграций не наблюдается столь обязательно и в заметной степени проявляется лишь в суровые зимы» [10. С. 264]. Таким образом, постепенно стирается мотивированность орнитонима *снегирь* как птицы, появляющейся с первым снегом. Способствует этому и просторечное использование данного орнитонима для обозначения других видов птиц-мигрантов, как например, пуночки, лапландского подорожника, свиристеля и др.

9) Нередки случаи присвоения имени одному из представителей семейства, отражающем в полной мере тот или иной характерный признак вида, и впоследствии перенос данного имени на других членов семейства, а иногда на все семейство в целом. Тогда становится понятной более слабая мотивированность имени у других его обладателей. Это подтверждается биологическими фактами, например, русский, английский и французский орнитонимы *мухоловка*, *flycatcher*, *gobe-mouche* представляют собой кальку с латинского *Muscicapa*, являющимся родовым именем серой мухоловки. Именно для этого вида название оказывается в большей степени мотивированным (при обилии корма предпочтение отдается мухам), нежели для двух других рассматриваемых видов (пеструшки и малой мухоловки). Русский орнитоним *овсянка* < *овес* – первоначально возник для характеристики обыкновенной овсянки, являющейся преимущественно зерноядной птицей и известной своим пристрастием к овсу. В связи с тем, что «по типу питания все овсянковые относятся к зерноядным и большую часть года кормятся главным образом семенами трав и некоторых культурных растений» [14. С. 587], название *овсянка* перешло на другие виды семейства и на все семейство овсянковые в целом. Еще один пример касается латинского родового имени *Sylvia* = *silvia* < *silva*, *ae*, лес; парк, сад – полагают, что имя изначально относилось к серой славке [См.: 21. С. 375–376], но сейчас присвоено всему роду славков и семейству славковых, что вполне оправдано, потому как эти птицы преимущественно населяют леса и сады.

10) Отдельного внимания заслуживают орнитонимы с утраченной мотивированностью, или орнитонимы-символы. Выявленные в них признаки, связанные с биотопом, местом гнездования или способом питания, могут выступать только в качестве одной из восстанавливаемых основ номинации. При этом реконструируемая экологическая мотивированность может соседствовать с эколого-этологической или какой-либо другой мотивированностью вследствие полной или частичной символизации рассматриваемых орнитонимов. В качестве примеров подобных этимологических реконструкций, не противоречащих экологии видов, можно привести научные названия, родовые имена в составе которых квалифицируются и как компоненты-бионимы, и как компоненты-

фагонимы: (лат.) *Emberiza*, (англ.) *yellowhammer* – как птица, обитающая среди вересковых зарослей или другого густого кустарника, и питающаяся зерновыми культурами; (англ.) *hawfinch* – птица, питающаяся плодами боярышника и обитающая в огороженных местах. Или же имена, в которых можно восстановить такие компоненты, как компонент-бионим и компонент-эргоним: (франц.) *tarier* – птица, гнездящаяся на земле, и птица, как сверло, проникающая в густые заросли; (лат.) *Sylvia curruca* – птица, живущая в кустарниковых зарослях и являющаяся воспитателем кукушат; (лат.) *Anthus spinoletta* – птица, обитающая в терновнике и поющая во время полета (сочетание с фононимом).

Есть научные названия, в которых мотивами номинации могут одновременно выступать способ постройки гнезда (компонент-бионим), способ пищедобывания (компонент-фагоним) и особенность полета (компонент-эргоним): (лат.) *Hirundo*, (франц.) *hirondelle* – ласточка как птица, прикрепляющая свои гнезда; птица, ударяющая или рассекающая воздух крыльями, или убивающая насекомых в полете; или же вид растительности как место обитания (компонент-бионим), воспроизведение голоса птицы средствами языка или с помощью семантики звукоподражательных корней (компонент-фононим) и особенность полета (компонент-эргоним): (франц.) *bruant* характеризует овсянку как обитателя вересковых зарослей, который продуцирует монотонные песни и характеризуется шумным полетом.

Как пример ошибочного присвоения имени обнаруживается для (лат.) *Hippolais*, (франц.) *hypolais* – камни или земля как место гнездования и питания – гнездование зеленой перемешки и северной бормотушки среди камней, равно как поиски пропитания на земле не находят подтверждения в орнитологической литературе, отсюда возникает несоответствие научного названия экологии вида.

11) Среди исследуемых научных названий есть примеры ремотивации орнитонимов-символов, например, русский орнитоним *крапивник* получает мотивированность, связанную с видом растения, пригодного для гнездования, как результат переосмысления при утрате исходного мотива номинации (окраска оперения птицы): *крупинник* (*крупить*, *крупива*) → *крупинник* (*крупинный*) → *крапивник* (*крапива*), где взаимосвязь с крапивой как местом обитания вторична, поскольку появляется с измене-

нием написания слова *крапива* и утратой ассоциации с глаголом *крупить*.

В заключение необходимо подчеркнуть, что орнитонимы являются носителями важной информации об окружающей среде, о нашем общем доме (*oikos*) и одновременно культурными индикаторами социума, определяющими степень взаимосвязи человека и природы. Экологические знания, накопленные многими поколениями и прочно закрепившиеся в языке, не должны быть потеряны, напротив – владение ими способно стимулировать постепенное формирование эокантропоцентрического мировоззрения.

Список литературы

1. Вернадский, В. И. Биосфера // Вернадский, В. И. Живое вещество и биосфера. М., 1994. С. 315–401.
2. Второв, П. П. Определитель птиц фауны СССР / П. П. Второв, Н. Н. Дроздов [Электронный ресурс]. М., 1980. 254 с. URL: http://www.zoomet.ru/metod_ptica.html.
3. Дементьев, Г. П. Птицы Советского Союза / Г. П. Дементьев, Н. А. Гладков. М., 1954. Т. 5. 808 с.
4. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь. 11-е изд. М., 2008. 843 с.
5. Жизнь животных : в 7 т. / гл. ред. В. Е. Соколов. Т. 6. Птицы / под ред. В. Д. Ильичева, А. В. Михеева. 2-е изд. М., 1986. 527 с.
6. Ильичев, В. Д. Общая орнитология / В. Д. Ильичев, Н. Н. Карташев, И. А. Шиллов : учебник. М., 1982. 464 с.
7. Кальнер, В. Д. Экологический императив выживания / В. Д. Кальнер, В. А. Полозов. Кн. 1. М., 2012. 324 с. (Серия «XXI век сквозь призму экологии»).
8. Коровушкин, В. П. Основные атрибуты лингвоэкологии как автономной междисциплинарной отрасли языкознания // Вестн. Череповец. гос. ун-та. 2011. № 28, т. 1. С. 60–64.
9. Курашкина, Н. А. Сравнительный словарь орнитонимов: латинские, русские, английские и французские названия птиц отряда воробьинообразных : словарь. Уфа, 2013. 290 с.
10. Лебедев, И. Г. Значение и происхождение русских названий животных России и сопредельных территорий (эколого-этимологическое исследование). М., 2009. 419 с.
11. Лотман, Ю. М. Семиосфера. Внутри мыслящих миров. СПб., 2000. 704 с.

12. Мюллер, В. К. Англо-русский словарь. 17-е изд. М., 1978. 888 с.
13. Новый французско-русский словарь / В. Г. Гак, К. А. Ганшина. 13-е изд. М., 2008. XVI, 1160 с.
14. Рябицев, В. К. Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири : справ.-опред. 3-е изд. Екатеринбург, 2008. 634 с.
15. Симкин, Г. Н. Певчие птицы : справ. пособие. М., 1990. 399 с.
16. Ханжин, Б. М. Философия природного естества (экофилософия) / Б. М. Ханжин, Т. Ф. Ханжина, В. Н. Лыгин, Н. М. Боровков, Г. Ф. Филин. Астрахань, 2008. 208 с.
17. Энциклопедия для детей. Птицы и звери / ред. коллегия: М. Аксенова, В. Володин, Г. Вильчек и др. М., 2008. 448 с.
18. Fill, A. Ökologuistik. Eine Einführung. Tübingen, 1993.
19. Halliday, M. A. K. New Ways of Meaning: The Challenge to Applied Linguistics // The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment. London, N.-Y., 2001. P. 175–202.
20. Haugen, E. I. The ecology of language: essays by Einar Haugen / Selected and Introduced by Anwar S. Dill. Stanford. California, 1972. 368 p.
21. Jobling, James A. The Helm Dictionary of Scientific Bird Names [Электронный ресурс]. London, 2010. 432 p. URL: <http://nature.baikal.ru/files/605/1408125013.pdf>.
22. PSPB Complete Birds of Britain and Europe. London, 2002. 480 p.
23. Swainson, Ch. The Folk Lore and Provincial Names of British Birds. [Электронный ресурс]. London, 1886. 243 p. URL: <http://www.archive.org/details/folkloreprovinciOOswaiuoft>.
24. Trésor / Etymologie // Lexilogos: Dictionnaires, Cartes, Documents en ligne [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lexilogos.com/etymologie.htm>.

Н. А. Мальцева

К ИСТОРИИ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО СОБСТВЕННОГО ИМЕНИ «ОТОПКОВО»

На основе полевых материалов автора, преданий о древней чуди, этнографических работ, словарей и топонимических исследований лингвистов раскрывается этимология названия коми-пермяцкой деревни «Отопково».

Ключевые слова: коми-пермяки, этимология, топоним, Отопково, чудь, языческие верования, христианство.

Топонимикой Прикамья в свое время занимались ученые, любители-краеведы, писатели: Н. К. Чупин, И. Я. Кривощёков, А. Ф. Теплоухов, В. Н. Шишонко, И. Н. Нешатаев, Е. Н. Полякова, В. В. Климов и другие.

Интересный топонимический материал был опубликован Н. К. Чупиным в «Географическом и статистическом словаре Пермской губернии» в 1873 г., а через четыре десятилетия, в 1914 г., в «Словаре географическо-статистическом Чердынского уезда Пермской губернии» – И. Я. Кривощёковым. Оба автора при составлении словарей использовали не только письменные источники, но и личные полевые материалы.

Значимы для топонимистов работы историка, археолога и этнографа А. Ф. Теплоухова, сопоставившего географические названия и фамилии, типичные для Пермского края, в статье «Фамилии и географические названия Пермского края в этнографическом и историко-географическом отношении», которая была опубликована в девятом номере журнала «Коми му» за 1925 г., а также директора народных училищ, страстного любителя пермской старины В. Н. Шишонко, опубликовавшего в Перми в 1887 г. «Пермскую летопись. I–V периоды». Однако для всех вышеназванных исследователей характерно отсутствие лингвистических знаний, незнание приемов этимологического анализа, что явилось причиной ошибок в толковании некоторых топонимов.

Большой вклад в исследование топонимики Прикамья внесла ученый-лингвист, автор коми-пермяцко-русского словаря А. С. Кривощёкова-Гантман, которая придавала большое значение топонимике как науке и подчеркивала, что для истории не меньшей ценностью, чем древние поселения, городища, могильники, места исторических событий, обладают их названия, кратко и точно характери-

зующие исторические памятники¹. Еще в начале 70-х гг. XX в. А. С. Кривощёкова-Гантман отмечала, что по материалам Пермской области отсутствует топонимический словарь, нет монографических исследований по топонимике, слабо ведется работа по сбору топонимического материала².

Прошло три десятилетия, но состояние по топонимике в крае улучшилось ненамного. Этимология многих собственных имен-топонимов Коми-Пермяцкого округа Пермского края до сих пор остается загадкой, в то время как выяснение происхождения названий населенных пунктов может внести дополнительные сведения в историю края и осветить с новой стороны этнодемографические процессы, происходившие в прошлом на современной территории региона.

Наше небольшое исследование, посвященное этимологии собственного имени-топонима Отопково, бытующего в Кочевском районе Коми-Пермяцкого округа, актуально, так как его происхождение уточняет историю края и способствует ликвидации белых пятен в топонимике Прикамья.

Деревня Отопково (отметим, на первое января 1970 г. деревня называлась Отопкова³) расположена у подножия горы, на вершине которой возвышается старинная деревянная часовня. Известный финно-угорский этнограф Л. С. Грибова отмечала: «Часовнями в крае называют деревянные сооружения для христианских молений, кресты или столбы с иконами. Таких часовен в прошлом было много. Они появлялись в местах дохристианских святилищ. Обычно таким путем православная церковь вытесняла традиционные культы, заменяя их своими»⁴.

Как свидетельствуют наши полевые материалы, коми-пермяки называют деревню *Ötöpka* [Этэпка]. В речи жителей Кочевского района

можно услышать: «*Ме ола Ётёпкаын*» («Я живу в Отопково») или «*Ме муна Ётёпкаё*» («Я еду в Отопково»).

Цель нашего исследования – выяснить, как образовалось собственное имя *Отопково*, и что означает слово-топоним *Ётёпка* [Этэпка].

Известный коми-пермяцкий ученый И. Я. Кривошёков на основе своих личных наблюдений в 1911 г. и сборника статистических сведений по Чердынскому уезду в «Словаре географическо-статистическом Чердынского уезда Пермской губернии», изданном в 1914 г., вышеназванный населенный пункт характеризует следующим образом: «**Отопкова**, деревня при ключах, текущих в р. Урюю, на земском Юрлинско-Юкеевском тракте, Юкеевской волости, от волостного правления в 13 верстах и от уездного города в 162 верстах. По исповедным росписям Юкеевской церкви селение значится как значительный населенный пункт уже в 1834 г. При экономическом исследовании земством уезда в 1884–1889 гг. в селении числилось 60 домохозяйств, из них никто не нуждался в покупном хлебе, избытки же хлеба имели 45 домохозяйств. Ныне экономические условия жизни понизились. Подсобными заработками являются заготовка леса, частью охота на лесную дичь, рыболовство, извоз, ручная пиловка лесу в окрестных селениях и другие мелкие заработки. Жители селения инородцы-пермяки. В селении находятся: православная часовня, земская школа, кузница, синильщик, две мукомольные мельницы и две мутовки-мельницы. По сведениям 1909 г. дворов в селении 84, в них жителей обоого пола 437 человек»⁵.

Мы анкетировали в феврале-марте 2014 г. жителей Кочевского района и педагогов Коми-Пермяцкого округа, повышающих квалификацию в Коми-Пермяцком институте усовершенствования учителей, на знание этимологии собственного имени Отопково.

Более 60 % анонимно проанкетированных жителей Коми-Пермяцкого округа считают, что название деревни образовалось от слова ‘*отопки*’, около 30 % затруднились с ответом.

‘*Отопки*’, как объясняет коми-пермяцко-русский словарь, – это обноски, изношенная обувь⁶.

Жители деревни Отопково не согласились с высказанной версией и пересказали нам различные истории о своей деревне и бытующие предания о происхождении ее названия. Пенсионер М. П. Гладиков 1954 года рож-

дения, долгое время работавший в колхозе бригадиром и интересующийся историей родного края, сообщил следующее: «*Деревняыс IV вексянь, но, виднё, обосновали одзжык. Письменнэй источниккесзас 1816 годсянь. Зуев (ордся деревня – Н. М.), Отопково существовали важын ни, олёмась дзимбырын чудскёй отир*» («Деревня с IV в., но, видимо, ее обосновали раньше. В письменных источниках упоминается с 1816 г. Зуев (соседняя деревня – Н. М.), Отопково существовали давно, говорят, жили в дремучей тайге чудские люди,⁷» – буквальный перевод здесь и далее автора). Теща М. П. Гладикова, З. А. Пономарева, 1928 года рождения, уроженка деревни Вершинино Юкеевского сельского совета Кочевского района уточнила: «*Чудскёй отир олёмась дзимбырын, учёттикось пё вёлёмась. Миян Вершининас чудскёй гряддэз видззез вылын сьёд галяись. Учётнаным котрасям: мысёк, а сэсся, кызд ямаё, лэдзчисян, кызд гряддэз коласё*» («Чудские люди жили в дремучей тайге, говорят, ростом маленькие были. У нас в Вершинино на лугах чудские грядки из черных камней. Мы маленькими были, бегаем: пригорок, а потом, как в яму, провалишься, как между грядок»). «*Кин врагыс локтё, чудскёй отирыс живьем хоронились: пырасё пё гуэзё, стёлбесё пё султётасё, а сэсся нийё кераласё, муыс киссяс, тыртас - чтоё не шедны не пленё не мыйне. Галесникнас керлёмась стеназз, ёнёдз тыдалёны. Галесникыс сьёдамёма тшыннас*» (Если враг подходил, чудские люди живьем хоронились: заберутся в ямы, поставят столбы, а потом их подрубят, земля обвалится, засыплет – чтоб не попасть в плен. Из галечника выкладывали стены, до сих пор видны. Галечник потемнел от копоти»), – дополняет М. П. Гладиков и продолжает: «*Ассим родословнёйсё тёда 1790 гёдсянь. Огородсиным (капустникён эиё шуам) адззылим зеленатёй цвета чер, меч ли сабля ли адззылим, школаё сетлим. Капустниккес миян – сэтён дзиб вёр вёлём, а улицаыс кытён, сэтё вёлём топкёй – коккез вёйёны, улицаыс кузя вёлёлёмось вёр, медбы не вёйны. Этасянь пё и нимыс деревняыслён Отопка, а не ётёпкисянь. Деревняыс пё озеро вылын, шусьём перво Верх-Ключи, а сэсся осушили туйсё и переименовали Отопкаё. Пёриссес баитлисё, чтоё локтёмась вёрвёй олисес Новгородсянь, сийён и деревняыслён роч ним*» («Свою родословную знаю с 1790 г., изучал. В нашем огороде (капустником еще называем) мы находили

зеленоватого цвета топор, меч не то саблю, в школу отдали. Там, где наши огороды, густой лес рос, а где улица, там было топко – ноги вязли, по улице расстилали лес (слань из деревьев – Н. М.), чтоб не тонуть. От этого и название деревни Отопка, а не от слова ‘отопки’, изношенной обуви. Деревня, говорят, на озере, вначале называлась Верх-Ключи, а потом осушили дорогу и переименовали в Отопково. Старики рассказывали, что первые жители деревни были выходцами из Новгорода, поэтому и название деревни русское»).

С версией информантов, современных жителей деревни Отопково, об истории возникновения названия поселения, на наш взгляд, следует согласиться.

Во-первых, как считают ученые, названия многих населенных пунктов образуются по особенностям их места расположения: «Некоторые поселения названы коми-пермяками по характерному признаку местности: Кыквөрколас (буквальный перевод – место между двумя лесами), Нинмараск (липовая роща), Ойпожум (северная сосна)»⁸. Обычно объект обладает не одним, а несколькими признаками, которые отличают его от других, однако в названии отражается лишь один из них, тот, который в определенный исторический период оказывается главным.

Во-вторых, на вышеупомянутое название проливают свет и словари русского языка. Слово *топкий*, по словарю С. И. Ожегова, означает вязкое, болотистое место⁹. В словаре Владимира Даля читаем следующее: «Отопка, см. *отапливать*»¹⁰, «Отапливать, см. *об*»¹¹, «О (об) <...> заменяет иногда предлоги: *около, за, от, в, по, из, обок, окрай (около, у)...*»¹². Таким образом, по В. Далю, ‘отопка’ – это около топкого места или возле болотистого места.

Ученые утверждают: «Слова, устойчиво привязанные к конкретной местности, превращались в собственные имена»¹³. На основе этого утверждения мы предполагаем, что русское нарицательное слово ‘отопка’ постепенно стало собственным именем и заменило название деревни Верх-Ключи вначале на топоним Отопка, а позже – на Отопкова.

Возникает вопрос: почему люди построились на сыром месте?

По-видимому, на сухом месте, на горе нельзя было ставить жилье, так как по преданию в древности в глухом лесу на возвышенности (в *дзимбыре*) было чудское городище. По народным представлениям коми-пермяков, как

указывают этнографы, заселение чудских мест табуировано, святыням любого рода человек должен оказывать почести. Древняя чудь приравнивалась коми-пермяками к предкам, а также к христианским святым, те и другие карают, тех и других необходимо почитать¹⁴.

По сообщению информанта А. Г. Петровой, жительницы с. Юкеево Кочевского района 1941 года рождения, если не почитать древних, с людьми может произойти несчастье: чудские люди могут покарать (*важжес вермасё мыжйыны*). Представления местного населения о святынях любого рода, которые необходимо почитать, по-видимому, были приняты и пришлым, русским, населением. Тем более, христианские миссионеры, возводя на дохристианских, языческих, священных местах коми-пермяков церкви и часовни, культивировали у населения эти представления.

По этой причине, скорее всего, новое поселение расположилось около ключей в низине, под горой. Вначале оно называлось Верх-Ключи, а позже стали называть Отопка или по коми-пермяцки – ‘*Öтöпка*’ [Этэпка].

Сегодня Отопка известна как небольшая коми-пермяцкая деревня Отопково в Кочевском районе Коми-Пермяцкого округа Пермского края.

Таким образом, собственное имя-топоним Отопково русского происхождения. Пришлое русское население постепенно ассимилировалось, приобрело социально-культурные черты местного коми-пермяцкого населения. Современные жители Отопково – северные косинско-камские коми-пермяки, они адаптировали название деревни под фонетические особенности своего коми-пермяцкого языка и называют ее в просторечии ‘*Öтöпка*’ [Этэпка]¹⁵.

История деревни Отопково и ее названия – яркое свидетельство взаимодействия и взаимопроникновения двух мирно уживающихся национальных культур, коми-пермяцкой и русской.

Примечания

¹ См.: Кривощёкова-Гантман, А. С. Откуда эти названия? Очерки по топонимике. Пермь, 1973. С. 10.

² См.: Там же. С. 9.

³ См.: Указатель к карте «Коми-Пермяцкий округ» / авт.-сост. А. Е. Коньшин, Л. А. Никитина и др. Кудымкар – Хельсинки, 2010. С. 11.

⁴ Грибова, Л. С. Пермский звериный стиль : монография. М., 1975. С. 105.

- ⁵ Кривощёков, И. Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914. С. 578.
- ⁶ Коми-пермяцко-русский словарь : ок. 27 000 слов / Р. М. Баталова, А. С. Кривощёкова-Гантман. М., 1985. С. 299.
- ⁷ Чудские люди, чудь – название загадочно исчезнувших финских племен. См.: Грибова, Л. С. Пермский звериный стиль... С. 96. Автор утверждает, что «вся северная группа коми-пермяков, так или иначе, сознает свое происхождение от чуди».
- ⁸ Кривощёкова-Гантман, А. С. Откуда эти названия... С. 35.
- ⁹ Ожегов, С. И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / под ред. проф. Н. Ю. Шведовой. 16-е изд., испр. М., 1984. С. 696.
- ¹⁰ Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 2: И–О. М., 1995. С. 742.
- ¹¹ Там же. С. 709.
- ¹² Там же. С. 565.
- ¹³ Кривощёкова-Гантман, А. С. Откуда эти названия... С. 18.
- ¹⁴ См.: Грибова, Л. С. Пермский звериный стиль... С. 103. В речи косинско-камских коми-пермяков, жителей Коми-Пермяцкого округа, во многих словах русского происхождения гласный звук [o] заменяется гласным звуком [ö].
- ¹⁵ См.: Кривощёкова-Гантман, А. С. 1) Коми-пермяцкий язык и его диалекты // Труды института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа / ред. кол. серии: А. С. Лобанова (отв. ред.), А. М. Белавин и др. Вып. 3 ; 2) Собр. соч.: в 2 т. Т. 1. Грамматика, диалектология, лексика и фразеология, проблемы развития языка. Пермь, 2006. С. 178.

Н. М. Нестерова, Е. В. Поздеева

«ДИКТАТ» ЯЗЫКА И «НОВОЕ СЛОВО»

Рассматривается проблема взаимоотношений человека и языка, который в силу своей системности «навязывает» человеку правила пользования языковыми формами. Однако, как известно, сам же язык предлагает и средства преодоления «диктата» данной системы. К таким средствам относятся, в частности, авторская метафора и авторские лексические окказионализмы, которые рассматриваются авторами статьи как проявление «власти» человека над языком, как способы порождения новых смыслов.

Ключевые слова: язык, норма, творчество, стереотипность, окказиональность, метафора, окказиональное слово.

За влиянием языка на человека стоит закономерность языковых форм, за исходящим от человека обратным воздействием на язык – начало свободы

В. фон Гумбольдт

Отношения между системой языка и языковой способностью человека, как известно, являются одним из ключевых вопросов в психолингвистике. Попытки описать, представить процесс речепорождения, последовательность этапов перехода от замысла к тексту нашли отражение в различных моделях, достаточно хорошо описанных в литературе. Классическим представлением процесса речепорождения можно считать описание этого процесса Л. С. Выготским, который считал, что акт порождения развивается, движется «от мотива, порождающего какую-либо мысль, к оформлению самой мысли, к опосредствованию ее во внутреннем слове, затем – в значениях внешних слов и, наконец, в словах» [8. С. 375]. Эта мысль Выготского в отечественной науке стала основополагающей для понимания механизмов речепорождения, протекание которого «следует определенной схеме, включающей в самом общем случае следующие звенья: мотив – замысел – формирование мысли с кристаллизацией группы личностных смыслов – оформление и развитие мысли за счет перекодирования личностных смыслов в языковые значения, связанные с определенными типами знаков, – организация этих языковых знаков во внешнее речевое высказывание» [28. С. 46].

Однако исследователи вынуждены признать, что при всей многочисленности имеющихся сегодня моделей процесс речепорождения остается по-прежнему «глубоко таинственным и содержащим в себе много непонятного» [28. С. 33]. «Таинство» речепорождения

заключается в том, что этот процесс соединяет в себе различные противоположные начала, среди которых такие, как *стереотипность* и *творчество*. Соотношение стереотипного и творческого в речевой деятельности неразрывно связано с соотношением языка, мышления и действительности, сложные взаимосвязи которых и находят отражение в сознании человека. Известно, что человек есть одновременно пленник (или даже раб!) языка и его же творец.

Тему «человек и язык», без сомнения, можно отнести к вечно новым и вечно старым проблемам науки о языке. «Эта тема стара, ибо люди уже давно понимают неразрывную связь языка и человека, но в то же время эта тема и вечно молода, так как каждая эпоха предлагает множество своих осмыслений взаимоотношений между человеком и языком» [7. С. 32]. В свое время эта проблема была сформулирована В. Гумбольдтом, согласно которому, с одной стороны, «человек думает, чувствует и живет только в языке», а с другой – «человек весь не укладывается в границы своего языка; он больше того, что он может выразить словами». Соответственно, «всякая речь в высоком смысле слова есть борьба с мыслью, в которой чувствуется то **сила**, то **бессилие**», – писал Гумбольдт [11. С. 383]. Анализируя отношение «говорящий индивид/язык», Гумбольдт подчеркивал и их взаимовлияние, что и выражено в его словах, вынесенных в эпиграф.

«Бессильным» человека делает та самая «закономерность языковых норм», о которой и говорил Гумбольдт. Она становится свое-

го рода «средством принуждения». Известно, что вербализация, оязыковление мысли требует ее расчленения и организации по законам определенного языка. Известен пример Р. Барта, иллюстрирующий «принуждение» со стороны французского языка: «Так, говоря по-французски, я вынужден сначала обозначить себя в качестве субъекта высказывания и лишь затем назвать совершаемое мной действие, которое таким образом оказывается не более, чем моим атрибутом <...> равным образом я всегда обязан выбирать между женским и мужским родом; средний или общий род находятся для меня под запретом; точно так же, выражая свое отношение к другому, я вынужден пользоваться либо местоимением ты, либо местоимением вы: в их эмоциональной или социальной нейтрализации мне отказано. Таким образом, в языке, благодаря самой его структуре, заложено фатальное отношение отчуждения» [2. С. 548–549]. Фатальность «отчуждения», видимо, и породила тютчевское: «мысль изреченная есть ложь» и еще более категоричное шопенгауэровское: «мысли умирают в ту минуту, когда они воплощены в слова».

В своей «Лекции» Р. Барт со свойственной ему эмоциональностью и образностью так представляет отношения пишущего/говорящего с языком: «Языковая деятельность подобна законодательной деятельности, а язык является ее кодом. Мы не замечаем власти, таящейся в языке, потому что забываем, что язык – это средство классификации и что всякая классификация есть способ подавления: латинское слово *ordo* имеет два значения: “порядок” и “угроза”. Как показал Якобсон, любой естественный язык определяется не столько тем, что он позволяет говорящему сказать, сколько тем, что он понуждает его сказать. <...> весь язык целиком есть **общеобязательная форма принуждения**» (выд. наше – Н. Н., Е. П.) [2. С. 548].

Таким образом, Р. Барт считает язык средством «понуждения», не подчиниться которому очень трудно, и, рассуждая о «письме» и его свободе, он отмечает, что человек неизбежно превращается в «пленника чужих и даже собственных слов» [3. С. 334]. Мысль о «пленении» говорящего/пишущего звучит у него более чем категорично: «Язык, как перформация всякой языковой деятельности, не реакционен и не прогрессивен; это **обыкновенный фашист, ибо сущность фашизма не в том, чтобы запрещать, а в том, чтобы понуждать**

говорить нечто. <...> В нем (языке – Н. Н., Е. П.) с неотвратимостью возникают два полюса: полюс **авторитарного утверждения и полюс стадной тяги к повторению.** <...> знаки, образующие язык, существуют лишь постольку, поскольку они поддаются распознаванию, иными словами, поскольку они повторяются; знак несамостоятелен, стаден; в каждом знаке дремлет одно и то же чудовище, имя которому – стереотип: я способен заговорить лишь в том случае, если начинаю подбирать то, что рассеяно в языке. И едва только свершается акт говорения, оба полюса соединяются во мне: я становлюсь господином и рабом одновременно» (выд. наше – Н. Н., Е. П.) [2. С. 548].

Другая причина деспотической власти языка кроется в самом языковом знаке, в его онтологической вторичности, в структуре его значения. Известно, что единый национальный (идеоэтнический) язык, одинаково доступный всем говорящим на нем членам общества, – это теоретическая, абстрактная категория, далекая от сути (природы) естественного языка. Так, М. М. Бахтин, критиковавший, как известно, сосюрговскую концепцию языка за отсутствие в ней указания на идеологические ценности, которые несут в себе языковые знаки и их связи, первым обратил внимание на отсутствие единства в любом национальном языке. Он, в частности, писал: «Живая социальная жизнь и историческое становление создают в пределах абстрактно единого национального языка множественность конкретных миров, замкнутых словесно-идеологических и социальных кругозоров, тождественные абстрактные элементы языка внутри этих различных кругозоров наполняются различными смысловыми и ценностными содержаниями и звучат по-разному» [4. С. 101].

Сказанное Бахтиным означает, что язык представляет собой набор социолектов, в знаках которых уже закреплены идеологические и социальные смыслы. Таким образом, пользуясь определенным социолектом, мы «обрекаем» наши слова значить то, что они значат в силу их устойчивой конвенциональности, нам не дана та «свобода слова», которой владел герой Л. Кэрролла Hupty-Dumpty, смело заявлявший: «When I use a word, it means just what I choose it to mean – neither more nor less» («Когда я беру слово, оно означает то, что я хочу, не больше и не меньше». – Перевод Н. Демуровой). Наше слово всегда значит больше или меньше того, что мы хотели сказать, что имели в виду: все

«наши» слова уже были сказаны до нас, а потому несут в себе «следы» предыдущих употреблений, и мы храним в своей памяти не только сами слова, но их употребления. Таким образом, можно утверждать, что «наша языковая деятельность осуществляется как непрерывный поток “цитации”, черпаемой из конгломерата нашей языковой памяти» [9. С. 14]. В силу оговоренности всех слов, в силу интертекстуальности нашего сознания и памяти можно считать, что над нами «довлеет» вторичность как общезыковая и общетекстовая категория.

Чтобы понять, как проявляется названная вторичность в языковом знаке, обратимся к структуре его лексического значения. Известно, что оно представляет собой комбинацию трех макрокомпонентов: денотативного аспекта значения, указывающего на объективированную в нем реальность (независимо от характера обозначаемого), категориально-грамматического компонента (который является обязательным для всех типов лексического значения) и, наконец, эмотивно-модального компонента, выражающего отношение субъекта речи к тому, что обозначено словом или выражением [26. С. 16]. Последний из названных выше макрокомпонентов – это коннотативный, который, согласно Р. Барту, и определяет вторичность языкового знака, именно этот компонент он называет «фрагментом идеологии».

Французский ученый считает, что денотативные (первичные) значения языковых знаков могут быть простой материальной опорой для вторичных означаемых – тех самых коннотативных смыслов, которые образуют свою семиотику. Рассматривая коннотативные смыслы, Р. Барт видит в них несколько существенных особенностей. Во-первых, они способны прикрепляться не только к знакам естественного языка, но и к различным материальным объектам, которые ученый называет знаками-функциями. Во-вторых, коннотативные смыслы латентны (скрыты) – они никогда прямо не называются, а поэтому они могут актуализироваться или не актуализироваться в сознании воспринимающего высказывание. Такого рода смыслы зависят от социокультурного контекста и никогда не фиксируются в толковых словарях, а потому их узнавание и интерпретация зависят от интерпретатора, его кругозора (лингвистического и культурного) и чутья. В-третьих, коннотативные смыслы легко поселяются в языковом знаке и также легко его покидают. Их жизнь зависит от кон-

текста, который их порождает – умирает контекст, умирают и смыслы, образуются лакуны. В-четвертых, эти смыслы диффузны, то есть один знак денотативной системы может иметь несколько ему сопутствующих коннотативных смыслов, и наоборот, один коннотативный смысл может быть связан с несколькими денотативными знаками, таким образом, коннотативные смыслы оказываются рассеянными по всему высказыванию (тексту), образуя стилистику последнего. В-пятых, они, пишет Барт, агрессивны – будучи сначала только сопутствующим денотативному значению смыслом, они постепенно начинают его подавлять, а иногда и вытеснять [1. С. 131]. В результате и происходит та самая утрата референта, о которой говорил Ж. Бодрийяр [5].

Таким образом, если сравнить денотативный и коннотативный компоненты значения языкового знака с точки зрения «вторичности», то можно сделать такой вывод: денотативное значение есть значение «безличное», оно просто указывает на «вещь», и, следовательно, здесь нет и не может быть никакой первичности или вторичности, в то время как коннотативное всегда лично, в нем всегда присутствует «человеческий фактор».

Коннотативный компонент значения языкового знака, будучи связанным с денотативным значением через некий ассоциативный образ, и придает окончательную окраску всему языковому знаку. Окраска, как известно, может быть различной по функции и по тональности. Тональность также может быть различной по яркости, силе экспрессии. Различны и механизмы создания коннотации [см., например: 23].

Итак, именно коннотация в силу особенности своей семантики (не означать, а созначать) позволяет выразить субъективно-личностное отношение автора к тому, о чем идет речь в его тексте. Иными словами, коннотативный компонент дает возможность показать, что мы думаем об этом фрагменте реальной или мнимой действительности, выразить свое отношение к говоримому и «заразить» этим отношением своего адресата. Однако парадокс заключается в том, что это коннотативное значение связано с предыдущими употреблениями знака, теми контекстами, в которых знак использовался. Этот компонент тоже оказывается уже «оговоренным», и за ним тянется длинный шлейф этой самой «оговоренности».

Таким образом, вторичность коннотативного компонента в структуре знака возникает

как след бывших употреблений этого знака, которые постепенно делают его конвенциональным и, далее, стереотипным. Так и возникает тот самый узус, который навязывает определенное использование и восприятие знака, в результате чего автор оказывается заключенным в «темницу лингвистической нормы» [18]. Отсюда напрашивается вывод: конвенциональность знака делает его вторичным, причем создает эту вторичность прежде всего коннотативный компонент его значения. Это и позволило Р. Барту сказать, что «в каждом знаке дремлет одно и то же чудовище, имя которому – стереотип» [2. С. 550].

Итак, языковой деспотизм проявляется, с одной стороны, в жестоком узусе, диктующем человеку «как» писать и говорить, с другой – в «оговоренности», конвенциональности, а значит и стереотипности всех слов. Конвенциональность знака навязывает нашему слову свое значение, свой смысл, который мы не планировали в него вкладывать.

Теперь обратимся к другой стороне зависимости автора от языка – к «раскрепощающей». Как и в чем может проявиться власть человека над языком? Что делает человека «сильным» в борьбе с языком? Как автор может противостоять диктату языка? Что такое «писать хорошо»? Известно мнение Гассета, считавшего, что секрет «хорошего письма» заключается в нарушении общепринятой нормы языка, в нарушении грамматики. И даже более того, он называл такое письмо «актом перманентного мятежа», направленного против той самой стереотипности, а значит, и вторичности. В свою очередь, Барт считал, что единственный способ освободиться от диктата языка и создать Литературу, – это «плутовать с языком», «дурачить» его. Поэтому он и называл литературой удавшийся «блистательный обман» [2. С. 550].

Рассмотрим, что же имеется в распоряжении автора для того, чтобы «плутовать с языком», подтачивать общепринятую норму языка. Очевидно, что узуальному может противостоять окказиональное, стереотипному – творческое. Как известно, основными операциями речепорождения на уровне оязыковления являются отбор языковых единиц и их комбинирование. Для представления взаимодействия данных операций (отбора и комбинирования) в процессе речевого поведения Р. Якобсон использовал термины «ось селекции» и «ось комбинации», отмечая при этом, что «селек-

ция производится на основе эквивалентности, подобия и различия, синонимии и антонимии, комбинация – построение предложения – основывается на смежности» [30. С. 204]. Видимо, можно утверждать, что в «идеальном дискурсе» селекция и комбинация должны составлять гармонично сбалансированное единство. Примерами такой идеальной сбалансированности являются хорошо известные пушкинские, казалось бы очень простые и вместе с тем гениальные строки: «Я помню чудное мгновение» (не зря Набоков считал эту фразу непереводимой), «Народ безмолвствует», «Бывают странные сближения». Последнее – это заключительное предложение короткой «Заметки о “Графе Нулине”». Эти три слова, как будто бы «отлитые из бронзы», пришли к Пушкину отнюдь не сразу, он их искал, перебирал варианты: «Сближения бывают... Сближения случаются... Могут быть странные сближения» [6. С. 47]. Данный пример свидетельствует о том, как нелегко достигается настоящая гармоничность, нелегко даже для Пушкина, который прекрасно знал, как «словом крепко править».

Пушкинский «блистательный обман» языка заключается не в изобретении «новых» слов, а в уникальном соединении «старых», но очень тщательно отобранных. Есть, однако, и другие способы «плутовать с языком», и один из них – это **окказиональность** в широком смысле слова.

Как известно, впервые на окказиональность как «отклонение от узуальных значений слов» в индивидуальном употреблении обратил внимание Г. Пауль [21]. Окказиональное – это «те представления, которые говорящий связывает с этим словом в момент его произнесения и, которые, как он полагает, свяжет в свою очередь и слушатель с данным словом» [21. С. 94]. Таким образом, Г. Пауль говорил об окказиональном значении, отличая его от узуального значения. Среди основных отличий между окказиональным и узуальным значениями Г. Пауль выделял, с одной стороны, большее богатство окказионального, а с другой – его однозначность.

В дальнейшем вопрос об окказиональности в науке о языке практически не поднимался вплоть до 1957 г., когда была опубликована статья Н. И. Фельдмана «Окказиональные слова и лексикография». В ней Н. И. Фельдман писал об окказиональных лексических единицах, переноса акцент с содержательной окказиональности на окказиональность формальную.

К разряду окказиональных Н. И. Фельдман относит слова, которые представляют собой результат необычного сочетания словообразовательных элементов или слова, созданные по необычным словообразовательным моделям. Очевидно, что, по мнению автора, главнейшим признаком окказиональности служит необычная *форма* таких слов. Проблема же окказионального *значения* слова, то есть необщепринятого для данной формы слова, не рассматривается.

В последующие десятилетия появились работы, связанные с категорией окказиональности [см., например: 13, 27]. В одной из них – «Окказиональные элементы в современной речи» [27] – автор определяет окказиональность как «известную степень незаданности речевого факта системой языка, что создает определенную степень неожиданности такого факта для языковой системы» [27. С. 246]. Более того, нередко окказиональное слово неожиданно и для самого автора. А. Г. Горнфельд писал по этому поводу: «Человеку нужно слово, оно наивно, стихийно, легко срывается у него с языка; он даже не знает, не задумывается, слышал он его или сочинил: оно понятно ему, оно понятно его собеседнику – чего еще?» [10. С. 83].

Согласно А. Г. Лыкову, любое окказиональное явление *потенциально* (курсив наш) возможно и обусловлено внутренними движущими силами языка, не использовавшимися еще в речевой практике говорящего социума. Любое окказиональное явление – это выражение противоречия между фактом речи, с одной стороны, и системой и нормой языка – с другой [13. С. 73]. С этой точки зрения окказиональность может проявляться как на содержательном, так и на формальном уровне, в результате чего появляются новые, при этом экспрессивно окрашенные, средства.

К возможностям, которые позволяют слову выйти за пределы узуального, относятся, в частности, метафора и авторское окказиональное слово. В настоящей статье речь идет только о так называемой «художественной» метафоре, которая, в отличие от языковой метафоры, носит окказиональный, внесистемный характер, имеет и сохраняет авторство, контекстуально зависима, уникальна и невоспроизводима.

Как известно, метафора является мощным средством формирования новых смыслов, средством преодоления стереотипности и автоматизма: «тот, кто создает метафору, идет на

преодоление автоматизма в выборе средств из числа готовых» [24. С. 189]. Если вернуться к «осевой» модели речепорождения Jakobsona, то метафоризация происходит, условно говоря, на оси селекции. В поисках нужного средства выражения для вербализации некоторого мыслительного образа в сознании автора происходит своего рода «короткое замыкание», которое соединяет разные сущности и их наименования, в результате чего возникает новое выражение, которое, в свою очередь, создает новый (обогащенный дополнительными ассоциациями) образ:

...железная смерть пахала воздух над их сердцами (А. Платонов «Одухотворенные люди»).

Теплые молочные сумерки стояли над гордом (Н. Лесков. «Леди Макбет Мценского уезда»).

...поднялся тот самый гражданин, что тогда при свете солнца вылепился из жирного зноя (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»).

Другим авторским средством выходом из языкового плена служит **окказиональное слово**, в котором «новым» является, прежде всего, его форма [26]. Э. Ханпира сравнивает «речевую смелость поэтов и писателей» с «речевой смелостью детей и афатиков», поскольку «тут и там нейтрализованы языковые ограничители» [27. С. 250]. При этом исследователь подчеркивает, что, в отличие от детей и афатиков, поэты и писатели создают свои окказионализмы вполне сознательно в поисках **новых** средств выражения:

*Когда мы вернулись с шампанским, застали Миндаля и Гендоса, рассказывающими Оленьке о наших сегодняшних идеях объявить ВДНХ независимым государством наподобие Ватикана в Риме... Опять же, мы ведь и представить себе тогда не могли..., что наши дурашливые идеи когда-нибудь воплотятся, и на территории СССР образуется великое множество нищих и озлобленных **вытеканчиков*** (А. Сегень. «Тройка, семерка, туз»).

*Теперешние же апартаменты привольно раскинулись на самом верху. В приемной отфильтровывал посетителей новехонький, с уставной картинки, лейтенантик – не то **секретант**, не то **адъютарь**, героически охранявший генеральский покой* (А. Балабуха. «Распечатыватель сосудов, или На Моисеевом пути»).

И утверждаю – после разрыва с женой, все еще ходит в холостяках – женатый человек

не будет так *очертяголови́чатъ*. Он позаботится о твердом окладе, квартире, перспективах. (И Ефремов. «Лезвие бритвы»).

«Вытеканчики», «секретант», «адьютарь» и «очертяголови́чатъ» – единицы, созданные, совершенно очевидно, *ad hoc*, и характеризующиеся, прежде всего, формальной новизной. Каждый из них имеет некую «стартовую точку» в виде слов-стимулов, уже имеющих в языке (вытеканчики=Ватикан+вытекать; секретант=секретарь+адьютант; адьютарь=адьютант+секретарь; очертяголови́чатъ=очертя голову). Творческая воля автора (и словообразовательные модели русского языка) превратили эти слова-стимулы в лексические окказионализмы.

Следует отметить, что «новая» форма окказионального слова нередко обуславливает появление и нового смысла. В типичном окказиональном слове его лексическое значение представляет, по словам А. Г. Лыкова, «развернутый веер возможностей» [13. С. 75]. «Части, вырезанные из слова и прихотливо соединенные, все же показывают признаки жизни. В них, частях, мерцают смыслы» [20. С. 210].

Диффузность или неопределенность значения лексических окказионализмов обусловлена тем, что они словно окутаны «флером» тончайших семантических, фонетических, словообразовательных, эмоциональных и иных ассоциаций. Даже узуальное слово (особенно в художественном тексте) «пропитано» множеством текучих, изменчивых смыслов, которое оно приобрело (и приобретает) в процессе многократных употреблений в речи. Каждое прикосновение мира к слову оставляет на нем свой отпечаток, углубляет, его «память». Это вдвойне справедливо по отношению к окказиональному слову, при понимании которого, возможно, стоит говорить не столько об интерпретации значения, сколько об интерпретации ассоциаций.

Примечательно, что, описывая особенности значения лексических окказионализмов, А. Г. Лыков употребил метафору («мерцают»), как бы подчеркивая их сущностную общность. Что же роднит окказионализм и метафору? Во-первых, они имеют общие истоки. Феномен творения «нового слова» (под ним мы понимаем любое окказиональное образование, созданное автором для нужд определенного контекста) – это всегда познание: познание окружающего нас мира, познание скрытых в языке возможностей и, в итоге, – самопознание. Мотивы

и причины появления «нового слова» связаны, в первую очередь, с потребностью (часто неосознаваемой) нового осмысления «мира» и с потребностью его выразить. Окказионализм и метафора – результат поиска слов, наиболее уместных в данной речевой ситуации. И тот, и другой вид «нового слова» – это отказ от стереотипности. Они – то, что делает речь непредсказуемой, а образы – яркими и запоминающимися.

Во-вторых, и окказионализм, и метафора – это особые формы представления знаний. Они вторичны по отношению ко всему нашему предыдущему языковому и внеязыковому опыту и являются особым обозначением неизвестного через известное. «Новые смыслы» или концепты, согласно Р. И. Павиленису, – это «сгустки» информации об актуальном или вероятностном положении дел в мире, которые включают все, что человек думает, представляет, воображает, предполагает или знает об объектах мира [19]. Метафора традиционно рассматривается как видение одного объекта через другой или «описание и осмысление сущности одного рода в терминах другого рода» (по Дж. Лакоффу и М. Джонсону). Новизна и творческий характер метафоры заключается как в необычном сочетании концептов, так и в сочетании языкового знака и его означаемого: происходит концептуализация нового знания на основе уже сформированных и закрепленных в системе языковых знаков понятий. Другими словами, для метафоры данным (известным) будет ее формальная сторона, а новым (неизвестным) – содержательная. Для окказионального слова данным является лишь словообразовательная модель, по которой оно образовано; новым – и содержание, и форма, в которую оно заключено (см. напр. скукофония, помпулярный и др.).

В-третьих, и окказионализм, и метафора появляются на свет благодаря универсальному закону аналогии. В основе механизма метафоризации лежит универсальная способность человека видеть подобное в различном. Здесь уместно привести слова Н. В. Крушевского, который отмечал, что: «Все старое в языке основано преимущественно на воспроизводстве, на ассоциациях по смежности, тогда как все новое – на производстве, на ассоциациях по сходству» [Цит. по: 12. С. 64].

Аналогия как когнитивный механизм обработки знаний строится в метафоре, как известно, на категориальном сдвиге. Именно это отличает метафорический способ познания от

логического, где, прежде всего, устанавливаются причинно-следственные связи. Если для метафоры аналогия обнаруживается на концептуальном уровне (идет отождествление семантических признаков), то для окказионализма аналогия носит формальный (словообразовательный) характер – окказиональные слова образуются по моделям уже существующим в языке и речи.

В современной психологии творчество определяется как «деятельность, результатом которой является создание новых материальных и духовных ценностей» и «явление по своей сущности культурно-историческое ..., предполагающее наличие у личности способностей, мотивов, знаний и умений, благодаря которым создается продукт, отличающийся новизной, оригинальностью, уникальностью» [22. С. 393]. В случае языкового и речевого творчества таким продуктом являются метафора и окказиональное слово, которые рождаются как результат встречи творческих начал, заключенных в языке и в том, кто им пользуется. Творческое начало первого – это наличие множества порождающих моделей, которыми располагает язык на всех своих уровнях. Творческое же начало человека в данном случае – это, во-первых, способность и умение пользоваться этими моделями, а во-вторых, способность и умение «прорываться» сквозь «колючую проволоку» стереотипности и лингвистической нормы.

Таким образом, можно сказать, что авторская метафора и окказиональное слово позволяют перекодировать личностные смыслы, о которых писал Л. С. Выготский, в такие типы знаков, которые делают слово, действительно **НОВЫМ**, по-бахтински неоговоренным, по-настоящему авторским. Они позволяют плутовать с языком, обходить закономерность языковых норм, реализуют гумбольдтовское обратное воздействие человека на язык, следовательно, создают возможность преодолеть «диктат языка».

Говоря о новом слове, необходимо подчеркнуть, что оно творится для того, чтобы быть «услышанным» другим, то есть быть транслированным в иное сознание. Трудно оспаривать утверждение В. фон Гумбольдта о том, что «никто не понимает слово в точности так, как другой, и это различие, пускай самое малое, пробегает, как круг по воде, через всю толщу языка» [11. С. 84]. Говоря это, В. фон Гумбольдт имел в виду обычное слово. Бесспорно, однако, что

степень непонимания значительно возрастает при восприятии «новых слов» – метафоры и окказионализма

При общении, сознавая неизбежность некоторого непонимания, мы все же надеемся быть понятыми. Мы надеемся, что наше слово найдет «соответствующий клавиш духовного инструмента» у нашего собеседника и вызовет в нем соответствующее понятие, хотя оно, конечно, всегда будет пусть немного, но иным. В случае же «нового слова» возникшие в «чужом» сознании понятия могут значительно отличаться от наших, а их интерпретации самыми неожиданными, что и показало проведенное нами исследование смыслового восприятия и интерпретации «нового слова» (лексических окказиональных образований). В процессе исследования испытуемым предлагалось дать толкование ряду окказиональных слов, другими словами, осуществить «перевод для себя» [29. С. 127]. Приведем несколько примеров такого «внутреннего перевода»:

Декабрь – декабрьский (день или человек), человек, родившийся в декабре; дикобраз, живущий в море, животное, которое размножается в декабре; животное с жабрами, (у которого десять жабр); какое-то животное; стойкий, храбрый, храбрый в декабре; морозный, пасмурный, холодный; злой, недоброжелательный; неправильное прочтение слова «декабрьский»; слово «декабрьский», прочтенное заикой; устойчивый к декабрьским морозам; добрый; гордый, своенравный; предновогодний.

Вдохновенная – женщина, которая всегда вдохновляет; воодушевляет; девушка, вдохновляющая на благородные поступки; женщина, к которой приходит вдохновение; вечно находящаяся в состоянии вдохновения; женщина, которую не покидает вдохновение; бессмертная; вечная; вечноживущая; талантливая (одаренная) женщина (девушка); вдох; последний вдох; муза поэта; неправильное написание слова «вдохновенная»; вечность; возлюбленная; любимая; Анна Керн в старости.

Думоход – задумчивый человек; мечтательный человек; мечтатель; человек, который думает во время ходьбы; человек, который ходит и думает; думающий на ходу; полет мысли; направление мысли; цепочка рассуждений (мыслей); выход (ход) для мыслей – рот (голова, уши); вход в Государственную (Городскую) Думу; выборы в Думу; человек, играющий в DOOM; любитель игры в DOOM; неправиль-

ное написание слова «дымоход»; мыслитель; философ; шахматист.

Струнопись – ноты; нотные записи; написание музыки для струнных инструментов; нотная запись для струнных инструментов; древняя (особая) письменность на струнах; запись на струнах; надпись на струнах; игра на струнных инструментах; нотная тетрадь; струны; каллиграфический (разборчивый, хороший) почерк; музыка; мелодия.

Разумеется, мы можем только догадываться, какие ассоциации возникали у испытуемых в ходе интерпретации того или иного окказионализма, и какие из них оказали влияние на определение его значения. Однако мы полагаем, что наш эксперимент достаточно убедительно доказывает что «преобразование полученной человеком информации происходит в контексте его собственных языковых и энциклопедических знаний» [25. С. 13], а множественность интерпретаций, вероятно, свидетельствует о высокой энтропийности окказионализмов. Энтропийность окказионализмов становится особенно заметной при их межъязыковой трансляции. [См.: 14; 15; 16].

Таким образом, процесс порождения «новых смыслов» продолжается. И если при рождении «мысль творится в слове» (Л. С. Выготский), то при восприятии происходит обратное – «мысль творится словом». В этом и заключается диалектика сложных отношений между человеком и языком.

Список литературы

1. Барт, Р. Основы семиологии // Структурализм «за» и «против». М., 1975. С. 114–163
2. Барт, Р. Избранные работы: семиотика. Поэтика. М., 1994. 616 с.
3. Барт, Р. Нулевая степень письма // Семиотика. Антология. М., 2001. С. 327–370
4. Бахтин, М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 281–307.
5. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции // Философия постмодерна. Минск, 1996.
6. Бочаров, С. Г. Сюжеты русской литературы. М., 1999. 632 с.
7. Будагов, Р. А. Человек и его язык. М.: Наука, 1976. 429 с.
8. Выготский, Л. С. Психология искусства. – М.: Искусство, 1986. 573 с.
9. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ: лингвистика языкового существования. М., 1996. 352 с.
10. Горнфельд, А. Г. Новые словечки и старые слова // Дом искусств. 1921. № 2. С. 82–87.
11. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. 400 с.
12. Комлев, Н. Г. Слово в речи: денотативные аспекты. М., 1992. 214 с.
13. Лыков, А. Г. Окказиональное слово как лексическая единица речи // Филол. науки. 1971. № 5. С. 70–78.
14. Наугольных, Е. А. Окказионализмы как элемент языковой игры писателя // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 6 (12). С. 83–90
15. Наугольных, Е. А. О «загадочных» окказионализмах Дж. Джойса и способах их перевода / Е. А. Наугольных, Н. М. Нестерова // Вестн. Моск. ун-та. 2011. Сер. 22. Теория перевода. № 2. С. 74–83.
16. Наугольных, Е. А. Языковая антинорма как авторский прием: проблема переводимости // Филол. науки. Вопр. теории и практики. 2013. № 2 (20). С. 147–150
17. Ортега-и-Гассет, Х. Блеск и нищета перевода // Что такое философия. М., 1991. С. 336–352.
18. Ортега-и-Гассет, Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. М., 1990. С. 68–81.
19. Павиленис, Р. И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М., 1983. 286 с.
20. Панов, М. В. О переводах на русский язык баллады «Джаббервоки» Льюиса Кэрролла // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. М., 1975. С. 239–249.
21. Пауль, Г. Принципы истории языка. М., 1960. 501 с.
22. Психология : словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М., 1990. 484 с.
23. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986. 141 с.
24. Телия, В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 26–52.
25. Тогоева, С. И. Современная лексикография и новые единицы номинации. Тверь, 2000. 147 с.
26. Фельдман, Н. И. Окказиональные слова и лексикография // Вопр. языкознания. 1957. № 4. С. 63–71.

27. Ханпира, Э. Окказиональные элементы в современной речи // *Стилистические исследования*. М., 1972. С. 245–317.

28. Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М., 1991. 214 с.

29. Шлейермахер, Ф. О разных методах перевода // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология*. 2000. № 2. С. 127–145.

30. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика // *Структурализм: «за» и «против»*. М., 1975. С. 193–230.

ВАРИАНТНОСТЬ СЛОВА В НЕМЕЦКОМ ОБИХОДНО-РАЗГОВОРНОМ ЯЗЫКЕ

Рассматриваются особенности вариантности слова в современном немецком обиходно-разговорном языке. Варианты слова понимаются как формальные разновидности слова в пределах его семантического тождества и тождества морфологической структуры. Анализируются основные типы фонетических, морфологических и орфографических вариантов немецких разговорных слов.

Ключевые слова: вариантность, вариант слова, тождество, разговорное слово, немецкий обиходно-разговорный язык.

В настоящей статье предпринимается попытка взглянуть на лексический материал немецкого обиходно-разговорного языка с позиций вариантологии – направления в современной лингвистической науке, в рамках которого исследуются видоизменения слова [2. С. 21]. Вариантность слова вслед за К. С. Горбачевичем трактуется нами в узком смысле как видоизменение формальной стороны слова в пределах семантического тождества, а также тождества морфологической структуры [4. С. 9–16]. В соответствии с таким подходом под формальными вариантами слова понимаются разновидности одного и того же слова, характеризующиеся различиями в плане выражения слова: в произношении, в образовании грамматических форм, в написании [6. С. 61]. Лингвистами предлагаются различные подходы к идентификации и классификации формальных вариантов слова [1; 2; 4; 6]. По формальным признакам наиболее общепринятым является деление вариантов слова на фонетические, морфологические (грамматические) и орфографические.

Целью статьи является выявление специфики вариантности слова в немецком обиходно-разговорном языке. Необходимость исследования вариантности немецких коллоквиализмов объясняется тем фактом, что в данном пласте лексики сосуществуют и взаимодействуют между собой элементы языковой традиции и инноваций. С одной стороны, коллоквиальный фонд формировался под влиянием территориальных особенностей немецкого языка, эти особенности проявляются в употреблении разговорной регионально маркированной лексики и в современном немецком языке. С другой стороны, в обиходно-разговорном языке динамично протекают процессы передвижения со-

циолектной лексики, обновления словарного фонда вследствие межъязыковых контактов, а также за счет пополнения новыми единицами – продуктами семантической и словообразовательной деривации, словосложения и словотворчества. Инвентаризация вариантной лексики из данной языковой подсистемы призвана дополнить фактическими сведениями вариантологию как направление лингвистики, находящееся на стадии становления. Материал для анализа был отобран из лексикографических источников, кроме того, привлекались данные корпусов немецкого языка [8; 11].

1. Фонетическая вариантность

Фонетические варианты характеризуются видоизменениями в ударении, произношении звуков, фонемном составе слова. Перечисленным видоизменениям соответствуют такие подтипы фонетических вариантов, как акцентные, орфоэпические и фонематические. Колебания в звуковой структуре слова могут быть качественными, то есть связанными с заменой переменных компонентов; количественными, характеризующимися неустойчивостью количественного состава переменных компонентов; позиционными, связанными с изменением места расположения переменных компонентов.

Акцентные варианты. При выявлении специфики акцентной вариантности разговорных слов мы исходим из определения словесного ударения в немецком языке как морфемно связанного [5. С. 129]. Колебания словесного ударения исследуются на основе морфемного состава слова с учетом связи со словообразованием. Анализу подвергается только сильное словесное ударение – его позиция в слове или количество сильных ударений.

Исследование показало, что акцентной вариантностью отмечены сложные по составу

разговорные слова. Так, позиционными и количественными колебаниями ударений характеризуются сложные существительные и прилагательные с эмоционально-усилительными полупрефиксами *Heiden-*, *Bullen-*, *Höllen-*, *erz-*, *hunde-*, *knall-*, *piek-*, *pudel-*, *sau-*, *schnurz-*, *stock-* и др.: *'Höllen'lärm/'Höllenlärm/'Höllen'lärm* «адский шум», *'piek'fein/'piek'fein/'piekfein* «шикарный»; копулятивные существительные с компонентом *Hans-* *'Hansnarr/'Hans'narr* «простофиля»; сложные наречия *'überzwerch/über'zwerch* «наискось». Акцентные колебания выявлены среди многочисленных сложносоставных англоязычных заимствований, представленных атрибутивными композитами: *Happy'end/'Happy'end* «счастливый конец»; сдвигами: *'Must-have/'Must-'have* «необходимый предмет»; существительными, образованными от фразовых глаголов: *'Hangover/'Hang'over* «похмелье»; наречиями: *'non'stop/non'stop* «без перерыва»; глаголами *'happyenden/'happy'enden* «хорошо заканчиваться». Вариантность ударения обнаруживается среди единиц, образованных разговорно маркированными способами словообразования, в частности, путем компрессивного словообразования: *A'bee/'Abee* «туалет»; звукоподражания: *'iahen/i'ahen* «реветь (об осле)»; редупликации: *'Kuddelmuddel/'Kuddel'muddel* «неразбериха». Акцентные колебания довольно частотны среди междометий: *a'ha /'aha* «ага!», *hei'di/'heidi* «оп!».

Орфоэпические варианты. Орфоэпические модификации заключаются в вариантности долготы и качества корневого гласного звука: *Limo* – [i:]/[ɪ] «лимонад», *Malocher* – [o:]/[ɔ] «работяга»; *tschüs* – [y]/[y:] «пока»; *fesch* – [e:]/[ɛ] «шикарный», в колебаниях между звонким/глухим согласным: *nervig* – [v]/[f] «раздражающий», *Penunse* – [z]/[s] «деньжата». В заимствованной лексике орфоэпическая вариантность проявляется в существовании вариантов с разной степенью фонетической ассимиляции: *flirten* – [ˈflærtɪn]/[ˈflø:vɛtɪn]/[ˈflirtɪn] «флиртовать», *jumpen* – [ˈdʒʌmpn̩]/[ˈjʊmpn̩] «прыгать», *stressen* – [ˈstrɛsn̩]/[ˈstresn̩] «раздражать».

Фонематические варианты. Анализ вариантов с колебаниями в фонемном составе выявил следующую специфику варьирования гласных и согласных в корневых и аффиксальных морфемах.

В корневых морфемах качественная вариантность гласных фонем основана на противо-

поставлении долгих закрытых и кратких открытых гласных: *zerfleddern/zerfledern* «растрепать», умляутированных и неумляутированных гласных: *muffeln/müffeln* «бурчать», на колебании дифтонгов: *Keiche/Keuche* «тюрьма», *breitmaulig/breitmäulig* «хвастливый», на колебании между монофтонгами и дифтонгами: *treffel/treife* «краденый», а также на иных типах колебаний монофтонгов: *scharwenzeln/scherwenzeln* «заискивать», *schnorren/schnurren* «клянчить», *schwapp/schwipp* «шлеп». Количественные вокалические варианты противопоставлены по наличию/выпадению финального *-e* в ряде существительных и прилагательных: *Bangbüxel/Bangbüx* «трусишка», *mall/malle* «свихнувшийся». Выпадением гласных характеризуются отдельные междометия: *ojemine/jemine* «о господи!», *auweia/auwei* «ой!», *prosit/prost* «на здоровье!», *hem/hm* «гм!».

Качественные консонантные варианты основаны на следующих типах колебаний: между звонкими/глухими согласными: *benzen/penzen* «клянчить», *Depp/Tepp* «дурак», *Gickser/Kickser* «смешок»; смычными/щелевыми согласными: *verbumfiedeln/verfumfiedeln* «тратить без толку», *Masseltopp/Masseltoff* «удача», *wulacken/wullachen* «вкалывать (о работе)», *strawanzen/strabanzen* «слоняться», *geckl/jeckl* «дурашливый»; щелевыми согласными [s]/[ʃ]: *wurstig/wurschtig* «наплевательский»; аффрикатами [ʃ]/[ts]: *Gatsch/Gatz* «жижа», аффрикатами/щелевыми согласными: *pfriemeln/friemeln* «вертеть, крутить (пальцами)», *Funzel/Funsel* «коптилка (лампа)», *fratscheln/frascheln* «расспрашивать», *knaunzen/knaunschen* «ныть»; аффрикатой [pf] / смычным согласным [p]: *Doofkopf/Doofkopp* «простофиля», смычными сонантами [n]/[m]: *ganfen/gamfen* «красть». Количественные, а также качественно-количественные колебания согласных также обнаруживаются в коллоквиальной лексике, но значительно реже: *Nacktfrosch/Nackfrosch* «голыш (о ребёнке)», *verknassen/verknasten* «посадить в тюрьму».

Аффиксальное варьирование немецких разговорных слов является преимущественно количественным и связано с выпадением из аффиксов редуцированной фонемы [ə] в следующих случаях: из суффиксов *-el*, *-er* полисуффиксных субстантивных и адъективных deverбатов: *Schnodderigkeit/Schnoddrigheit* «наглость», *Quackler/Quackeler* «болтун», *spillrig/spillrig* «тощий»; из диминутивного суффикса *-el* южнонемецких существительных:

Streithansel/Streithansl «задира»; из префикса *ge-* южнонемецких суффиксально-префиксальных дериватов: *geföhrlig/gföhrlig* «скользкий (о снеге)», *Geschnas/Gschnas* «барахло»; из генитивного окончания первой основы атрибутивных сложных существительных: *Diebesgelichter/Diebsgelichter* «шайка, ворье». Варианты возникают также в результате отпадения конечного гласного *-e* отглагольных существительных среднего рода, образованных при помощи циркумфикса *ge-...-e*: *Geplärr/Geplärre* «хныканье». Анализ вариантной лексики выявил также и качественные колебания в пределах аффикса: *Kappes/Kappus* «чушь», *Kalfakter/Kalfaktor* «человек на побегушках», *Kledagel/Kledasche* «одежда, тряпки».

II. Морфологическая вариантность

К морфологическим вариантам относят случаи колебания грамматической формы слова при сохранении тождества морфемной структуры, а также тождества грамматического значения [4. С. 22]. Данные типы вариантов именуются так же, как грамматические [6. С. 46]. Иногда как подтип морфологических вариантов выделяют равнозначные однокоренные слова с разными словообразовательными морфемами и называют такие единицы словообразовательными вариантами [1. С. 214].

Словообразовательные варианты. Мы разделяем позицию, согласно которой условием идентификации вариантов является тождество морфемной структуры слова. Равнозначные или близкие по значению однокоренные слова с разными словообразовательными аффиксами классифицируются в соответствии с такой точкой зрения не как варианты, а как словообразовательные или однокоренные синонимы [7. С. 155–157]. Тем не менее, анализ равнозначных единиц с видоизменениями в формальной оболочке показывает, что принцип морфологического тождества не может быть возведен в абсолют и наблюдаются пограничные случаи между явлениями. По нашему мнению, в немецком языке как словообразовательные варианты могут рассматриваться модификации сложных слов, связанные с качественным и количественным варьированием интерфиксов как семантически пустых элементов: *der Hundslеben/Hundeleben* «жалкое существование», *hundemüde/hundsmüde* «усталый как собака», *der Katzбuckel/Katzenbuckel* «лстливое поведение». К вариантности, возникающей в процессе словообразования, примыкают также случаи с колебанием опре-

деляющей основы между единственным и множественным числом при условии сохранения тождества слова, например *Lauseforke/Läuseforke* «расческа». Однако подобные модификации относятся к периферии вариантности слова, поскольку употребление определяющей основы в единственном или множественном числе характеризуется, как правило, семантическими расхождениями.

Грамматические варианты. Вариантность грамматических форм в соответствии с их образованием в немецком языке может быть аналитического и синтетического типа. Вариантность грамматических форм выявлена среди существительных и глаголов. Рассмотрим специфику вариантности в данных классах слов.

1. Грамматические колебания существительных проявляются в варьировании родовой принадлежности, а также в словоизменении, а именно в варьировании парадигм сильного и слабого склонения, в колебании форм генитива, в образовании форм множественного числа.

Колебания грамматического рода обнаруживаются среди единиц самой разной структуры и семантики, а также разного генезиса. Наиболее многочисленную группу единиц с колебанием грамматического рода составляют существительные с варьированием между мужским и средним родом. В данную группу входят единицы, образованные разговорно маркированными способами или средствами словообразования: суффиксальные дериваты с диминутивными суффиксами *-erl*, *-el*: *der/das Damerl* «дурак», *das/der Krispindel* «тощий человек», лексические редупликации: *der/das Fickfack* «уловка, отговорка», *der/das Klimbim* «весёлая возня; безделушки», сдвиги *der/das Verstehstemich* «смекалка», звукоподражательные существительные *der/das Puff* «бордель», *der/das Rums* «грохот». В группе вариантов с колебанием между мужским/женским родом обнаруживаются единицы, противопоставленные в начальной форме не только аналитически, то есть с помощью артикля: *der Flunsch/die Flunsch* «надутое лицо», но и посредством словообразовательных суффиксов, которые также являются показателями родовой принадлежности: *die Latsche/der Latschen* «домашняя туфля», *der Schneid/(ю.-нем., австр.) die Schneide* «удаль», *der Nasenquetscher/die Nasenquetsche* «гроб с плоской крышкой». Немногочисленные вариантные пары с колебанием между женским и средним родом составляют

слова-усечения: *die/das Limo* «лимонад», *die/das Reprö* «репродукция», слова с диминутивными суффиксами, служащие для номинации лиц женского пола: *die/das Püppi* «малышка», *das/die Sexerle* «женщина».

Подчеркнем, что в каждой группе вариантов с неустойчивой родовой принадлежностью существуют варианты пары или ряды, не подлежащие определенной систематизации, особенно если речь идет об иноязычных единицах. Наибольшее количество заимствований наблюдается в группе вариантов с колебаниями между мужским и средним родом.

Вариантные формы с варьированием между парадигмами сильного и слабого склонения представляют существительные мужского рода. Нередко форма слабого склонения является устаревающей или регионально маркированной: *der Protz – des Protzes* / (уст.) *Protzen – die Protze* / (уст.) *Protzen* «хвастун», *der Fex – des Fexes* / (ю.-нем., австр.) *Fexen – die Fexe* / (ю.-нем., австр.) *Fexen* «дурак, шут».

Следующий тип грамматической вариантности существительных заключается в колебаниях формы генитива единственного числа. Вариантные пары данного типа составляют существительные сильного склонения мужского и среднего рода, противопоставленные по наличию/отсутствию генитивной флексии *-(e)s*. Колебаниями формы генитива отмечены многочисленные заимствованные слова: *das Okay – des Okay/Okays* «согласие», *der Newbie – des Newbie/Newbies* «чайник (о начинающем пользователе)», также заимствованные и автохтонные единицы с определенной структурной спецификой: сокращенные слова: *der G.I. – des G.I./G.I.s* «американский солдат»; сдвиги: *der Mochtegern – des Mochtegers/Mochtegern* «хвастун», *der Nimmersatt – des Nimmersatt/Nimmersattes* «обжора»; звукоподражательные существительные *das Tatütata – des Tatütata/Tatütatas* «звук сирены пожарной машины, полиции», редупликации: *der Krimskrams – des Krimskrams/Krimskrams* «хлам; безделушки»; усеченные слова на *-i, -o*: *der Ami – des Ami/Amis* «американец», *der Anarcho – des Anarcho/Anarchos* «анархист».

Варьирование форм множественного числа заключается в колебаниях между суффиксальными формами: *das Malheur – die Malheure/Malheurs* «неприятность», *der Schmock – die Schmöcke/Schmocke/Schmocks* «беспринципный журналист», *der Depp – die Deppen/Depp* «дурак», *der Medikus – die Medikusse/Medizi*

«эскулап», *der Topp – die Toppe/Toppen/Topps* «галерка (в театре)»; суффиксальными и бессуффиксными формами: *das Hascherl – die Hascherl/Hascherln* «глупый человек; бедняжка», *die Schoko – die Schoko/Schokos* «шоколад», *der Lokus – die Lokus/Lokusse* «туалет»; умляутированными/неумляутированными корневыми гласными: *der Knast – die Knäste/Knaste* «тюрьма».

2. Колебаниям при образовании глагольных форм в немецком языке может быть подвержен аналитический компонент или синтетическое формообразующее средство. К колебаниям аналитического типа относится возможное употребление в южнонемецком ареале глагола *danebenliegen* «ошибаться» в форме перфекта или плюсквамперфекта не только со вспомогательным глаголом *haben*, но и с глаголом *sein*.

Вариантность грамматических форм глагола может быть связана с таким свойством составных немецких глаголов, как отделимость первой основы. Отделимость/неотделимость наречного компонента связана с семантикой глагольной единицы, поэтому о таких колебаниях формы глагола, не влекущих за собой изменения значения, по отношению к исконным или полностью освоенным глаголам говорить практически не приходится. Тем не менее, анализ форм и значений составных немецких глаголов выявил случаи возможного употребления форм трех немецких глаголов *durchkramen* «обшарить», *durchschnüffeln* «обшарить», *durchschmökern* «зачитать до дыр» как с отделяемой, так и с неотделяемой наречной частью *durch-*: *‘durchkramen/durch‘kramen – er durchkramte/er kramte durch*.

Вариантную пару, члены которой противопоставлены по наличию/отсутствию префикса *ge-*, образуют формы причастия II заимствованной единицы *roboten* «вкалывать (о работе)» – *er hat gerobotet/robotet*. Аналогичные колебания, не зафиксированные в лексикографических источниках, но выявленные при анализе корпусных данных, обнаруживаются в многочисленных неологических англоязычных префиксальных или составных глаголах: *remixen* «делать ремикс» – *remixt/geremixt/geremixet*, *supporten* «оказывать поддержку» – *supportet/gesupportet*. В процессе интеграции англоязычных глагольных неологизмов в грамматический строй немецкого языка вариантность глагольных форм проявляется также в колебаниях между немецким/английским формообразующим суффиксом причастия II или пере-

ходной гибридной формы суффикса: *bloggen* «сделать запись в блоге» – *gebloggt/geblogget/geblogged*; в позиции префикса в причастии II составных глаголов: *brainstormen* «проводить мозговой штурм» – *gebrainstormed/gebrainstormt/braingestormet/braingestormed*; в отделяемости/неотделяемости первой основы составных глаголов в формах презенса, претерита, причастия II, в зависимом инфинитиве с частицей: *babysitten* «присматривать за ребенком» – *ich babysitte / sitte baby, ich habe babygesittet/gebabysittet, ich habe mit 13 Jahren angefangen babysusitten / zu babysitten*.

III. Орфографическая вариантность

Орфографические варианты характеризуются различиями в написании, но совпадением в произношении. Анализ письменной формы вариантных единиц позволил распределить выявленные орфографические варианты по трем следующим группам.

Во-первых, выделяются варианты слова с разным графемным составом. Вариантные пары, а в некоторых случаях и ряды, образуют единицы, в которых один и тот же звук передается монографемой или диграфом: *Posemuckel/Posemukel* «глухомань», *trietzen/triezen* «мучить (на экзамене)», *dun/duhn* «пьяный». Существуют варианты, в которых сочетание звуков [ks] передается монографемой *x* или сочетаниями графем *chs, cks*: *Flachs/Flax* «шутка», *verknacksen/verknaxen* «посадить в тюрьму». В словах иноязычного происхождения различия в написании могут быть обусловлены заменой букв в процессе графической ассимиляции: *abturnen/abtörnen* «испортить настроение», *Teenie/Teeny* «подросток», *schanghaien/shanghaien* «(обманом) уговаривать», *bezirzen/becircen* «обольщать, околдовывать». Разным графемным составом характеризуются количественные варианты с кратким корневым гласным, противопоставленные по наличию/отсутствию удвоенных корневых согласных: *aufspeppen/aufprepen* «придать изюминку, оживить», *Trabbi/Trabi* «трабант (марка автомобиля)». Удвоенное согласное служит здесь графическим показателем краткости предшествующего корневого гласного.

Вторую группу орфографических вариантов составляют единицы с колебаниями между прописными и строчными буквами: *Bufdi/BuF-Di* «волонтер федеральной волонтерской службы», *o.k./O.K.* «окей».

Наконец, третью группу орфографических вариантов представляют разноструктурные

сложные единицы, в основном англоязычные существительные, различающиеся слитным/дефисным написанием: *Couchkartoffel/Couch-Kartoffel* «малоподвижный человек, проводящий все свободное время перед телевизором», *Jobhopper/Job-Hopper* «летун», *Hangover/Hang-over* «похмелье», *Fresssack/Fress-Sack* «обжора»; слитным/раздельным написанием: *Hotspot/Hot Spot* «горячая точка», *ballaballa/balla balla* «чокнутый, ненормальный».

В результате анализа рассмотренных выше типов вариантности разговорных немецких слов можно сделать следующие наблюдения.

Вариантность в немецком обиходно-разговорном языке затрагивает такие классы слов, как существительные, прилагательные, глаголы и междометия, в значительно меньшей мере – наречия. Коллоквиальные существительные представлены во всех типах формального варьирования. Для прилагательных, наречий и глаголов свойственны все виды фонетической вариантности. Глаголы, кроме того, обнаруживают варианты свойства при образовании грамматических форм. Междометия отмечены акцентными и фонематическими колебаниями. Орфографическим варьированием характеризуются существительные, прилагательные, глаголы, междометия.

Наблюдается взаимосвязь между разговорно маркированными способами (средствами) словообразования и колебаниями в материальной оболочке слова. Так, среди акцентных и грамматических вариантов, а в последнем случае иногда одновременно по нескольким признакам, встречаются редупликации, слова звукоподражательной природы, усечения, сложные слова.

Вариантную разговорную лексику представляют и исконные и иноязычные единицы, как освоенные, так и неассимилированные. Исконная, а также освоенная иноязычная лексика характеризуется, прежде всего, фонематическими колебаниями. Фонематические колебания в корневых морфемах обусловлены неравномерным протеканием на разных территориях немецкоязычного языкового пространства исторических фонематических процессов развития немецкого языка: передвижения согласных, палатальной перегласовки, аффрикации, дифтонгизации, монофтонгизации и др. Неосвоенные иноязычные единицы с разной степенью ассимиляции отмечены орфоэпическими, акцентными, морфологическими колебаниями, нередко сразу по нескольким

показателям. Комбинация признаков вариантности особенно характерна для неологических заимствований. Связано это с неравномерностью протекания ассимилятивных процессов, возникновением промежуточных, гибридных форм, обусловленных сохранением в заимствованных словах определенных свойств слов-этимонов и одновременным влиянием немецкой языковой системы.

В заключение следует отметить, что единицы, образующие варианты пары или ряды, не обязательно являются равноправными, и, таким образом, взаимозаменяемыми. Неравноправные варианты единицы могут быть хронологически или территориально дифференцированными, отличаться по частотности употребления, эмоционально-экспрессивной окраске, степени близости к общелитературной норме. Все эти свойства вариантов свидетельствуют о том, что вариантность слова не является избыточной, а, напротив, выступает одним из факторов разнообразия средств языкового выражения.

Список литературы

1. Ахманова, О. С. *Очерки по общей и русской лексикологии*. 3-е изд. М., 2009. 296 с
2. Богословская, З. М. О разных уровнях и ступенях анализа формальных вариантов слова // *Вестн. Томс. гос. ун-та*. 2007. № 296. С. 21–
- 23.
3. Девкин, В. Д. *Немецко-русский словарь разговорной лексики : свыше 12000 слов*. М., 1994. 768 с.
4. Горбачевич, К. С. *Вариантность слова и языковая норма: на материале современного русского языка / отв. ред. Ф. П. Филин*. 2-е изд. М., 2009. 240 с.
5. Лобанова, И. В. *Акцентные нормы современного немецкого языка: проблемы вариантности* // *Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова*. 2010. Т. 16, № 4. С. 127–131.
6. Маринова, Е. В. *Теория заимствования в основных понятиях и терминах : слов.-справ.* М., 2013. 240 с.
7. Рогожникова, Р. П. *Соотношение вариантов слов, однокоренных слов и синонимов* // *Лексическая синонимия : сб. ст. / отв. ред. С. Г. Бархударов*. М., 1967. С. 151–163.
8. *Deutsches Referenzkorpus* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ids-mannheim.de/cosmas2/>
9. Duden – *Das große Wörterbuch der deutschen Sprache*. 4. Aufl. Mannheim, 2012 (CD-ROM)
10. Krech, E.-M., Stock, E., Hirschfeld, U., Anders, L. U. *Deutsches Aussprachewörterbuch*. Berlin – N.-Y., 2009. 1080 S.
11. *Projekt Deutscher Wortschatz* [Электронный ресурс]. URL: <http://wortschatz.uni-leipzig.de>.

В. С. Севастьянова

ОБРАЗЫ ДВИЖЕНИЯ И НЕПОДВИЖНОСТИ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА НЕМЕЦКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ (Новалис, Ф. Гёльдерлин)

Исследуются образы движения и неподвижности в языковой картине мира, созданной поэтами немецкого романтизма. Обращаясь к текстам Новалиса и Ф. Гёльдерлина, автор раскрывает особенности романтических представлений о движении и его окончании, о конечной цели пути лирических героев; анализирует взаимосвязи кризисного сознания и художественных построений.

Ключевые слова: немецкий романтизм, языковая картина мира, Новалис, Гёльдерлин, движение, неподвижность.

Постоянное движение от одного полюса художественной реальности к другому является формой жизни героев немецкой романтической поэзии. Не случайно «путь», «странник», «движение» являются у романтиков одними из наиболее часто употребляемых слов-символов¹. Так, в своих конспектах к «Наукоучению» Фихте один из основателей первой романтической школы Новалис пишет: «Налицо два опосредованных Я – мыслимое и чувствуемое. Абсолютное Я движется от бесконечного к конечному, опосредованное от конечного к бесконечному»². И даже собственный стиль поэтического философствования Новалис характеризует как «эластичный», подразумевая «непрерывное движение туда-сюда от явлений к принципам и наоборот».

Характерное для раннеромантического мировоззрения представление о мире как о бесконечном становлении из первоначально потенциального состояния в актуальное демонстрирует и следующая мысль Ф. Шлегеля: «Бытия неподвижного и законченного не существует: все движется, все изменяется, и каждый конечный предмет внутри себя заключает такое же бесконечное существование, а то, что представляется конечным и неподвижным бытием, есть только граница бесконечного процесса становления»³.

Движение лежит в основе поэтической картины мира, созданной Ф. Гёльдерлином⁴. В стихотворении „Der Wanderer“ («Странник») речь идет о полюсах, которые лирический герой ощущает в собственной душе, и о движении сознания внутри этой раздвоенной реальности:

Одинокий, я стоял и смотрел на африканские пустынные

Равнины; с Олимпа лил огненный дождь.

Вдали простирались осколки гор, напоминающие живые мощи,

Пустые, одинокие и голые виднелись их вершины...

Побывал я и на ледяном полюсе; подобно оцепенелому хаосу,

Вздыхало ввысь море.

Скованная мертвой снежной оболочкой спала жизнь;

И ледяной сон напрасно ожидал своего дня...

Я успел состариться, ледяной полюс побелил мою голову,

И под солнцем юга выпали мои кудри⁵.

Еще более определенно раздвоенность «я» и мира и метания между образовавшимися частями обозначаются в наброске к этому стихотворению: «Во мне юг и север. Меня жжет египетское лето./ И зима полюса убивает во мне жизнь» („Süd und Nord ist in mir. Mich erhitzt der ägyptische Sommer./ Und der Winter des Pols tötet das Leben in mir“)⁶. Как безжизненные пустыни и жаркое солнце «юга», так и льды и снега «севера» – это силы, которые одновременно притягивают и отталкивают, заставляя совершать непрекращающееся движение в поисках если не абсолютной истины, то хотя бы того, что могло бы утешить в качестве истины относительной.

При этом в отличие от позитивно оцениваемой бесконечности идеального мира, к которому стремится романтический герой (у Гёльдерлина это далекая «счастливая родина», у Новалиса – мир «ночи»), бесконечность пути рассматривается преимущественно как явление негативное⁷. Так, у Гёльдерлина звучит мотив бессмысленности, бесцельности пути:

А нам нет приюта
 Никогда и нигде
 Исчезают и падают
 Страдающие люди.
 Всегда вслепую
 С часу на час,
 Как падают воды
 С камня на камень,
 Из года в год,
 Вниз,
 В неизвестность⁸.

Бесприютность превращает странника в скитальца, причем состояние скитания становится навязчивым и утомительным⁹. Ощущение томительной предопределенности одного и того же пути создается благодаря повторению составленных на нем пространственно-временных указателей «с часу на час», «из года в год». Кроме того, сочетание глаголов «исчезать» и «падать» указывают на характер «пути» как «движения вниз» («...падают люди/ ...Вниз, в неизвестность»).

В качестве альтернативы такому движению в построениях поэта возникает идея завершения пути, спокойствия, которое может избавить от страданий:

... И я бы хотел вернуться на родину;
 Но что я, кроме страдания, насобирал?

Вы, дорогие берега, которые меня воспитали,

Уймете вы страдания любви? ах! вернете мне,

Вы, леса моего детства, когда я
 Вернусь, бывшее спокойствие?¹⁰

И если в данном фрагменте речь идет пока еще просто о том, что покой является более ценным, чем движение, неспособное привести к желанному результату, то уже в стихотворении „Huerions Schicksalslied“ («Гиперионова песнь судьбы») поэт он создает картину полной неподвижности, которая оказывается подлинной целью странствия:

Победившие судьбу, как спящий
 Младенец, дышат Божественные;
 Сохранив целомудрие
 В нераскрывшемся бутоне,
 Вечно цветет их дух,
 И блаженные глаза
 Смотрят в тихой
 Вечной чистоте⁸.

Именно отсутствие движения (и сон как его воплощение) становится желанным для человека состоянием. С ним связываются такие мотивы и образы, как преодоление судьбы, веч-

ная чистота, тишина, отсутствие страдания, то есть все то, что его герой хотел бы найти на своей далекой родине¹¹.

Казалось бы, принципиально иной вид странствия мы встречаем в «Гимнах ночи» Новалиса, где в центре символики движения находится путь вверх:

Hinüber wall ich,	Вверх ведет путь
Und jede Pein	пилигрима,
Wird einst ein Stachel	И всякая печаль
Der Wollust sein...	Станет однажды
Unendliches Leben	Сладким жалом...
Wogt mächtig in mir	Бесконечная жизнь
Ich schaue von oben	Бушует во мне
Herunter nach dir.	Я смотрю сверху
An jenem Hügel	Вниз на тебя
Verlischt dein Glanz -	На той вершине
Ein Schatten bringet	Угаснет сияние -
Den kühlenden Kranz ¹² .	Тень дарует
	Прохладный венец.

На первый взгляд, в данном фрагменте создаются образы восходящего на некую вершину паломника и обретаемой на этой вершине бесконечной жизни, уничтожающей печаль. Но если мы обратим внимание на выстраиваемую Новалисом оппозицию Свет – Ночь, выраженную через противопоставление сияния (Glanz) и тени (Schatten), то увидим: вверху сияние теряет свой блеск, поглощается тенью. Таким образом, путь странника не просто ведет вверх, от «света» к «ночи», но и обещает освобождение от вечного возвращения в дневной мир – то есть освобождение от движения: «... кто стоял наверху, на пограничной вершине мира, и видел новую страну, обитель Ночи – поистине тот не вернется назад, в страну, где в вечном смятении господствует Свет»¹³. Причем если сначала речь идет только о нежелании совершать движение – участвовать в «злосчастных» дневных хлопотах («Неужели утро всегда будет наступать? Неужели никогда не закончится власть земного?»), то далее говорится о благотворном ощущении конца этих хлопот: «Теперь я знаю, когда наступит последнее утро, когда Свет не спугнет больше Ночь и Любовь, когда дремота станет вечной и превратится в Неисчерпаемый Сон... В себе ощущаю я конец твоего движения»¹³.

Окончание круговращения (конец движения) превращается для лирического героя в цель пути, поэтому не удивительно, что главным признаком проникновения в ночной мир становится остановка хода времени («Земная

судьба завершилась/ Блаженным мгновением преображения./ Время потеряло свои права...») и упразднение пространства («Нет пространства и времени в царстве Ночи»), ведь вне времени и пространства не существует никакого движения. «Засыпание навечно» (Ein unerschöpflicher Traum) Новалис превращает в своеобразную кульминацию пути на вершину: «Пилигрим на вершине возводит свой приют, приют умиротворения, ... смотрит ввысь, пока самый долгожданный час не унесет его вглубь источника»¹³. «Засыпание» ассоциируется не только с погружением, но также и с растворением, исчезновением в потоке: «... все земное всплывет, вихрем гонимое вспять, но то, что было освящено прикосновением любви, течет, растворяясь, сокровенными потоками в потустороннее царство и смешивается с уснувшими любимыми». Являясь заключительным этапом «пути» в поэтическом мире Новалиса, этот мистический акт наделяется абсолютной позитивной ценностью (с ним у Новалиса связаны мотивы просветления, освобождения от земной судьбы, нового рождения), а также магической силой преображения, когда «все, что раньше казалось повседневным, является теперь таким чуждым и чудесным».

И созданный Гёльдерлином образ неподвижного («спящего») Божества, и новалисовский «сокровенный поток», текущий в потустороннее царство говорят об одном и том же. Как погружение в сон, исчезновение в бездне, так и растворение в потустороннем означают полное отчуждение от всего обыденного и трансформацию земного и мгновенного в вечное. И в этом смысле они вполне могут рассматриваться в качестве поэтической реализации известного положения Новалиса о необходимости «романтизации» мира¹⁴. «Романтизируя», то есть «сообщая обыденному высокий смысл, известному – достоинство неизвестного, конечному – видимость бесконечного», поэт тем самым как бы трансформирует их в свою противоположность, перемещает обыденное, известное и конечное на иной онтологический уровень.

Для «певца Ночи» Новалиса главным объектом, который следовало подвергнуть такой метаморфозе, явился дневной мир – «свет» так же, как и основной атрибут последнего – движение. Ведь свет когда-то был частью ночи, произошел от нее, но затем «восстал» и попытался соперничать со своей «матерью». Скорбящий по поводу «отпадения света» поэт

предчувствует и предрекает его возвращение в первоначальное положение: «В себе ощущаю твой конец – небесную свободу, блаженный возврат. Однажды твои часы покажут конец времени, когда ты станешь одним из нас, погаснешь и умрешь»¹².

Как видим, средством ожидаемого перевоплощения становится необратимая трансформация – смерть. Помещая цель пути за границы земного бытия (в мир Ночи), поэт видит в смерти своеобразное увенчание всего пути: «<...> ибо всякий новый путь ведет сквозь новые земли, и всякий, в конце концов, приводит вот к этим жилищам, к этой нашей священной родине. Так и я готов описать предначертанный мне круг, и если ни одному смертному <...> не дано приподнять покрывала Изиды, мы должны постараться стать бессмертными. <...> Высочайшего существа человек делается достойным лишь через смерть»¹⁵. Если для познания «тайны мира» недостаточно быть простым смертным, то надо постараться стать бессмертным, рассуждает Новалис. В этом смысле смерть у него является самым эффективным средством романтизации: только она может окончательно перевоплотить обыденное и преходящее в таинственное и вечное – она превращает движение в полный покой, дремоту (Schlummer) в Неиссякаемый Сон (Ein Unerschöpflicher Traum), **земную любовь – в небесную**.

Именно момент перевоплощения и освобождения предчувствует и воспевает странник Новалиса в своем пути на вершину:

Я чувствую обновляющий
Поток смерти.
В бальзам и эфир
Превращается моя кровь –
Я живу днем,
Полный веры и мужества,
И умираю ночью
В священном пламени¹⁶.

Выстраивая оппозицию «жизнь – смерть», дополняющую противопоставление «свет – ночь», Новалис ставит смерть настолько же выше жизни, насколько «ночь» у него выше «света»: «Разве может жизнь предложить такое блаженство и такое наслаждение, которые могли бы перевесить восторги смерти?» – вопрошает он в «Гимнах к Ночи». И если смерть «поднимает», превращая кровь «в бальзам и эфир», то есть перевоплощает тело в его противоположность, человека – в дух, то жизнь низводит свободный дух в человеческое тело

(«Наверное, и на том свете есть смерть, тогда результат ее – земная жизнь» – пишет Новалис в своих «Афоризмах и фрагментах»).

Таким образом, в романтической картине мира одновременно присутствуют образы движения и неподвижности, мотив смерти как возможности избавиться от утомительного бесконечного пути, с одной стороны, а с другой – стремление через умирание конечному придать статус бесконечного, то есть попытка удержать то, что обречено на исчезновение в небытии.

Примечания

¹ Слободнюк, С. Л. К вопросу о возможности словаря архетипов кризисного сознания: «свобода», «право», «закон» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 24. С. 786.

² Novalis. Schriften. Die Werke Friedrich von Gardenberg. Bd. 2. Stuttgart, 1960–1975. S. 126.

³ Schlegel, Fr. Philosophische Vorlesungen. Zur Theorie des Bewusstseins. München, 1975. S. 19.

⁴ Севастьянова, В. С. Архетипика романтического двоемирия в поэтике русского символизма : дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2004. С. 70.

⁵ Hölderlin, F. Sämtliche Werke und Briefe. 1. Band. Berlin–Weimar, 1970. S. 310.

⁶ Там же. S. 305.

⁷ Севастьянова, В. С. Модель мира в русской литературе 1900–1920-х гг. (В. Брюсов, Е. Замятин) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 1. С. 281.

⁸ Hölderlin, F. Sämtliche Werke und Briefe... S. 331.

⁹ Боровкова, Н. В. Проблема человека в художественной историософии М. Горького и Т. Манна : дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2006. С. 82.

¹⁰ Hölderlin, F. Sämtliche Werke und Briefe... S. 324.

¹¹ См.: Севастьянова, В. С. Модель мира в романтическом и модернистском дискурсах // Sworld : сб. науч. тр. 2013. Т. 28, № 3. С. 25–30.

¹² Novalis. Schriften... S. 95.

¹³ Novalis. Schriften... S. 94.

¹⁴ «Мир должен быть романтизирован. Так только можно помочь ему вновь обрести изначальный смысл», – говорится в «Афоризмах и фрагментах» (Новалис. Афоризмы и фрагменты // Шульц, Г. Новалис. Челябинск, 1998. С. 147).

¹⁵ Novalis. Werke / Hrsg. Von G. Schulz. München, 1981. 2. Auflage. S. 98.

¹⁶ Novalis. Schriften... S. 96.

И. В. Сергодеев

ОПИСАНИЕ КОНСТИТУТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА В СООТВЕТСТВИИ С ОСНОВНЫМИ ПРИНЦИПАМИ СИНЕРГЕТИКИ (на примере поэмы Джеймса Дугласа Моррисона “The Lords”)

Описывается функция автора при написании текста. Приводится краткое описание понятия «семиосфера». Описываются конститутивные признаки поэтического текста с позиций синергетики. Дается определение понятия «поэтический текст».

Ключевые слова: поэтический текст, самоорганизация, семиосфера, синергетика.

Дж. Моррисон в своем творчестве разрушает привычное представление о художественном или поэтическом тексте и его авторе. О его поэзии следует говорить скорее с точки зрения синергетической трактовки постмодернистского художественного дискурса, чем с позиций литературоведения. Синергетика в нашем случае описывает построение сложной нелинейной художественной системы, которая имеет свойство самоорганизации. Автор при написании текста кодирует в нем исходное сообщение, однако структура произведения такова, что способна передать читателю принципиально новую информацию, отличную от первоначального послания. В этом случае текст является множеством перекликающихся между собой сообщений, а автор выступает скорее проводником между этими сообщениями, чем «монологическим автором, владеющим высшей истиной» [Цит. по: 1. С. 19].

Такое преобразование смыслов текста возникает из идеи семиосферы, введенной Ю. М. Лотманом. Семиосфера является «синхронным семиотическим пространством, заполняющим границы культуры, будучи одновременно и условием работы отдельных семиотических структур и их порождением» [2. С. 252]. Условия системы (текста), при которых она способна производить новую информацию, следующие: «Участники должны быть не изоморфны друг другу, но порознь изоморфны третьему элементу более высокого уровня, в систему которого они входят» [2. С. 251]. Для иллюстрации этого положения Ю. М. Лотман приводит следующий пример: «словесный и иконический язык не изоморфны друг другу, но каждый из них изоморфен внесемиотическому миру реальности, отображением которого на некоторый язык они являются» [2. С. 251].

На данном этапе ограничимся этим кратким описанием семиосферы и попытаемся описать конститутивные признаки поэтического текста, взяв за основу описание конститутивных признаков постмодернистского дискурса в соответствии с основными принципами синергетики. Данное описание предлагает Н. С. Олизько в своей докторской диссертации [3. С. 45].

Поэтический текст является сложной многослойной структурой, даже для частичного понимания которой, необходим соответствующий набор знаний. Таким образом, текст предстает некоторым набором «шарад», разгадка которых зависит не только и совсем не от понимания начального закодированного сообщения, а от подготовленности реципиента, его эрудированности.

Separate, purify, reunite. The formula of *Ars Magna*, and its heir, *the cinema* [4. С. 34].

Раздели, очисти, соедини вновь. Это формула *Ars Magna* и его наследника, кино.

Для частичной расшифровки данного фрагмента необходимо уточнить, что означает “*Ars Magna*”. Буквальное значение данного словосочетания переводится с латинского языка средневековой эпохи как великое искусство (*great art*). Также “*Ars Magna*” является названием логического метода каталанского миссионера, поэта, философа и теолога Раймунда Луллия (1235–1315) и мистического трактата-поэмы литовского поэта и дипломата Оскара Милоша (1877–1939). Формула «раздели, очисти, соедини вновь (*separate, purify, reunite*)» отсылает нас к еще одному великому искусству (работе, деланию) *Magnum Opus*. В алхимии данным термином называется процесс получения философского камня. Таким образом, речь идет о процессах, связанных с алхимией, или о самой алхимии. Из приведенного нами примера следует, что эта формула является фор-

мулой наследника *Ars Magna* (алхимии), то есть кино. Отметим, что автор не только утверждает, что кино произошло от алхимии: “Alchemy is an erotic science; Alchemists... can picture love affairs of chemicals and stars, a romance of stones, or the fertility of fire; cinema returns us to anima, religion of matter, which gives each thing its special divinity and sees gods in all things and beings” [4. С. 36]; но предлагает реципиенту самому определить некоторые свойства и особенности кино при помощи трудов Р. Луллия и О. Милоша. Попробуем привести некоторые из множества возможных вариантов: Р. Луллий называет *Ars Magna* такой логический метод или искусство, при помощи которого на основе общих понятий можно вывести «всякие истины» (описание дано предельно кратко, без объяснений логической машины в виде бумажных цветов и пр.) [5]. Другими словами, применительно к нашему примеру, мы можем взять 2 или более фотографии и, быстро чередуя их, получить иллюзию движения. О. Милош в своем трактате “*Ars Magna*” приводит философские размышления на тему пространства, времени, материи, но в большей степени движения [6], которое и является основной идеей кино. Принимая во внимание все выше сказанное, можно также сделать и другой вывод: автор не знал о Р. Луллии и О. Милоше, он говорил только об алхимии, а соответствия между текстом и значениями *Ars Magna* не более чем случайность. Однако результаты анализа данного отрывка от этого не изменятся.

Вышеизложенное означает, что поэтический текст может быть свободно интерпретирован. Возникновение множества смысловых слоев обусловлено тем, что текст в определенной стадии своего становления становится самоорганизующейся системой: «текст начинает отличаться от самого себя, выходя за пределы собственной системы ценностей, становясь неопределимым с точки зрения своей явной системы смыслов» [Цит. по: 3. С. 187]. Такая самоорганизующаяся система является нелинейной и детерминированной (динамической). Она образует сложное единство хаоса и порядка, что и делает систему нелинейной (согласно теории самоорганизации). Это единство приводит упорядоченные линейные системы к саморазрушению. Хаос повествования не мешает коммуникативной функции произведения, так как автор намеренно моделирует необходимую коммуникативную ситуацию, настраивает реципиента на нужную волну, что и приводит к самоорганизации текста.

Поэтическому (художественному) тексту присуща иерархическая структура. Если попытаться описать текст по типу «мега, макро, микро», то в роли наивысшего уровня будет выступать системообразующий концепт произведения, в роли среднего уровня авторский замысел, а в роли низшего – интертекстуальные включения. Следует отметить, что данная иерархическая структура является динамической. Понимание этого позволяет приблизиться к более полному пониманию многоуровневых смыслов текста и его самоорганизации. Изменение системообразующего концепта произведения приводит к неустойчивости системы на уровне авторского замысла. В результате наблюдается перестройка структуры этого уровня. В так называемой точке бифуркации (критическое состояние системы, при котором система становится неустойчивой и возникает неопределенность: станет ли система хаотической или перейдет на более высокий уровень упорядоченности) уровень авторского замысла исчезает, и происходит контакт системообразующего концепта с интертекстуальными включениями. В результате такого контакта возникает качественно новый уровень авторского замысла. Попытаемся проиллюстрировать выше сказанное.

Kynaston's Bride

may not appear
but the odor of her flesh
is never very far [4. С. 28]
Невеста Кинастона
может, и не появится,
но благоухание ее плоти
всегда близко.

Для того чтобы проанализировать данный пример, рассмотрим его иерархическую структуру. Системообразующим концептом произведения является “cinema (кино)”, так как этот отрывок взят из поэмы Дж. Моррисона “*The Lords*”, посвященной истории развития кино. Авторский замысел данного отрывка – это интрига, заключающаяся в том, что актриса “*Kynaston's Bride* (Невеста Кинастона)”, “may not appear (может не появиться)” на экране, на сцене и так далее. Интертекстуальное включение данного отрывка – это упоминание “*Kynaston's Bride* (Невеста Кинастона)”. Эдвард Кинастон – актер театра XVII в., игравший на сцене женские роли. Таким образом, *Kynaston's Bride* скорее является ролью невесты, которую сыграл Кинастон, чем реальным человеком (еще одно указание на это – написание слова “*Bride*” с заглавной буквы).

Как было отмечено выше, возникает новый уровень авторского замысла через контакт системообразующего концепта с интертекстуальными включениями. Таким образом, сопоставляем «кино» с Невестой Кинастона, после чего читаем строчки “but the odor of her flesh is never very far”. Новый уровень авторского замысла заключается в следующем. Женщинам до Реставрации было запрещено появляться на подмостках, но в 1660-х гг. этот запрет был снят. Одной из последних женских ролей стала роль Кинастона. Он сыграл Эвадну в «Трагедии девушки» Бомона и Флетчера, поставленной в 1661 г. Следовательно, эти строчки могут быть интерпретированы так: «благоухание ее плоти всегда близко», так как Невеста Кинастона – это собирательный образ женщины в театре и кино, принятый современным обществом, хотя изначально в театре могли играть только мужчины. Чтобы почувствовать «ее» благоухание, достаточно просто посетить театральное действо или сходить на киносеанс.

Поэтический текст является открытой структурой. Автор предлагает реципиенту готовый продукт, который несет некоторое сообщение. Однако одна и та же идея может быть понята по-разному в зависимости от личного опыта каждого реципиента. Таким образом, такая открытость позволяет категории интертекстуальности превратить поэтический текст в многообразие текстов культуры, в котором традиционные произведения могут цитироваться в новом контексте.

Cinema is most totalitarian of the arts... Caligula wished a single neck for all subjects that he could behead a kingdom with one blow. Cinema is this transforming agent [4. С. 26].

Кино – самый тоталитарный вид искусства... Калигула мечтал, чтобы у всех его подданных была одна шея, чтобы он мог отсечь голову всей империи одним ударом. Кино – тот самый посредник, что способен к подобным перевоплощениям.

В данном отрывке можно выделить две линии описания: характеристика кино и желания Калигулы, которые в итоге становятся осуществимы. Дж. Моррисон дает резко негативную оценку кино и СМИ в целом: “Cinema is most totalitarian of the arts”. Подтверждение этого мы находим в других произведениях поэта и в его комментариях: “Whoever controls the media, controls the mind”. Параллельно с этой идеей автор вводит некоего Калигулу, что, вероятно, является аллюзией упоминанием Гая Юлия

Цезаря и его жажды власти. Калигула – прозвище римского императора [12]. Таким образом, мы видим, что знаменитые идеи Цезаря приобретают новый современный контекст и находят прямое воплощение, по мнению Дж. Моррисона, через кино и СМИ.

Подводя итог, попытаемся дать определение поэтическому тексту в рамках синергетической трактовки. Поэтический текст – это открытая нелинейная динамическая языковая система, имеющая иерархическую структуру, регулируемая незамкнутой совокупностью кодовых систем и графической упорядоченностью стихотворной формы.

Список литературы

1. Олизько, Н. С. Интертекстуальность постмодернистского художественного дискурса (на материале творчества Дж. Барта). Попытка семиотико-синергетического анализа. Челябинск, 2007. 158 с.
2. Лотман, Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000. 704 с.
3. Олизько, Н. С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе. Челябинск, 2009. 343 с.
4. Моррисон, Д. Д. Произведения Джима Моррисона. М., 2013. 528 с.
5. Кульматов, В. А. От «Ars magna» Р. Лулия к «Великой науке» Белобоцкого // Verbum. Вып. 5. Образы культуры и стили мышления: иберийский опыт. СПб., 2001. С. 217–240.
6. Гинтас М. О. В. Де Милош. Оскар [Электронный ресурс] // Митин журнал. URL: <http://kolonna.mitin.com/archive/mj04/milosh.shtml>.
7. Ильин, И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996. 251 с.
8. Постмодернизм. Энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. М., 2001. 1040 с.
9. Ильин, И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: Эволюция научного мифа. М., 1998. 255 с.
10. Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / пер. с фр. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М., 2000. 536 с.
11. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс] // Толковый словарь Ожегова онлайн. URL: <http://slovarozhegova.ru>.
12. Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / пер. М. Л. Гаспарова. М., 2011. 184 с.

ИНФОГРАФИКА КАК СРЕДСТВО ВИЗУАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В СМИ

Рассматриваются способы передачи экономической информации в журналистских материалах. Подчеркивается значимость такого приема, как инфографика. Перспективность данного приема отмечается на примере материалов РИА «Новости».

Ключевые слова: журналистика, медиа, инфографика, экономическая информация, РИА «Новости».

Изменения, произошедшие в последнее время в современном обществе, вызваны процессами глобализации. Под глобализацией мы понимаем процесс создания общемирового финансово-информационного пространства на базе компьютерных технологий, в котором экономическая информация занимает одно из ключевых мест. В связи с чем возрастает роль СМИ в распространении экономических знаний. Именно СМИ акцентируют внимание на ситуации в секторах экономики, информируют о наиболее значимых событиях рынка, раскрывают инвестиционно-экономический потенциал, освещают экономические преступления и так далее.

Вместе с изменениями в общественной жизни меняются и условия функционирования СМИ. Информационное общество, новая социальная среда способствуют разным вариантам развития журналистики. СМИ вынуждены лавировать между конформистским вариантом развития журналистики, предполагающим приспособление продукта журналистской деятельности к рыночным условиям: он должен быть популярен, должен выдерживать конкуренцию в Интернете [4] и между усилиями части медиасообщества сохранить высокую миссию журналистики, составляющую социальный смысл бытия представителей этой профессии. Необходимо отметить, что при реализации первого варианта развития СМИ есть опасность того, что способ профессиональной деятельности журналиста утратит свои основные характеристики, поскольку сама деятельность из сферы журналистики перейдет в сферу рекламы, пиар-деятельности, информационного бизнеса. Если же за журналистикой сохранится статус профессиональной деятельности высокой социальной ответственности, то сохранится способ деятельности как совокупность технологических приемов и нравствен-

но-этических регуляторов поведения журналиста. Лавируя между указанными вариантами развития, журналистика ищет новые формы и методы передачи информации. Подчеркивая значимость передачи потребителю информации экономических знаний, остановимся в настоящей статье на способах передачи средствами массовой информации экономической информации, именно это является основной целью нашей работы.

Экономическая информация чрезвычайно неоднородна и разнообразна. «Экономико-математический словарь» Л. И. Лопатникова дает следующее определение экономической информации: «информация об общественных процессах производства, обмена, распределения, накопления и потребления материальных и иных благ. Это те сведения, знания, которые извлекаются из экономических данных. Иначе говоря, данные сами по себе, пока они не представляют ценности для решения какой-либо задачи, не являются информацией» [5]. Классификации экономической информации и основания для типологий также достаточно разнообразны и многочисленны. Так, например, по назначению в процессе управления экономическая информация подразделяется на управляющую и осведомляющую; по ценности для принятия управленческого решения – на полезную, избыточную и ложную; по степени обработки и месту в информационном процессе – на первичную и производную; по характеру изменчивости – на постоянную, условно-постоянную и переменную. Рассматривая экономическую информацию как совокупность трех составляющих: продукт, товар, общественное благо, – И. Н. Демина отмечает, что если информация производится на частном медиапредприятии, то она является товаром, если же производителем является государственное медиапредприятие, то информация является

общественным благом. В этом случае потребитель экономической информации – аудитория, общественность, юридические и физические лица [3]. Для передачи экономической информации используются различные приемы. Мы выделяем следующие: цифры, тексты, инфографика. Точность той или иной информации невозможно передать без использования цифровых обозначений: «информационная функция СМИ “провоцирует” включение цифровых обозначений в журналистское сообщение» [7. С. 106]; несомненно, что «в журналистском тексте цифра зачастую красноречивее других фактов говорит о событиях повседневной жизни» [9. С. 128]. Таким образом, «цифровые обозначения – представленные с помощью цифр в тексте числительные» [9. С. 128] становятся неотъемлемой частью сообщения на экономическую тему. Здесь цифровая информация применяется в основном для передачи фактов из деятельности фондовых рынков. В электронных СМИ она сообщается в выпусках новостей бегущей строкой с индексами и котировками на биржах. Текстовая информация охватывает широкий спектр событий, она рассчитана на широкий круг потребителей. Распространенным способом является сочетание двух приемов (цифра и текст). Это связано с тем, что «символически нагруженные числа легко влекут за собой какой-либо оригинальный ход мысли, возможность сравнения, метафоры, предающей тексту неожиданность. <...> необходимо выделить такую важную функцию использования цифр в журналистских текстах, как риторическую (экспрессивно-эмоциональную). В этой связи цифровые обозначения рассматриваются как средство воздействия на читателя, как сильнейший “раздражитель внимания”» [10. С. 59]. И, наконец, третий способ передачи экономической информации – инфографика. Инфографика – «это альтернативный способ подачи информации, данных и знаний. Говоря об инфографике, подразумевают визуальное представление информации, данных и знаний. Это такие графики, в которых используется комплексная информация, необходимая для быстрого представления большого количества данных» [2. С. 69]. Графические изображения используются в ходе экономического анализа/при изучении определенных тенденций и чаще имеют вид динамических рядов. Графические изображения дают возможность на небольшой картинке показать большое количество показателей экономических про-

цессов. Например, на одном графике может содержаться информация о финансовом состоянии нескольких объектов рынка в сравнении с прошлыми годами и в сопоставлении между собой. Украинские ученые С. Н. Василишина и М. Б. Макаренко подчеркивают: «инфографика используется там, где необходимо показать структуру и алгоритм работы экономического объекта, уточнить соотношение явлений во времени и пространстве, продемонстрировать тенденции развития, использовать инструменты наглядности и противопоставления, организовать большие объемы данных, а также представить сложную информацию с минимальными затратами времени» [1. С. 113]. Следовательно, инфографика – это визуальное представление информации, данных или знаний в виде статических и динамических карт, схем, таблиц, диаграмм и так далее, с помощью которых сложное воспринимается как простое, а абстрактное конкретизируется. Состоящая из многочисленных информационно емких элементов, связанных между собой, инфографика представляет собой объект, обращенный к ассоциативному мышлению читателя или зрителя, его прошлому опыту, его знаниям и умениям. При этом человек, воспринимающий инфографическое сообщение, остается в достаточной мере свободным в выборе способов анализа материала, последовательности просматривания тех или иных фрагментов инфографики и так далее. Спектр применения инфографики предельно широк. Это география, медицина, социология, физика, химия, история, экономика и другие отрасли науки, требующие перевода информации с профессионального языка на универсальный, понятный и доступный широкой аудитории. Закономерно, что инфографика очень интенсивно развивается и в средствах массовой информации, где ее основу чаще всего составляет какое-либо событие (происшествие) или совокупность событий (данных), включающих большое количество однотипных сведений. Что касается федеральной общественно-политической прессы, то для нее сегодня характерно исключительное разнообразие целей и задач в использовании экономической информации. Экономическая информация может содержаться в сведениях о работе государственных органов, в парламентских репортажах, в сообщениях о деятельности культурных учреждений и спортивных организаций и т. п. Практически в каждом федеральном печатном издании есть

экономические рубрики или специализированные полосы, ориентированные на бизнес-информацию. Кроме того, некоторые общественно-политические издания имеют специальные приложения, посвященные актуальной экономической информации (например, приложение газеты «Ведомости» «Личные финансы») [6. С. 93–94]. В местной и региональной прессе экономической информации также уделяется значительное внимание, о чем свидетельствует наличие отдела экономики в редакции практически каждой крупной региональной газеты (например, «Челябинского рабочего», «Вечернего Челябинска» и др.). В ряде регионов выпускаются издания, адресованные местной бизнес-среде (например, «Эксперт Урал»).

И. Н. Дёмина объединяет экономические вопросы, освещаемые средствами массовой информации, в три группы (по уровням экономической деятельности): 1) макроэкономические (каков прогноз уровня инфляции; находится экономика в фазе подъема или спада; каков уровень безработицы; какова государственная экономическая политика и т. п.); 2) мезо- и микроэкономические (какие профессии востребованы на рынке труда; каковы экономические перспективы региона или отрасли производства, какова политика компании и т. п.); 3) потребительские (каково качество товаров, цены, места продаж, система скидок и т. п.) [3]. В зависимости от характера издания, его типа и целевой аудитории основной является та или иная группа вопросов. И освещаются они также по-разному. Однако если речь идет именно об универсальном общественно-политическом издании, то журналист должен стремиться к тому, чтобы о сложном рассказать просто и наглядно. Требование доступности транслируемой информации для широкого круга читателя в универсальных изданиях нередко заставляет экономического журналиста обращаться к различным формам визуализации информации. В таком контексте в современной экономической журналистике оказывается чрезвычайно востребованным формат инфографики. При этом, если мы говорим о журналистском произведении, то следует помнить, что любое инфографическое произведение должно отвечать на главные журналистские вопросы (что? кто? где? когда? как? зачем? почему?), предлагать внятное и осмысленное представление темы, она должна быть понятна, то есть легко декодируема и привлекать внимание аудитории за счет красочного оформления. Необходимо

отличать инфографику от иллюстрации. Иллюстративный, изобразительный ряд в инфографике (в отличие от иллюстрации) несет серьезную информационную нагрузку, функция «украшательства» реализуется лишь во вторую очередь, это «побочный» эффект грамотно организованной инфографики.

В настоящий момент инфографику активно используют такие отечественные средства массовой информации, как «Комсомольская правда», «Коммерсантъ», «Ведомости», «Российская газета», «Русский репортер» и др. Можно утверждать, что за последние годы накоплен достаточно большой опыт создания подобного рода материалов. Кроме того, в архивах разнообразных СМИ сохранены достаточно большие объемы инфографики, которые требуют классификации.

Рассматривая инфографику как инструмент передачи экономической информации, мы обратились к материалам РИА «Новости». Для анализа выбрали материалы на сайте информагентства, размещенные в разделе «Инфографика» в период с 29.12.2011 по 17.10.2013. Выполнив фильтрацию по тематике публикации, мы обнаружили, что в рубрике «Экономика» насчитывается 30 материалов инфографического характера. Круг экономических вопросов и проблем, освещаемых в экономических инфографических материалах информагентства, весьма широк, а тематика довольно разнообразна: от исследования динамики макроэкономических показателей России 2011–2012 гг. – до описания способов идентификации фальшивых банкнот. Используя методы качественного анализа текста [см.: 8], мы выполнили анализ данных материалов сайта.

Инфографические публикации освещают экономические вопросы разного уровня: макроэкономические (например, материалы «Основные покупатели иранской нефти» от 21.02.2012; «Рейтинг стран по уровню долговой нагрузки» от 09.05.2012 и др.); мезо- и микроэкономические (материалы «Проблемы компании «Русал» от 13.03.2012; «Строительство в Приморье в цифрах» от 13.08.2013 и др.); потребительские (материалы «Кубометр газа – это много или мало?» от 07.02.2012; «Как не стать жертвой мошенников при обмене валюты» от 31.03.2012; «Возврат подоходного налога при расходах на учебу и лечение» от 24.04.2012 и др.).

Если отследить статистику по группам освещаемых вопросов, то мы увидим, что чаще

всего в инфографических публикациях РИА «Новости» освещаются макроэкономические проблемы (18 материалов из 30), а мезо- (и микроэкономические) и потребительские проблемы освещаются в равной степени (по 6 материалов из 30). То есть мы можем сделать вывод о том, что РИА «Новости» сосредоточивает свое внимание в первую очередь на экономических вопросах, достаточно далеких от «рядового» потребителя, зачастую касающихся проблем благосостояния стран зарубежья (например, материалы «Кредитные рейтинги стран Европы» от 10.03.2012 или «Мировой рейтинг элитного жилья» от 10.04.2012). Конечно, есть и материалы, освещающие глобальные проблемы отечественной экономики (например, «Рост ВВП России за последние 10 лет» от 03.10.2013). Однако материалов, посвященных насущным для «рядового» потребителя вопросам значительно меньше, хотя они есть и освещаются достаточно интересно и доступно, что имеет несомненную практическую значимость для граждан.

Возникает вопрос, что же пытаются донести до медиапотребителя авторы экономических инфографических материалов на сайте РИА «Новости», какие функции выполняют эти публикации? Для ответа на этот вопрос за основу мы взяли типологию инфографики по функциональному принципу, которую предлагает сама редакция РИА «Новости».

В соответствии с этой типологией, наиболее часто в рубрике «Экономика» встречаются инфографические материалы, демонстрирующие определенную тенденцию (рост банков России, динамику инвестиций иностранного капитала в Приморье и т. п.). Чаще всего это различные рейтинги. Всего насчитывается порядка 18 материалов подобного типа. Что касается способа (инструмента) визуализации информации, то чаще всего в таких инфографиках используются различные диаграммы и комментированные карты (если речь идет о макроэкономических вопросах). Второй приоритетной задачей экономической инфографики на сайте РИА «Новости» является демонстрация устройства (например, как добывают нефть и газ) или алгоритма действия (как не стать жертвой мошенников при обмене валюты, как получить налоговый вычет и т. п.). Всего обнаружено 5 единиц такого типа. Чаще всего в таких инфографиках применяются схемы, описывающие определенный процесс или механизм. Именно для данного типа

наиболее уместными являются динамические (или мультимедийные) инфографики, так как они наглядно иллюстрируют механизм работы в действии. Однако на сайте РИА «Новости» обнаружен только один материала подобного характера («Современные методы добычи нефти и газа» от 09.08.2013. URL: <http://ria.ru/infografika/20130809/932069506.html>). Третьей по степени значимости задачей экономической инфографики на сайте РИА «Новости» на наш взгляд, является отображение целого и его составляющих (например, материалы, описывающие саммит G-20 или экономические показатели России и Китая). Всего обнаружено 4 единицы такого типа. Какого-то приоритетного способа визуализации информации здесь не наблюдается: используются и диаграммы (линейные, круговые, пузырьковые), и пиктограммы, и комментированные карты и т. п. Наконец, четвертой задачей, которую выполняет инфографика рубрики «Экономика» на сайте РИА «Новости» является иллюстрация положения предметов и фактов во времени и пространстве. Таких материалов обнаружено 3. Эту задачу реализуют материалы, показывающие маршруты железных дорог, схему газопровода «Южный поток» и газоснабжения Украины и т. п. Наиболее часто при оформлении инфографики такого типа используются различные карты, поскольку они являются наиболее удобным способом визуализации пространства.

Проанализировав инфографические материалы из рубрики «Экономика» (30 единиц), мы пришли к ряду выводов.

1. Экономическая инфографика на сайте РИА «Новости» охватывает широкий круг вопросов разного уровня (макро-, мезо-, микроэкономические, потребительские), однако предпочтение отдается макроэкономическим вопросам, причем логика выбора темы не всегда понятна. Почему, например, «рядовому» отечественному медиапотребителю должен быть интересен мировой рейтинг элитного жилья или рейтинг стран по уровню долговой нагрузки? Возможно, тем самым журналисты РИА «Новости» пытаются поднять уровень экономической грамотности населения, выполняя свою социальную роль, но в таком случае это не очевидно, поскольку инфографика агентства не затрагивает концептуальные экономические проблемы (нет ни одного материала, посвященного финансовому кризису или спаду производства). В этом контексте гораз-

до полезной материалы на потребительскую тематику (как получить налоговый вычет или как вернуть подоходный налог при расходах на учебу или лечение), однако их на сайте на порядок меньше.

2. Экономическая инфографика на сайте РИА «Новости», как правило, выполнена в традиционной форме, без использования мультимедийных технологий и без видимого акцента на дизайне. Тем самым внимание обращается на трансляцию сложной экономической информации в максимально простой форме, без «художественных излишеств». Однако тем самым не только уменьшается интерес потребителя к информации, но и в ряде случаев (например, когда можно объяснить процесс, механизм действия) упускается отличная возможность повысить уровень экономической грамотности граждан. Серьезным упущением представляется отсутствие реконструкций в экономическом разделе (например, можно было создать визуальную реконструкцию экономического кризиса 2008–2009 гг., доступно объясняющую его механизмы).

3. Использование методов журналистики данных в работе над экономической инфографикой на сайте РИА «Новости» не всегда очевидно. Это связано с тем, что журналисты информагентства редко указывают источники получения информации, что не позволяет оценить объем и характер этих источников, их достоверность и полноту. Стремление к визуализации данных, полученных из большого объема фактологических сведений, приводит к созданию интересной, содержательной, многокомпонентной инфографики, способной сделать сложное простым и наглядным.

4. В целом, инфографика в рубрике «Экономика» сайта РИА «Новости» отличается наглядностью, простотой, высоким уровнем качества визуализации информации, стремлением к достижению баланса между собственно инфографикой и поясняющим текстом, разнообразием использования инструментов графической визуализации данных (различные типы диаграмм, графики, карты, схемы и т. п.). Однако зачастую информационные технологии, которыми агентство мастерски владеет, в случае экономической инфографики, оказываются использованы не в полной мере.

Таким образом, на примере сайта РИА «Новости», мы видим, что экономическая инфографика в нашей стране еще только начинает приобщаться к журналистике данных и

переживает этап становления, что связано и с низким уровнем экономической культуры медиапотребителей. Хочется надеяться, что «большой рост» экономической инфографики в скором времени будет преодолена, и она выйдет на уровень, сопоставимый с уровнем ведущих мировых лидеров в использовании экономической инфографики. Вместе с тем, мы отмечаем, что использование инфографики при передаче экономической информации является оправданным и перспективным направлением.

Список литературы

1. Василишина, С. Н. Современные инструменты визуализации информации / С. Н. Василишина; М. Б. Макаренко // Соціально-економічний, екологічний та гуманітарний розвиток регіонів : матеріали Міжнар. форуму інновац. проєктів студентів, аспірантів і молодих учених 5–7 квітня 2012 р. Луганськ, 2012. С. 113–119.
2. Горяйнова, А. В. Инфографика – современный подход к визуализации журналистских материалов / А. В. Горяйнова, С. И. Симакова // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2010. № 2 (5). С. 68–73.
3. Демина, И. Н. О сущности экономической массовой коммуникации [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-suschnosti-ekonomicheskoy-massovoy-kommunikatsii>.
4. Клесова, О. А. Способ творческой деятельности журналиста на современном этапе : дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 180 с.
5. Лопатников, Л. И. Экономико-математический словарь : словарь современной экономической науки [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/Лопатников/Экономическая%20информация>.
6. Проблематика СМИ: информационная повестка дня : учеб. пособие / под ред. М. В. Шкондина, Г. С. Вычуба, Т. И. Фроловой. М., 2008. 316 с.
7. Симакова, С. И. Интерпретация цифровых обозначений времени в газетном тексте (время как число) // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 34 (172). Филология. Искусствоведение. Вып. 36. С. 106–110.
8. Симакова, С. И. Осевое кодирование как метод качественного анализа медиатекста. На примере анализа цифрового контента региональной газеты «Челябинский рабочий» (методический аспект) // Знак : проблемное поле медиаобразования. 2010. № 1 (5). С. 60–70.

9. Симакова, С. И. Цифра в газетном тексте (на примере рекламно-информационной газеты «Интересное предложение») // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2010. № 32 (213). Филология. Искусствоведение. Вып. 48. С. 128–132.

10. Симакова, С. И. Цифровые обозначения как фактор формирования картины мира читателя в современной медиаситуации // Челяб. гуманитарий. 2010. № 3 (12). С. 57–63.

References

1. Vasilishina, S. N. and Makarenko, M. B. (2012) “Sovremennyye instrumenty vizualizatsii informatsii” [= Modern tools of visualization of information], in: *Materiali Mizhnarodnogo forumu innovatsiyonikh proyektiv studentiv, aspirantiv i molodikh uchenikh «Sotsial’no-yekonomichniy, yekologichniy ta gumanitarniy rozvitok regioniv» 5-7 kvitnya 2012 roku* [= The Proceedings of forum of innovation projects of students and young researchers: Social, economic, ecologic and cultural development of regions, 5–7 April 2012], Vid-vo SNU im. V. Dalya, Lugans’k, pp. 113–119.

2. Goryaynova, A. V. and Simakova, S. I. (2010) “Infografika – sovremennyy podkhod k vizualizatsii zhurnalistskikh materialov” [= Infographics as a modern reproach to visualization of journalist materials], in: *Znak: problemnoye pole mediaobrazovaniya* [= Sign: problem field of media education], N 2 (6), pp. 68–73.

3. Demina, I. N. *O sushchnosti ekonomicheskoy massovoy kommunikatsii* [=About the economic mass communication], available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-suschnosti-ekonomicheskoy-massovoy-kommunikatsii/> (accessed 20.09.2014).

4. Klesova, O. A. (2013) *Sposob tvorcheskoy deyatel’nosti zhurnalista na sovremennom etape: dis. kand. filol. nauk* [= The method of creative activity of modern journalists: thesis], Moscow, 180 p.

5. Lopatnikov, L. I. *Ekonomiko-matematicheskii slovar’: Slovar’ sovremennoy ekonomicheskoy nauki* [= Economic and mathematic dictionary: The dictionary of the modern economic scholar], available at: <http://slovari.yandex.ru/~knigi/Lopatnikov/Ekonomicheskaya%20informatsiya/> (accessed 20.09.2014).

6. Shkondin, M. V., Vychub, G. S. and Frolova, T. I., eds. (2008) *Problematika SMI: informatsionnaya povestka dnya: uchebnoye posobiye* [= Problems of mass-media: information agenda: manual], Aspekt Press, Moscow, 316 p.

7. Simakova, S. I. (2009) “Interpretatsiya tsifrovyykh oboznacheniy vremeni v gazetnom tekste (vremya kak chislo)” [= Interpretation of figures as signs of time in newspapers (time as number)], in: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [=Bulletin of Chelyabinsk State University, Philology], vyp. 36, N 34 (172), pp. 106–110.

8. Simakova, S. I. (2010) “Osevoye kodirovaniye kak metod kachestvennogo analiza mediateksta. Na primere analiza tsifrovogo kontenta regional’noy gazety «Chelyabinskiy rabochiy» (metodicheskiy aspekt)” [=Axial coding as a method of qualitative analysis of media text. An analysis of the digital content of the regional newspaper “Chelyabinsk Worker” (methodological aspect)], in: *Znak: problemnoye pole mediaobrazovaniya* [= Sign: problem field of media education], N 1 (5), pp. 60–70.

9. Simakova, S. I. (2010) “Tsifra v gazetnom tekste (na primere reklamno-informatsionnoy gazety «Interesnoye predlozheniye»)” [=Number in the newspaper text (advertising and information newspaper “Interesting proposal”)], in: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [=Bulletin of Chelyabinsk State University, Philology], vyp. 48, N 32 (213), pp. 128–132.

10. Simakova, S. I. (2010) Tsifrovyye oboznacheniya kak faktor formirovaniya kartiny mira chitatelya v sovremennoy mediasituatsii [=Digital designation as a factor of the reader’s view of the world in modern media situation], in: *Chelyabinsky gumanitariy* [=Chelyabinsk Humanities], N 3 (12), pp. 57–63.

К. А. Слуцкая

РОЛЬ ГРАФИЧЕСКОЙ ОБРАЗНОСТИ ВЕРБАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА ВИЗУАЛЬНОЙ ПОЭЗИИ В ЕЕ СЕМАНТИЗАЦИИ

Рассматривается классификация способов расположения вербального компонента визуальной поэзии (нагромождение, по кругу, линейно, беспорядочно, фигурно, в виде картины) в русском и английском языках. Благодаря сопоставительному качественному и количественному анализу делается вывод о внесении дополнительных смыслов в ткань визуального произведения в зависимости от выбранного способа расположения вербального компонента.

Ключевые слова: визуальная поэзия, вербальный компонент, декодирование, семиотически негомогенный текст, герменевтика.

В наш век высоких технологий, век модернизации и компьютеризации всех процессов вопросы сохранения, передачи и компрессии информации стоят особенно остро. Известно, что названным выше процессам способствует визуализация информации, поскольку время, потраченное на восприятие и осознание информации в изображении, мало в сравнении со временем прочтения той же информации в текстовом изложении. Сегодня визуализируется все: желания, мысли, идеи, книги, лекции и даже поэзия.

Визуальная (или конкретная) поэзия (здесь и далее по тексту термины «конкретная поэзия» и «визуальная поэзия» будут употребляться синонимично, хотя некоторые исследователи [8] полагают, что концепт «конкретная поэзия» гораздо шире и включает в себя несколько подгрупп произведений этого жанра: визуальную, звуковую, кинетическую, графическую поэзию и др.) – явление не новое: зародившись еще в древности, она получила свое развитие в период постмодернизма. Художественно-поэтично дает определение этому лингво-визуальному эксперименту Товий Хархур: «...где-то на извилистой границе между изобразительным искусством и литературой, в туманных низинах, где живопись особенно близко подходит к поэзии, рождается новый жанр в искусстве – визуальная поэзия» [6]. Рассматриваемое явление, действительно, многогранно и не имеет однозначной трактовки, поскольку находится на стыке поэзии, графики, живописи, фотографии и ряда других искусств. Однако, несмотря на семиотическую и структурную сложность визуальной поэзии, отечественным и зарубежным исследователям данного вида дискурса (Е. Е. Анисимова, Р. Арнхейм, А. А. Бернацкая, С. Е. Бирюков, Т. Б. Бонч-Осмоловская,

О. Гомрингер, Т. В. Гречушникова, Д. Дракер, В. Колотвин, К. Кэмптон, М. Солт, Д. Хат, И. В. Чудасов, Э. Яндль и др.) удалось определить черты, присущие визуальному тексту, среди которых основным, на наш взгляд, является расположение вербального компонента поликодового текста. Благодаря графической образности данный вид дискурса воспринимается реципиентом нелинейно, что способствует его дополнительной семантизации.

Произведения визуальной поэзии состоят из невербального и вербального компонента, причем последний не всегда располагается традиционным четверостишием. Основываясь на наблюдениях при подборе практического материала для дальнейшего анализа (корпус примеров составил 900 единиц: по 450 примеров на русском и английском языках), мы выделяем 6 основных подгрупп, по которым удалось расклассифицировать отобранный материал.

1) **Нагромождение (букв, слов)** – такое расположение лингвистического компонента, при котором невозможно разобрать написанное из-за повышенной концентрации вербальных элементов на небольшой площади. Например, Ричард Эванс в своем стихотворении «Утечка информации» (Рис. 1) метафорично изображает процесс распространения информации. При этом «нагромождение» как способ расположения вербального компонента помогает в реализации метафоры: свойства воды, текущей из крана, переносится на свойства информации, потоком льющейся на сознание человека из разных внешних источников (ТВ, средства массовой информации, Интернет и пр.). Расширяя метафору, можно заметить, что сам человек способен перекрыть этот поток так же легко, как выключить телевизор.

Рис. 1. Ричард Эванс «Утечка информации»

Стихотворение примечательно еще и тем, что в правом верхнем углу расположена табличка **Caution! Hot water!** («Осторожно! Горячая вода!»), которая в свете раскрывающейся метафоры тоже приобретает метафоричный смысл: информация может быть опасной для восприятия и осознания, поэтому необходимо с осторожностью подходить к вопросу собственного информирования, отфильтровывая ненужное, а иногда и просто блокируя каналы восприятия.

2) **По кругу**: вербальный элемент либо расположен по окружности, либо требует кругового чтения.

В таком стиле создавал свои «кругометы» Андрей Вознесенский, раскрывал «философию комка» Эдуард Кулёмин. Позже к ним присоединяется современный поэт-визуалист Иван Чудасов, который использует круговые палиндромы в своих стихотворениях. Зарубежные авторы, хоть и не с такой частотностью, но тоже применяют данный прием.

Рис. 2. Дженифер Филип «Круг жизни»

Например, Дженифер Филип в стихотворении «Круг жизни» перечисляет основные моменты в жизни каждого человека, отделяя при

этом цветом границы слов: take, each, hour, rest, toil, love, earn, next, (брать, каждый, час, отдых, тяжелый труд, любовь, заработок, следующий). Интерпретировать стихотворение можно, на наш взгляд, следующим образом: каждый человек должен немного отдохнуть (собраться с силами) перед ответственным шагом (тяжелый труд) в своей жизни, который позже неизменно приведет к одному из двух благ: материальному (заработок) или духовному (любовь). И дальше человек готов к следующему шагу (next). В стиле пуантилизма, отдельными точками-словами, автор метафорично изображает жизненный цикл любого человека. Безусловно, идея эта усливается круговым расположением текста.

3) **Линейно** – традиционный способ расположения вербального компонента.

К нему авторы прибегают в тех случаях, когда хотят придать строгость своему произведению, подчеркивают повторяемость строк или вводят другой эмоционально насыщенный компонент, оставляя при этом линейно расположенный текст в качестве информационного поля. Интересно, что такое расположение текста в визуальном произведении тоже несет смысловую нагрузку, выделяя основную идею, подчеркивая его музыкальность и тон, акцентируя внимание на вербальном компоненте. В таких произведениях линейно расположенные строки становятся «чужеродным» элементом среди многочисленных графических и художественных экспериментов, тем самым привлекая внимание реципиента.

В качестве примера рассмотрим стихограмму Михаила Бару «Лунная ночь» (Рис. 3). Иронизируя над желанием бросить курить, автор располагает вербальный компонент традиционно – линейно, однако совсем на нетрадиционном для этих целей материале – на сигаретах, таким образом, актуализируя значение написанного.

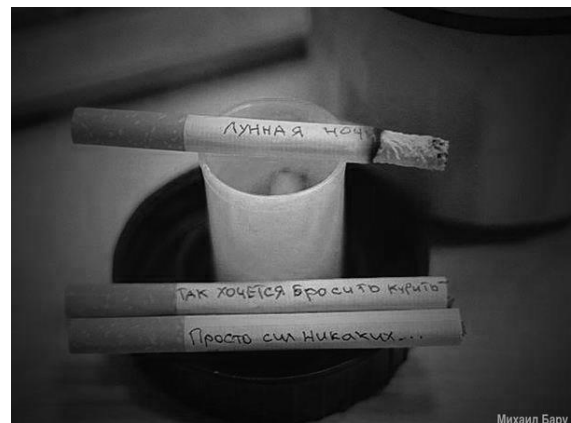

Рис. 3. Михаил Бару «Лунная ночь»

4) **Беспорядочно** – способ расположения вербального компонента, при котором слова, буквы, фразы «раскиданы» по пространству стихотворения, при этом понять написанное можно, а проследить упорядоченность в расположении не представляется возможным. Отличие этой подгруппы от первой («нагромождение») состоит в том, что в ней различить каждый (или большинство) вербальный элемент не составляет труда.

Так, например, при кажущейся нагроможденности букв в произведении Фернандо Агуйера (Рис. 4), они хорошо различимы и не представляют трудности для прочтения, поэтому мы склонны относить данный пример в эту подгруппу.

Рис. 4. Фернандо Агуйер. Без названия

В вышеприведенном примере автор метафорично изображает современного человека, тонущего в количестве не всегда понятной информации, которая обрушивается на него каждый день. Именно поэтому Фернандо Агуйер не передает поток информации в виде слов, а именно букв – как символа знаков, которые, чтобы понять их истинное значение, нужно сложить вместе. Современному человеку не всегда удается соотнести и проанализировать какие-то факты, чтобы извлечь из них нужную информацию в силу того, что ее поток слишком велик, а скорость ее переработки мала. Таким образом, графическая образность вербального компонента помогает раскрыть основную идею произведения.

5) **Фигурно** – способ расположения вербального компонента, при котором образуются очертания какой-либо фигуры.

Это именно то, чем визуальная поэзия начала отличаться от традиционного жанра еще в древности, когда древнегреческий поэт Симмий Родосский стал изображать свои произведения в виде яйца или крыльев ангела, называясь при этом «фигурной» поэзией. Позже в этом жанре работали Державин, Сумароков,

Брюсов, Вознесенский и др. И сегодня некоторые поэты-визуалисты склонны употреблять термин «фигурная» вместо «визуальная». На наш взгляд, это лимитирует формы проявления визуальной поэзии, которая сегодня включает в себя бесконечное многообразие форм и жанров: кругометы, листовертни, лингвогобелены, стихография и пр. На данном этапе развития визуальной поэзии фигурная поэзия рассматривается примитивным и элементарным ее подвидом. Зачастую авторы создают произведения в виде образа ради шутки или шрифтового варьирования.

Рис. 5. Игорь Евграфов «Скорпион»

Так, например, Игорь Евграфов в своей каллиграмме (рис. 5) сумел передать образ скорпиона при помощи изменения штифта в слове «скорпион». Такие произведения обычно семантически не перегружены, а поэт становится больше озорным художником, нежели мастером слова. Современные авторы возвращаются к данному жанру, используя его фрагментарно, в качестве элемента более сложного произведения.

6) **В виде картины** – способ расположения вербального компонента, при котором можно в графике произведения проследить сюжетную линию. Это сложные по своему составу и трудоемкие по исполнению визуальные стихотворения. Примеров таких стихов не много, но в последнее время наметилась тенденция к развитию данного направления.

Татьяна Манкова в своем произведении «Закат на берегу» (рис. 6) изображает при помощи графически точно выстроенного вербального элемента облака и «дорожку» на воде – отблеск заходящего солнца. В этой сложной реализации обыденного прибрежного пейзажа автору удалось передать легкое и романтическое настроение «картины» не хуже профессионального художника. В данном случае графическая образность играет ключевую роль в стихотворении, поскольку без нее стихотворение перестает относиться к жанру визуальной поэзии.

Мы провели не только качественный, но и количественный анализ способа расположения вербального компонента визуальной поэзии и

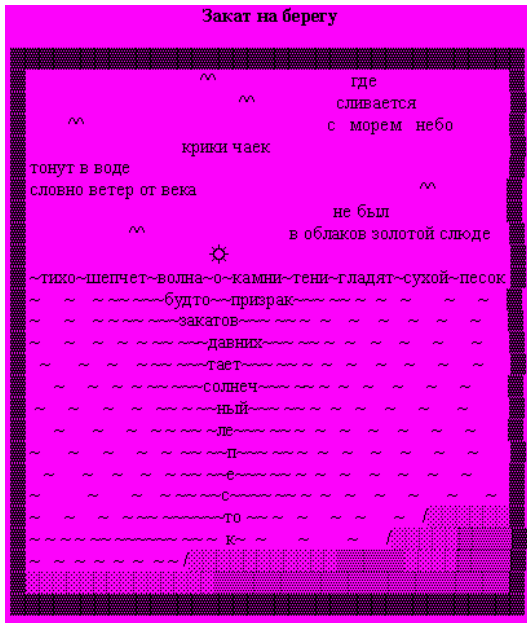

Рис. 6. Татьяна Манкова «Закат на берегу»

представили результаты в диаграмме, размещенной ниже.

Как показали количественные данные, англоязычные примеры визуальной поэзии характеризуются линейным или фигурным расположением вербального компонента (по 37 % на каждую подгруппу), в то время как среди русскоязычных примеров преобладают линейно расположенные строки (47 %). Наименьшее количество процентов в английском варианте поэзии приходится на расположение вербального компонента в виде картины (4 %), а в русском – «нагромождение» (1 %).

Эти данные еще раз свидетельствуют о том, что русские поэты-визуалисты предпочитают предельную ясность выражения мысли, которой трудно добиться, располагая строки хаотично или нагроможденно, но легко, располо-

жив линейно, традиционно. Еще одной причиной такого результата может являться то, что российский читатель пока не готов к возрождающимся тенденциям авангардной поэзии в силу своего сложившегося менталитета с долей консерватизма и скептицизма в отношении «нестандартных форм» литературы.

Западные авторы в какой-то степени поддерживают российских, отдавая дань традиции, только традиции написания фигурного стиха – того вида визуальной поэзии, который стал ее прародителем. Причиной может служить то, что Запад в силу пережитых исторических обстоятельств, а также менее консервативного подхода к чему-то новому достаточно открыт и сознательно подготовлен к подобным лингво-визуальным экспериментам со словом.

Также следует отметить, что в англоязычных поэмах круговое расположение вербального компонента в количественном выражении в три раза меньше, чем в русскоязычных – 5 % и 15 % соответственно. Это объясняется не только приверженностью российских авторов к форме круга как символу цикличности, повторности событий, отчасти фатальной безысходности, но и свойствами самого языка. В русском языке проще найти или составить такие слова, которые могли бы уложиться в круговой палиндром. Английский язык больше склонен к омонимии и полисемии, на которых основываются стилистические приемы и игра слов.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно говорить о складывающемся парадоксе. С одной стороны, российский реципиент все еще не готов декодировать визуальные произведения, вступать в полемику с автором языкового эксперимента, поскольку общественное сознание требует «пушкинской» яс-

Способ расположения вербального компонента

ности и «шишкинского» реализма. А с другой стороны, именно российский поэт-визуалист способен создать глубокие и зачастую шедевральные произведения визуальной поэзии, способные произвести на читателя эффект, граничащий с эйфорией. Свойства самого русского языка способствуют семантической многослойности и сложности в языковом плане произведений. Однако западный читатель, при всей своей готовности воспринимать нечто новое и неординарное, не сможет уловить тонкостей всех заложенных и раскрывающихся смыслов визуального стихотворения в связи с трудностями (невозможностью) комплексного литературного перевода таких произведений.

Список литературы

1. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М., 2003. 128 с.
2. Бару, М. Стихография [Электронный ресурс]. Платформа : сетевой проект, выставка визуальной поэзии. 2003–2004. URL: <http://platform.net.slova.ru/show.php?a=Baru&p=2003>.
3. Белоусов, А. В. К вопросу о линейности языкового знака // Человек в зеркале языка. Вопросы теории и практики : сб. ст., посвящ. 100-летию со дня рожд. член-корр. АН СССР Ф. П. Филина / отв. ред. А. П. Юдакин, акад. РАН. Кн. 3. М., 2008. С. 76–86.
4. Гик, Ю. Визуальная поэзия. Теория и практика [Электронный ресурс] // Черновик. Смешанная техника. 2004. Вып. 19. URL: <http://www.chernovik.org/main.php?main=find&first=23&nom>.
5. Слуцкая, К. А. Структурно-семиотические аспекты русскоязычной и англоязычной визуальной поэзии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2011.
6. Хархур, Т. Слияние поэзии и живописи [Электронный ресурс] // ЛИМБ: Журнал современной поэзии. 2002. Вып. 12. URL: <http://limb.dat.ru/No12/essay/harhur2.shtml>.
7. Чудасов, И. В. Эволюция форм русской комбинаторной поэзии XX в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2009. 21 с.
8. Solt, M. E. Concrete Poetry, a World View [Электронный ресурс]. Indiana, 1968. URL: <http://www.ubu.com/papers/solt/intro.html>.

А. В. Таскаева, О. А. Кременскова

ГЕРОЙ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ (по данным ассоциативного эксперимента)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 14-04-00182)

Анализируются представления о герое в глазах современной молодежи, полученные путем проведения свободного ассоциативного эксперимента. Актуальность работы обусловлена потребностью формирования в России образа героя, способствующего установлению ценностных ориентиров поведения для подрастающего молодого поколения. В результате исследования было составлено ассоциативное поле концепта «герой». Ядро ассоциативного поля составили лексемы *война, сила, подвиг и отвага*. Полученные слова-реакции классифицированы по трем основным типам пар: синтагматические, парадигматические и тематические. Данные эксперимента позволили выделить этимологическую, понятийную, общекультурную, ценностную и образную составляющие концепта «герой».

Ключевые слова: *герой, психолингвистический эксперимент, метод свободных ассоциаций, лингвокультура, молодежь.*

Образ героя в любой лингвокультуре выполняет значимые социальные функции: является определенным духовно-нравственным ориентиром для всех членов общества, обеспечивает связь времен и поколений, олицетворяет национальные ценности и воплощает лучшие морально-этические качества, значимые для представителей той или иной нации.

Следует особо подчеркнуть, что образ героя играет важную роль в процессе воспитания молодого поколения, в частности, формирования патриотического сознания. Воспитание на примере тех, кто совершил подвиг, ведет к становлению и развитию таких качеств личности, как мужество, бесстрашие, стойкость, готовность к самопожертвованию, доблесть, храбрость, самоотверженность, смелость, что составляет основы патриотизма.

Цель исследования – диагностировать представления о герое в сознании современной молодежи. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) установить наполняемость ассоциативного ряда со значением «герой» путем проведения ассоциативного психолингвистического эксперимента, в основе которого лежит метод свободных ассоциаций;
- 2) интерпретировать полученные в ходе эксперимента результаты.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в настоящий момент в России очевидна потребность в формировании новых героев как модельных личностей, которые, являясь

предметом восхищения и поклонения, устанавливают ценностные ориентиры поведения для молодого поколения.

Методологической базой исследования был выбран ассоциативный эксперимент, так как он является наиболее разработанной техникой психолингвистического анализа семантики речи, позволяет «судить об особенностях функционирования языкового сознания человека» [3. С. 17], является «наиболее эффективным методом изучения психологически реальных значений и концептов как “реальностей сознания” людей» [4]. Анализ ассоциаций на стимул «герой» позволит выявить компоненты исследуемого концепта.

Важно отметить, что существует некоторое количество ассоциативных словарей, среди них: Словарь ассоциативных норм русского языка под редакцией А. А. Леонтьева (первый ассоциативный словарь русского языка, изданный в 1977 г.) [8]; Русский ассоциативный словарь. Ассоциативный тезаурус современного русского языка под редакцией Ю. Н. Караулова [5; 6]; Славянский ассоциативный словарь под редакцией Н. В. Уфимцева [7]; Русский сопоставительный ассоциативный словарь под редакцией Г. А. Черкасовой [9]. Однако нами была обнаружена словарная статья со словом «герой» только в Русском ассоциативном словаре.

Кроме того, существует Интернет-проект «Сеть словесных ассоциаций» (URL: <http://wordassociations.ru>), который позволяет про-

смагивать ассоциации, возникающие у человека, с заданным словом. Для удобства использования каждое слово сопровождается словарными статьями из толковых словарей Д. Н. Ушакова и В. И. Даля. В основе процесса формирования списка ассоциаций лежит программный модуль, анализирующий классические и современные произведения русской и зарубежной литературы с использованием принципов системного подхода. По утверждению авторов проекта, сформированный список ассоциаций может рассматриваться как усредненный результат при проведении лингвистического ассоциативного эксперимента, однако мы, доверяя человеку больше, чем программе, решили провести собственный «живой» эксперимент.

В нашем эксперименте в качестве испытуемых выступили студенты регионального вуза гуманитарной специальности. Конкретно, студенты с 1 по 4 курс (в возрасте от 17 до 25 лет) факультета Евразии и Востока направлений подготовки «Зарубежное регионоведение», «Восточная философия», «Международные отношения» Челябинского государственного университета. Процедура ассоциативного эксперимента состояла в следующем: испытуемым было предоставлено слово-стимул «герой» и предложено ответить на него любыми первыми пришедшими в голову словами (словами-реакциями). Эксперимент ничем не ограничивался. При интерпретации результатов фиксировались все слова-реакции, приведенные в анкетах.

В целях многомерной интерпретации экспериментальных данных, приведем, прежде всего, подробную количественную статистику по эксперименту:

- всего количество проанализированных анкет – 77;
- всего реакций на стимул – 767;
- различных реакций на стимул – 381;
- одиночных реакций на стимул – 263.

По данным проведенного эксперимента попробуем изучить ассоциативное поле лексемы «герой». Ассоциативным полем слова, по определению Е. И. Горошко, является совокупность ассоциатов на слово-стимул. Ассоциативное поле имеет ядро (наиболее частотные реакции) и периферию. Коллективное ассоциативное поле, выявленное в свободном ассоциативном эксперименте, обычно называется ассоциативной нормой [2]. Полученное в результате эксперимента ассоциативное поле определенного

слова-стимула можно считать «фрагментом общего образа мира представителей исследуемого народа, в котором отражаются общие и специфические черты языкового сознания носителей языка» [3. С. 18].

Первый вариант. При соблюдении условия фиксирования всех слов-реакций, к ядру ассоциативного поля концепта «герой» мы относим как наиболее частотные такие лексемы, как *война* (22/2,86 %), *сила* (21/2,73 %), *подвиг* (19/2,47 %) и *отвага* (18/2,34 %). Здесь и далее в скобках указывается частотность слова-реакции и процентное соотношение к общему количеству реакций.

К ближней периферии мы относим слова-реакции с частотностью не менее 10, такие как *мужчина* (13/1,69 %), *победа* (13/1,69 %), *слава* (11/1,43 %), *защита* (10/1,30 %), *меч* (10/1,30 %) и *честь* (10/1,30 %).

К дальней периферии мы относим ассоциации с частотностью не менее 7, такие как *мужество* (9/1,17 %), *смелость* (9/1,17 %), *помощь* (8/1,04 %), *смерть* (8/1,04 %), *человек* (8/1,04 %), *воин* (7/0,91 %), *медаль* (7/0,91 %), *Отечество* (7/0,91 %), *Родина* (7/0,91 %).

Второй вариант. При фиксации только первой реакции на слово-стимул (то есть всего реакций 77, различных реакций на стимул – 55, одиночных реакций – 42) ядро ассоциативного поля концепта «герой» на стимул составляют лексема «*война*» (7/9,09 %). К ближней периферии относятся слова-реакции с частотностью не менее 3, такие как *мужчина* (4/5,19 %), *подвиг* (4/5,19 %), *победа* (3/3,89 %). К дальней периферии относятся лексемы с частотой 2 (2,59 %): *битва*, *Геркулес*, *медаль*, *мужественный*, *Печорин*, *сила*, *слава*, *спаситель*, *человек*.

Как правило, при качественной интерпретации результатов метода свободных ассоциаций все слова-реакции классифицируются по трем основным типам пар: синтагматические, парадигматические, тематические.

В нашем исследовании мы выделили 7 основных типов реакций, зафиксированных в ходе проведенного эксперимента.

1. Парадигматические реакции (слова-реакции того же грамматического класса, что и слова-стимулы; подчиняются семантическому принципу «минимального контраста», согласно которому чем меньше отличаются слова-стимулы от слов-реакций по составу семантических компонентов, тем более высока вероятность актуализации слова-реакции в ассоциативном процессе).

1.1. Категориально-синонимичные (парадигматические реакции, принадлежащие к тому же семантическому полю, что и слово-стимул).

1.2. Категориально-атрибутивные (парадигматические реакции, представляющие собой приписывание слову-стимулу некоторого признака в широком смысле).

2. Синтагматические реакции (ассоциации, грамматический класс которых отличен от грамматического класса слова-стимула и которые всегда выражают предикативные отношения).

3. Тематические реакции (ассоциации метонимического типа).

Кроме того, отдельные группы были выделены по следующим критериям:

4. Словообразовательные реакции (принадлежащие к тому же словообразовательному гнезду, что и слово-стимул).

5. Звуковые реакции (имеющие фонетическое сходство со стимулом).

6. Прецедентные имена.

7. Речевые штампы, клише.

Итак, по данным проведенного эксперимента, к **категориально-синонимичным реакциям** на слово-стимул «герой» относятся следующие лексемы: *мужчина* (13/1,69 %), *человек* (8/1,04 %), *воин* (7/0,91 %), *спаситель* (6/0,78 %), *ветеран* (5/0,65 %), *защитник* (3/0,39 %), *персонаж* (3/0,39 %), *победитель* (3/0,39 %), *жертва* (3/0,39 %), *рыцарь* (3/0,39 %), *звезда* (2/0,26 %), *личность* (2/0,26 %), *отец* (2/0,26 %), *папа* (2/0,26 %), *пожарный* (2/0,26 %), *спасатель* (2/0,26 %).

К индивидуальным ассоциациям (1/0,13 %) той же группы, то есть тем, которые встречаются единожды, относятся лексемы: *бандит*, *бабушка*, *богатырь*, *боец*, *бунтарь*, *деспот*, *друг*, *злодей*, *космонавт*, *мама*, *мать*, *паралимпиец*, *пример*, *пророк*, *противник*, *сверхчеловек*, *силач*, *силяк*, *смельчак*, *солдат*, *супермен*, *тиран*, *узурпатор*, *храбрец*, *чемпион*, *я*.

К **категориально-атрибутивным реакциям** относятся лексемы: *сила* (21/2,73 %), *отвага* (18/2,34 %), *слава* (11/1,43 %), *честь* (10/1,3 %), *мужество* (9/1,17 %), *смелость* (9/1,17 %), *помощь* (8/1,04 %), *храбрость* (6/0,78 %), *величие* (5/0,65 %), *воля* (5/0,65 %), *гордость* (5/0,65 %), *стойкость* (5/0,65 %), *уважение* (5/0,65 %), *благородство* (4/0,52 %), *память* (4/0,52 %), *справедливость* (4/0,52 %), *патриотизм* (4/0,52 %), *достоинство* (3/0,39 %), *надежда* (3/0,39 %), *самоотверженность*

(3/0,39 %), *самопожертвование* (3/0,39 %), *бес-смертие* (2/0,26 %), *власть* (2/0,26 %), *до-блесть* (2/0,26 %), *добро* (2/0,26 %), *добродетель* (2/0,26 %), *доброта* (2/0,26 %), *отчаяние* (2/0,26 %), *свобода* (2/0,26 %),

К индивидуальным реакциям (1/0,13 %) той же группы относятся слова: *великодушные*, *жертвенность*, *могущество*, *благодарность*, *усердие*, *успех*, *харизма*, *хладнокровие*, *безумие*, *бескорыстность*, *долг*, *известность*, *красота*, *мощь*, *мужественность*, *непреклонность*, *несокрушимость*, *ослепительная улыбка*, *отчаянность*, *превосходство*, *суперспособность*, *ум*, *целеустремленность*, *честность*.

Группу **синтагматических реакций** по данным нашего эксперимента составляют слова: *смелый* (6/0,78 %), *храбрый* (6/0,78 %), *мужественный* (4/0,52 %), *сильный* (4/0,52 %), *отважный* (2/0,26 %), *первый* (2/0,26 %).

Индивидуальные реакции (1/0,13 %) включают в себя такие прилагательные, как *знатный*, *лучший*, *любимый*, *мирный*, *мой*, *красный*, *мудрый*, *общеизвестный*, *популярный*, *стойкий*, *хороший*.

Тематические реакции составляют отдельную группу; как правило, связь между словом-стимулом и реакцией является метонимической или метафорической, а зачастую не имеет общих существенных признаков в своем содержании. Тематические реакции студентов ЧелГУ на стимул «герой» включают в себя следующие: *война* (22/2,76 %), *подвиг* (19/2,47 %), *победа* (13/1,69 %), *защита* (10/1,3 %), *меч* (10/1,3 %), *смерть* (8/1,04 %), *медаль* (7/0,91 %), *отечество* (7/0,91 %), *родина* (7/0,91 %), *награда* (6/0,78 %), *книга* (5/0,65 %), *спасение* (5/0,65 %), *конь* (5/0,65 %), *борьба* (4/0,52 %), *любовь* (4/0,52 %), *миф* (4/0,52 %), *жизнь* (3/0,39 %), *мир* (3/0,39 %), *памятник* (3/0,39 %), *роман* (3/0,39 %), *сериал* (3/0,39 %), *труд* (3/0,39 %), *характер* (3/0,39 %). Мы не приводим в статье единичные тематические реакции испытуемых на стимул «герой», так как они насчитывают более 100, хотя они, безусловно, представляют интерес с точки зрения отражения специфических черт языкового сознания, соотношения индивидуального и коллективного.

Словообразовательные реакции включают следующие: *героизм* (2/0,26 %), *героиня* (2/0,26 %).

Звуковые реакции по результатам эксперимента зафиксированы только единичные (1/0,13 %), среди них: *боль*, *мой*, *ноль*, *пароль*, *порой*, *с дырой*.

К группе **речевых штампов** относятся следующие реакции: *последний* (5/0,65 %), *главный* (2/0,26 %), *нашего времени* (2/0,26 %), *труда* (2/0,26 %), *ВОВ* (2/0,26 %).

Индивидуальные реакции (1/0,13 %) включают в себя такие клишированные сочетания, актуализированные в сознании студента, как *век героев, внутренний, военный, войны, дня, любовник, мирный, мститель, не моего романа, романа, России, фильма*.

В особую группу ассоциаций мы объединили все **прецедентные имена**, возникающие как реакция на стимул «герой». Среди них: *Геркулес* (3/0,39 %), *Человек-паук* (3/0,39 %), *Дон Кихот* (2/0,26 %), *Жуков* (2/0,26 %), *Зевс* (2/0,26 %), *Илья Муромец* (2/0,26 %), *Одиссей* (2/0,26 %), *Печорин* (2/0,26 %), *Путин* (2/0,26 %).

Все реакции, в том числе индивидуальные (1/0,13 %), относящиеся к группе прецедентных имен, мы классифицировали следующим образом: вымышленные персонажи (*Геркулес, Человек-паук, Дон Кихот, Зевс, Илья Муромец, Одиссей, Печорин, Ахиллес, Данко, Железный Человек, Робин Гуд*); политические деятели (*Путин, Македонский, Марк Аврелий, Мартин Лютер Кинг, Петр I, Рамзан Кадыров, Сталин, Че Гевара, Юлий Цезарь*); военные – Герои Советского Союза (*Жуков, Бурденюк, Гагарин, Гастелло, Молодов, Талалихин*); спортсмены (*Брюгге, Джеррард*); представители шоу-бизнеса (*Би-2, Джеки Чан, Чак Норрис, Шварценеггер*); литературные деятели (*Гесиод, Лермонтов*).

Итак, данные проведенного ассоциативного эксперимента демонстрируют обширную картину связей как семантических, так и формальных, объективно существующих в сознании студента – носителя русского языка.

Анализ полученных слов-реакций позволяет судить о проявлении языковой способности современного молодого человека, так, например, можно говорить об актуализации **этимологической составляющей** (герой как главное действующее лицо древних эпических поэм и мифов, одаренное сверхчеловеческими силами – в приведенных реакциях – *Геркулес, Одиссей*) и **общекультурного компонента**, так как приведенные ассоциации отражают и наиболее привычные для носителя русского языка модели двух слов – клише, устойчивые сочетания, идиомы (*герой нашего времени, герой не моего романа* и другие).

В результате исследования мы пришли к следующим выводам. Прежде всего, было со-

ставлено ассоциативное поле концепта «герой». Ядро ассоциативного поля составили лексемы *война, сила, подвиг и отвага*, что свидетельствует о том, что героический подвиг имеет место быть, в большей степени, в военной сфере, во время боевых действий. Наиболее частотные тематические реакции студентов на стимул «герой» (*война, подвиг, победа, меч, смерть, медаль, отечество, родина, награда*) фактически указывают на то же. Очевидно, что связь базируется на историческом прошлом русского народа, памяти о победе и подвигах участников Великой Отечественной войны. Таким образом, по данным эксперимента установлено, что при моделировании языкового сознания молодых людей, носителей русской лингвокультуры, актуализируются представления о герое как человеке, совершившем военный подвиг во имя Родины, оцененный потомками. Этим подтверждается наш тезис о том, что образ героя является ключевым в формировании патриотической парадигмы нового времени.

Приведенные парадигматические и синтагматические реакции свидетельствуют о наличии не только **понятийного**, но и эмоционально-оценочного или **ценностного компонента** концепта «герой», то есть служат его аксиологической составляющей. Так, герой в сознании студента регионального вуза – носителя русского языка и культуры – представляется смелым, храбрым, мужественным, сильным, отважным мужчиной/человеком/воином, обладающим такими качествами, как честь, стойкость, благородство, патриотизм, достоинство, самоотверженность, доблесть и др.

По нашему мнению, особый интерес вызывают индивидуальные категориально-синонимичные реакции с негативной эмоционально-оценочной коннотацией, такие как *деспот, злодей, противник, тиран, узурпатор, бандит*. Данные ассоциации являются антонимичными к слову-стимулу «герой» и, очевидно, строятся на контрасте и относятся не к самому герою, а к тому, против чего он борется, от кого защищает.

По данным эксперимента можно определить и **образную составляющую** лингвокультурного концепта «герой». Герой представляется рыцарем, пожарным, спасателем. Для четырех респондентов образ отца является героическим (в двух репрезентациях – «отец» и «папа»). Слова «мама» («мать») и «бабушка» находятся в том же ассоциативном ряду. Занимательной

нам показалась мысль одного студента о том, в каком контексте возникла ассоциация «бабушка»: «Нам в школе как-то задали написать сочинение на тему “Есть ли в современном мире место подвигу”. Один мальчик написал, что перевести бабушку через дорогу – это тоже подвиг, хоть и небольшой».

Группа прецедентных имен служит богатым источником для конструирования образного компонента лингвокультурного концепта «герой». В сознании молодых людей возникают определенные образы, картинки, как специфичные для русской лингвоментальности, так и универсальные (в основном как результат влияния западной культуры), среди них вымышленные персонажи, политические деятели, военные, спортсмены, представители шоу-бизнеса. Так, для кого-то это советский военачальник, маршал, четырежды Герой Советского Союза Жуков, для другого вымышленный персонаж, супергерой комиксов Человек-паук, для третьего – один из главных героев древнерусского былинного эпоса, богатырь, воплощающий общий народный идеал героя-воина, Илья Муромец.

Перспективу исследования мы видим в моделировании лингвокультурного образа героя в целях формирования патриотического сознания молодого поколения.

Список литературы

1. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Ч. I–III / под ред. Ю. Н. Караулова, Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова, Н. В. Уфимцевой, Г. А. Черкасова. М., 1994–1998.

2. Горошко, Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента [Электронный ресурс]. URL: <http://www.textology.ru>.

3. Джамбаева, Ж. А. Ассоциативный эксперимент: методологические основы // Вестн. Евраз. нац. ун-та им. Л. Н. Гумилева 2013. №1 (92). Гуманитарные науки. С. 17–21.

4. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / Попова З. Д., Стернин, И. А. [Электронный ресурс] М., 2010. 314 с. URL: <http://zinki.ru/book/kognitivnaya-lingvistika/eksperimentalnyemetodiki/>.

5. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. Т. I. От стимула к реакции : ок. 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М., 2002. 784 с.

6. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. Т. II. От стимула к реакции : более 100 000 реакций / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М., 2002. 992 с.

7. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. М., 2004. 792 с.

8. Словарь ассоциативных норм русского языка. Прямой / под ред. А. А. Леонтьева. М., 1977. 191 с.

9. Черкасова, Г. А. Русский сопоставительный ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. М., 2008. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/RSPAS/zapusk.htm>.

Ф. А. Царикаева

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Рассматривается история изучения сложноподчиненного предложения в немецком языкознании, сводившаяся к анализу придаточных предложений и способов их связи с главным, вследствие чего в грамматике немецкого языка можно выделить различные принципы классификации придаточных частей СПП (сложноподчиненных предложений). В соответствии с первым принципом СПП приравниваются к членам простого предложения (традиционный, или синтаксический принцип), в соответствии со вторым дифференцируются исходя из значения союзов и союзных слов (семантический принцип), в третьем – сопоставляются с той или иной частью речи (морфологический принцип).

Ключевые слова: *немецкий язык, синтаксис, сложноподчиненное предложение, традиционный (синтаксический) принцип, семантический принцип, морфологический принцип.*

До XVIII в. в грамматиках германского языкознания не ставился вопрос о структуре сложного предложения, так как предложение рассматривалось как составная часть риторики, как форма суждения. Начиная с XVIII в. делаются попытки изучения предложения с точки зрения грамматической, в результате чего «периодом» стали называться любые сложные предложения, а также сложноподчиненные с одним придаточным [11. С. 260]. В конце же XVIII в. предложение определяется как суждение, выраженное словами, в противоположность чему во второй половине XIX в. в выдвинутых концепциях представителей психологического направления, основанных на понимании языка как явления индивидуального сознания, структура и грамматическая природа предложения не отражены. Так, Г. Пауль предложением считает акт соединения представлений [22. С. 121], В. Вундт, немецкий философ и психолог, определяет предложение как деление сложного целого представления на составные части [28]. Наиболее значимой для теории предложения явилось выдвинутое в первой половине XX в. И. Рисом понятие о том, что с точки зрения говорящего предложение грамматически выражает отношение его содержания к действительности [23. С. 39–58].

Более ста лет в немецком языкознании к сложноподчиненному предложению относилась единица, состоящая из главного предложения, которое отождествлялось с самостоятельным предложением, и придаточного, приравниваемого к члену простого предложения. Полагалось (со времен Аделунга вплоть

до Гейзе (Heuse), что существующие отношения внутри простого предложения могут повторяться на более высоком уровне внутри сложноподчиненного предложения [9. С. 411], что послужило основой для развития мнения в трудах представителей логического [10; 17; 18; 24] и отдельных трудах психологического направлений [21; 25], о том, что главное предложение является носителем основного высказывания, а придаточное, целью которого является выражение побочных, не имеющих важного значения мыслей – носителем второстепенного высказывания, что четко отражено и последовательно описано в грамматике Гейзе, считавшего неправильным облекание важных мыслей в формы придаточных предложений, а подчинение, по его мнению, служит для грамматического выражения зависимости мыслей с точки зрения логической [18. С. 548]. Исходя из вышесказанного термином «*der Hauptsatz*» обозначается как главное предложение в гипотаксисе (сложноподчиненном предложении), так и самостоятельное, а также все другие предложения, входящие в состав паратаксиса (сложносочиненного предложения), что является неверным, так как оформление и степень законченности высказывания главного предложения и самостоятельного предложения различны. Изначально служащий для определения придаточного предложения термин «*der Nebensatz*» [15. С. 15] впоследствии был заменен термином «*der Gliedsatz*» [23. С. 53], так как именно он в большей мере соответствует пониманию сущности придаточного предложения как члена простого предложения. В

настоящее время к придаточным предложениям применимы оба термина (*der Nebensatz, der Gliedsatz*) [7. С. 102].

Позже Г. Пауль [22] и К. Боост [13], отождествляя с членами простого предложения не только придаточное, но и главное предложение, автоматически переносят особенности простого предложения на сложноподчиненное, в результате чего К. Боост подразделяет его на тему-рему, то есть известное и сообщаемое, а Г. Пауль – на психологический субъект / психологический предикат. Недостатком данного подхода является игнорирование структурных и семантических особенностей сложноподчиненного предложения при выдвигании на передний план членения сложноподчиненного предложения (СПП) исходя из расположения компонентов внутри предложения с учетом коммуникативной нагрузки.

Нельзя согласиться с Г. Паулем, который при делении всех сложных предложений на два больших разряда (сложносочиненные и сложноподчиненные) не признавал сочинительные отношения между компонентами сложного предложения, считая возможным *reine Parataxe* («чистое» сочинение) только в случаях соединения предложений либо по принципу аналогии (*er ist krumm, sie ist schief*), либо по принципу противопоставления (*er lacht, sie weint*) [22. С. 148].

Кроме того, Г. Пауль приходит к выводу, что главное и придаточное предложения, не являющиеся в отдельности друг от друга законченными, законченными, не могут считаться предложениями. Для этого необходимым является наличие у подчиненного (придаточного) предложения спрягаемой формы глагола [22. С. 123], что является ошибочным, так как в природе существуют и такие сложноподчиненные структуры, подчиненное предложение которых не содержит какой-либо глагольной формы (в основном отсутствие глагольной формы в немецком языке встречается в побудительных поговорках, а также в некоторых сочетаниях существительных с *kein* (е), *immer*, *nur*: *Kein Aber!* – Никаких но!; *Immer Mut!* – Не робей; *Die Sache wird knapp, wenn kein Aber!* – Дело получится, если никаких «но»!).

Несмотря на то, что В. Г. Адмони рассматривает главную и придаточную части сложноподчиненного предложения, как предложения особого рода, вместе образующих синтаксическую единицу более сложного уровня, имеющих в своем составе те же члены предложе-

ния (подлежащее и сказуемое), с такими же грамматическими отношениями между ними, оформленных по таким же моделям, что и в самостоятельных предложениях, выражающих в той или иной мере законченное высказывание (за исключением некоторых главных и придаточных предложений) [1. С. 219–220], в русской грамматической традиции в это время уже придерживаются терминов «главная часть» и «придаточная часть» вместо используемых в немецкой грамматике терминов «главное предложение» и «придаточное предложение». Так, проф. В. А. Богородицкий, опираясь на структурно-смысловые отношения между частями СПП, приходит к выводу, что части любого сложного предложения, не имеющие в отдельности друг от друга уже прежнего смысла, а точнее совсем невозможны, образуют единое связанное целое [5. С. 229].

История изучения сложных предложений в немецком языкознании разное время сводилась к анализу придаточных предложений и способов их связи с главным, вследствие чего в немецкой грамматической традиции существуют различные принципы классификации придаточных частей сложноподчиненных предложений, которые в первом случае приравниваются к членам простого предложения (Л. Зюттерлин, А. Ваг, И. Рис, В. Юнг) [26; 23; 19], во втором – дифференцируются исходя из значения союзов и союзных слов (Г. Пауль) [22], в последнем – сопоставляются с той или иной частью речи (К. Ф. Беккер, О. Бехагель) [10; 12].

Согласно первому, **традиционному**, подходу (**другие названия: функциональный, синтаксический**) классификация придаточных предложений, как и в русском языкознании, строится по аналогии с членами простого предложения, отсутствующими в главном, в результате чего сторонники данной концепции в немецкой грамматике придаточные предложения подразделяют на подлежащные (*Subjektsätze*); сказуемостные (*Prädikativsätze*); определительные (*Attributsätze*); дополнительные (*Objektsätze*); обстоятельственные (*Adverbialsätze*), делящиеся в зависимости от семантического значения союза на придаточные места (*Adverbialsätze des Ortes, Lokalsätze*), временные (*Adverbialsätze der Zeit, Temporalsätze*), образа действия (*Adverbialsätze der Art und Weise*): образа действия в собственном смысле и сопутствующего обстоятельства (*eigentliche Modalsätze*), сравнитель-

ные (Komparativsätze, Vergleichsätze), степени и следствия (Adverbialsätze des Grades oder der Folge, Konsekutivsätze); причины (Kausalsätze, Adverbialsätze des Grades); цели (Finalsätze, Adverbialsätze des Zieles); условные (Konditionalsätze, Bedingungssätze); уступительные (Konzessivsätze, Einräumungssätze); ограничительные (Restriktivsätze, Einschränkungssätze).

Данная классификация является противоречивой, так как, с одной стороны, она основана на синтаксическом принципе (приравнивание придаточных предложений к членам предложения), а с другой (семантический принцип) – дифференциация обстоятельственных придаточных (места, времени, причины, условия, образа действия, имеющих, в свою очередь, подгруппы, и так далее) исходит из учета лексического значения союзов. Кроме того, одними теми же союзами, встречающимися в придаточных обстоятельственных, могут соединяться не только части СПП с придаточными обстоятельственными, но и с придаточными определительными, подлежащими, сказуемыми.

Позже Л. Зюттерлин и Г. Глинц, пытаясь разрешить данное противоречие, предложили вместо одной дифференциации две.

Так, Л. Зюттерлин выдвинул помимо синтаксической классификации еще и дифференциацию **по значению** (которая, в свою очередь, делится на две классификации: а) по вещественному содержанию, включающую те же смысловые значения обстоятельственных придаточных, что и традиционная классификация, но принимая во внимание, что данные смысловые оттенки могут встречаться также в придаточных определительных; б) по целеустановке, для которой характерны придаточные, содержащие косвенную речь) и **по форме**, подразделяющуюся на предложения с союзными словами, выраженными относительными местоимениями и наречиями, и бессоюзные предложения [27].

Однако Л. Зюттерлин, выделяя из синтаксической классификации лексическую, распределяет не только союзные предложения по значению, но и относительные.

По мнению же Г. Глинца, первая классификация сложноподчиненных предложений имеет синтаксический подход, основанный на синонимии членов предложения, а вторая – относится к лексикологии, т.к. основным критерием деления является учет семантики союзов [16. С. 437].

В основе второй классификации (**семантической**), соответствующей формально-грамматическому подходу в русской грамматической традиции, лежат грамматические средства связи сложноподчиненных предложений, при этом не принимаются во внимание другие конструктивные особенности СПП. То есть сложноподчиненные конструкции группируются в систему по внешнему (формальному признаку), по связывающему придаточное и главное предложения слову, вследствие чего придаточные делятся на относительные (Relativnebensätze); вопросительные (Interrogativnebensätze), в которых средством связи в первом случае служат относительные местоимения и наречия, во втором – вопросительные местоимения и наречия; союзные (Konjunktionalnebensätze), соединяемые союзом; бессоюзные (fügewortlose Nebensätze), которые соединяются асиндетически. Основное внимание акцентируется на условных придаточных, в которых возможен как союзный, так и бессоюзный тип связи, а также уступительных предложениях, имеющих самостоятельную классификацию, зависящую от средства связи: *уступительные придаточные предложения, присоединяемые союзами; относительные уступительные придаточные, присоединяемые местоимениями и местоименными наречиями; бессоюзные*. Данный подход является также спорным, так как система сложноподчиненных предложений не может ограничиться анализом союзов и союзных слов, не учитывая других структурных признаков рассматриваемых синтаксических единиц. Кроме того, один и тот же союз, имея разные лексические значения, может употребляться в различных типах сложноподчиненных предложений.

В начале XIX в. в немецкой грамматике представителем логического направления К. Ф. Беккером [10. С. 239] была предложена новая концепция группировки придаточных предложений по **морфологическому принципу** (не имеющая аналогов в русской лингвистической науке) в зависимости от лежащего в основе придаточного предложения *понятия*, что послужило выделению трех типов придаточных: предложений-существительных или падежных (субстантивных), предложений-наречий (адвербиальных), предложений-прилагательных (адъективных).

Данная классификация с изменениями отражена и в грамматике немецкого языка Der Große Duden (Leipzig, 1935), в которой Hauptwörtliche Sätze делятся на behauptende

(*Wer Ohren hat, der höre. Es ist bekannt, daß...*); fragende (*Ich will wissen, wo sie ist*), которыми считаются *Eigenschaftswörtliche Sätze* (*Das Beispiel, welches es gibt...*); anführende (indirekte Rede), к которым относятся *Umstandssätze: des Ortes, der Zeit, der Weise, des Grundes, des Grades, der Häufigkeit*.

Однако рассмотренная классификация в Грамматике Дуден в большей степени заключается в сочетании синтаксического, морфологического и семантического принципов.

Кроме того, обозначенные типы придаточных в свою очередь К. Ф. Беккером подразделяются между собой еще на два больших разряда: истинные (*echte Nebensätze*), заключающие в своей основе *понятие* и выполняющие функцию подлежащего либо дополнения (предложения-существительные и некоторые предложения-прилагательные), и неистинные (*unechte Nebensätze*), в основе которых находится *суждение* (предложения-наречия и часть предложений-прилагательных). Значительно позже данная концепция также была поддержана О. Бехагелем [12. С. 110–221] при описании определительных относительных придаточных и в статье В. Бранденштейна [14. С. 110–213], где он подверг критике новейшие теории придаточного предложения, высказав мнение о том, что часть придаточных имеет значение только в сочетании с главным предложением, так как в некоторых из них отсутствует и форма, и содержание самостоятельного предложения. Такие синтаксические единицы он относит к истинным, приводя в качестве примера предложения, имеющие союз *daß*, противопоставив им структуры с союзом *weil*, которые он причисляет к неистинным, имеющим только лишь внешнюю форму придаточных.

Эта теория, не получившая своего дальнейшего развития в немецком языкознании, наиболее полно разработана в русских грамматиках: одночленные/двучленные либо расчлененные/нерасчлененные структуры СПП.

Морфологический принцип в немецкой грамматике является менее верным из всех представленных систем сложноподчиненного предложения в немецком языкознании, так как в противоположность возможному функциональному отождествлению придаточных предложений членам простого предложения невозможным является сопоставление, например, с такими частями речи, как существительное или наречие, не имеющими ничего общего с придаточным.

Несмотря на то, что в немецком языкознании грамматическая теория не имеет до конца оформленных и законченных концепций, в настоящее время наибольшее распространение получила традиционная синтаксическая классификация сложноподчиненных предложений, но учитывающая при этом грамматические средства связи, зависимость придаточного предложения от главного (часто называемого в немецкой грамматике ведущим предложением), позиционное положение придаточного предложения по отношению к главному, часто называемому в немецкой грамматике *ведущим* предложением.

Кроме того, в отличие от немецкого языка, в русском придаточная часть отличается большей самостоятельностью; порядок слов в СПП русского языка относительно свободный, в то время как в немецком языке спрягаемая форма носит фиксированный характер: в главном предложении находится на втором месте, а в придаточном – на последнем.

Вопросам развития сложного предложения, становления сочинительных и подчинительных союзов, структуры сложноподчиненного предложения немецкого языка посвящены и работы отечественных германистов: В. Г. Адмони, Е. В. Гулыга, М. Д. Натанзон, Г. Н. Эйхбаум [1; 2; 3; 4; 6; 7; 8] и так далее.

Список литературы

1. Адмони, В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955. 391 с.
2. Адмони, В. Г. Исторический синтаксис немецкого языка. М., 1963. 335 с.
3. Адмони, В. Г. Основы теории грамматики. М.; Л., 1964. 105 с.
4. Адмони, В. Г. Синтаксис современного немецкого языка. Система отношений и система построения. Л., 1973. 366 с.
5. Богородицкий, В. А. Общий курс русской грамматики. М.; Л., 1935. 5-е изд. С. 229–237.
6. Гулыга, Е. В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке. М., 1971. 206 с.
7. Гулыга, У. В. Теория современного немецкого языка. Грамматика: в 2 ч. / У. В. Гулыга, М. Д. Натанзон. М., 1959. Ч. 2: Синтаксис. 175 с.
8. Эйхбаум, Г. Н. О так называемых субъектных придаточных в современном немецком языке // *Вопр. синтаксиса немецкого языка*. Вып. 2. Л., 1967. С. 51–63.

9. Die Diskussion der älteren Sachverständigen von Adelung bis Heyse... arbeitet immer konsequenter die Idee aus, daß sich das Verhältnis des Satzes zu seinen Wörtern auf höherer Stufe im Verhältnis des Satzgefüges zu seinen Sätzen wiederhole. Karl Bühler. Sprachtheori. Jena , 1934. S. 410–413.
10. Becker, K. F. Ausführliche deutsche Grammatik als Kommentar der Schulgrammatik. Frankfurt/M., 1837. S. 222–241.
11. Behaghel, O. Deutsche Syntax, Bd. IV. Heidelberg, 1932. S. 230–268.
12. Behaghel, O. Deutsche Syntax. Bd. III. Heidelberg, 1928. S. 110–221.
13. Boost, K. Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes. Berlin, 1955. S. 113–134.
14. Brandenstein, W. Kritische Musterung der neueren Theorien des Nebensatzes. Forschungen. B. 44, 1926. S. 110–213.
15. Dittmar, A. Syntaktische Grundfragen. Grimma, 1911. S. 10–44.
16. Glinz, H. Die innere Form des Deutschen. Bern, 1952. S. 400–468.
17. Herling, S. H. A. Die Syntax der deutschen Sprache, Bd. 2. Grundregeln des deutschen Stils oder der Periodenbau der deutschen Sprache. Frankfurt/M., 1827. S. 56–99.
18. Heyse, J. Ch. A. Deutsche Grammatik. Hannover – Leipzig, 1900. S. 524–552.
19. Jung, W. Klein Grammatik der deutschen Sprache. Leipzig, 1954. S. 100–166.
20. Kalepky, T. Neuaufbau der Grammatik. Leipzig – Berlin, 1928. S. 9–33.
21. Nehring, A. Studien zur Theorie des Nebensatzes I. «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung». Bd. 57. 1929. S. 101–163.
22. Paul, H. Prinzipien der Sprachgeschichte. Aufl. 5. Halle, 1937. S. 118–158.
23. Ries, J. Was ist ein Satz? Prag, 1931. S. 39–58.
24. Schötensack, H. A. Grammatik der neuhochdeutschen Sprache. Erlangen, 1856. S. 99–123.
25. Sloty, F. Zur Theorie des Nebensatzes. «Travaux du cercle linguistique de Prague», 6, Etudes dédiées au quatrième congrès de linguistes. Prague, 1936. S. 87–148.
26. Sütterlin, L. Deutsche Satzlehre / L. Sütterlin, A. Waag, Leipzig, 1925. S. 115–135.
27. Sütterlin, L. Die deutsche Sprache der Gegenwart. Leipzig, 1923. S. 96–170.
28. Wundt, W. Völkerpsychologie. B. II: Die Sprache. Leipzig, 1922. 642 S.

О. И. Шарафутдинова

РЕЧЕВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА РИТОРА В СОВЕТСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ НАЧАЛА 60-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (проект МК-1509.2014.6)
«Взаимоотношение власти и общества в СССР 1960–1970 гг.»

Анализ выступления секретаря ЦК КПСС Ф. Р. Козлова на XXII съезде КПСС позволяет выявить речевые средства создания образа ратора. Выделяются как особенности, характерные для авторского стиля, так и черты, типичные для советских раторов эпохи оттепели.

Ключевые слова: советский политический дискурс, образ власти, образ ратора, 1960-е, оттепель, КПСС, XXII съезд.

На рубеже 1950–1960-х гг. во всех сферах жизни советского общества происходят значительные изменения. Власть начинает искать новые каналы и возможности взаимодействия с обществом, что приводит к трансформации официального политического дискурса. Возникает потребность в создании, в том числе и речевыми средствами, образа власти, соответствующего текущему моменту.

Политика, цель и сущность которой составляет борьба за власть, реализуется прежде всего через язык, политический дискурс является неотъемлемой частью поля политики. В связи с этим важной проблемой становится языковое проявление власти. Как отмечает большинство исследователей, феномен власти самым тесным образом связан с принуждением. Власть определяется как возможность навязывания своей воли другим вопреки сопротивлению, как право коллективного агента накладывать обязательства и принуждать к действиям. В коммуникативном плане власть проявляется в способности заставить других принять выгодную для говорящего интерпретацию действительности, то есть в принуждении к точке зрения.

В настоящей статье мы анализируем речевые средства создания образа ратора в публичной речи шестидесятых годов XX столетия на примере выступления Ф. Р. Козлова на XXII съезде КПСС. XXII съезд партии проходил в Москве в 1961 г. Здесь была принята новая программа КПСС, давшая теоретическое обоснование и наметившая конкретные этапы построения в СССР коммунизма к 1980 г. Были предприняты шаги по перестройке пар-

тии – внесены изменения в Устав КПСС [4]. Выбор данного материала обусловлен тем, что, с одной стороны, секретарь ЦК КПСС принадлежал к верхушке советской политической системы и исходя из своего статуса мог выступать выразителем официальной позиции партии, с другой – должность секретаря ЦК была в значительной степени связана с делопроизводством и не предполагала большого количества публичных выступлений, в отличие от Первого секретаря ЦК КПСС.

На съезде 28 октября 1961 г. Ф. Р. Козлов выступил с речью: «Об изменениях в Уставе Коммунистической партии Советского Союза». Речь произносится на съезде КПСС, аудитория – члены этой партии, а говорящий – секретарь ЦК КПСС. Таким образом, адресант и адресат речи фактически представляют собой единую группу, характеризующуюся общими интересами, целями и использующую один язык. Следует также принять во внимание определенную общность говорящего и аудитории, что облегчает достижение коммуникативной цели ратора.

Тема данного выступления заявлена в названии доклада – «Об изменениях в Уставе Коммунистической партии Советского Союза», она определяет основное его содержание. Первый фрагмент, который мы анализируем, можно обозначить как вступление ко всему докладу, чем определяются и особенности его содержания – общие замечания об изменениях в Уставе, рассуждения о положении партии, ее роли в жизни страны. Данные особенности связаны со стремлением ратора создать определенный эмоциональный настрой у реципи-

ентов и основание для более подробного освещения вопроса в дальнейшем. Таким образом определяется наличие в тексте общих мест и известных фактов.

Исследование вопроса о речевых средствах создания образа ратора в структуре данного текста можно начать с изучения композиционных особенностей речи. Вступление в этом фрагменте задает тон всей речи – пафосный и торжественный. Достигается подобный эффект за счет 1) употребления эпитетов – оценочных (типа «волнующие, радостные дни»); устойчивых (например, «славная ленинская коммунистическая партия»); подобные эпитеты представляют собой устойчивые развернутые номинации и могут быть приравнены ко штампам); 2) использования олицетворения («радостные дни *переживает* партия»; партия предстает как нечто живое и живущее, автономный организм, способный на самостоятельные действия); 3) определения масштабов и значения происходящих событий («приковано... внимание всего советского народа, всего человечества» – повторяется местоимение «все» в сочетании с расширением понятия: народ – человечество).

Далее ритор переходит непосредственно к освещению деятельности съезда [2]. Первое, о чем здесь говорится, – «доклад о проекте новой Программы» Н. С. Хрущева. Следовательно, это главное событие съезда, в том числе и для адресанта. Здесь же обосновываются причины создания новой Программы: «XXII съезд... – съезд строителей коммунизма с огромным подъемом обсудил...». Таким образом, становится очевидным необходимость этой Программы для строительства коммунизма, а также ее восприятие аудиторией – «огромный подъем» (примечательно, что данное словосочетание можно отнести к речевым ошибкам, но подобное использование данных слов создает особый эмоциональный настрой при восприятии этого события).

Общее содержание речи выстраивается следующим образом: 1) вступление; 2) определение доклада о новой Программе как главного события съезда; 3) значение и общее содержание докладов Н. С. Хрущева; 4) историческое значение XXII съезда и принятия новой Программы партии; 5) характеристика Хрущева; 6) задачи, выдвигаемые новой Программой (строительство); 7) историческое значение партии; 8) место Устава в жизни партии; 9) о новой Программе и ее значении; 10) обоснование

изменений Устава и принятия новой Программы; ее соотношение с ленинскими принципами; 11) история партии в ближайшие годы, ее роль; 12) значение нового Устава в этом свете; 13) Коммунистическая партия и победа социализма как историческое достижение; 14) место марксизма-ленинизма в деятельности партии; 15) мировое значение КПСС; 16) строительство коммунизма в СССР как интернациональный долг; 17) соответствие изменений в Уставе КПСС новым великим задачам коммунистического строительства.

Таким образом, целью ратора является обоснование необходимости изменений в Уставе партии. Однако данный фрагмент носит характер вступления, введения к основной части (последующему выступлению) и скорее создает эмоциональный настрой. В связи с этим можно говорить о ритуальном характере текста. Кроме того, для отдельных частей данной речи характерно ослабление логических связей. Благодаря ритуальному характеру текста многие фрагменты являются общими местами, при этом повторяются несколько раз в разной оформленности (например, о значении партии, ее роли), поэтому могут быть исключены из структуры текста без особого ущерба для нее. Общие места имеют большое значение при воздействии на реципиента, поскольку оперируют некими ценностями, признаваемыми всеми (или большей частью аудитории), и апеллируют к апперцепционной базе адресатов, позволяя быстрее усваивать, принимать и признавать новую информацию. Данная композиция характеризует ратора как человека, знакомого с мифами общественного сознания и способного оперировать ими.

Анализ местоимений указывает на то, что ритор не определяет себя как личность, как отдельное «я», то есть авторская индивидуальность в данном тексте совершенно нивелирована. Происходит то, что отмечает П. Сериио: субъект подчиняется некому универсальному субъекту путем идентификации [3]. Действительно, речевой стандарт относительно образа ратора предполагает полное отождествление говорящего с неким целым – аудиторией, партией, народом. В данном случае адресант полностью принимает эти «правила игры», и выражение его личности в эксплицированной форме отсутствует. Для данного текста характерно употребление местоимений «наш» и «весь» («все»).

«Наш»: «наш съезд», «наша партия» («наша славная ленинская партия»), «наша борьба».

Адресант включает себя в широкую группу, которую составляет и аудитория, и народ. Позиция говорящего – единство с аудиторией, которое приводит к отсутствию собственного мнения. С этой точки зрения, речь также превращается в ритуал, поскольку называет уже известные факты. Таким образом, подтверждается основной вывод о том, что основной целью ратора является произнесение ритуальной речи и создание определенного настроения у аудитории (в данном случае – благоприятного для восприятия основной части выступления).

«Весь»: «весь народ» («весь советский народ»); «всего человечества». Употребление данного местоимения служит следующим целям: 1) расширение референтной для адресанта группы; 2) подчеркивание единства и сплоченности группы.

Таким образом, анализ употребления местоимений позволяет сделать вывод о том, что в данном тексте говорящий полностью отождествляет себя с группой людей, расширяя границы этой группы местоимением «весь»: ритор = аудитория = весь советский народ = все человечество. В то же время в соответствии с речевым стандартом и идеальным представлением о личности, характерным для данной эпохи, ритор осознает свою деятельность в широком контексте и свою причастность как ко «всему советскому народу», так и ко «всему человечеству».

Для текста характерно наличие большого количества штампов. Т. Г. Винокур отмечает, что шаблон и штамп возникают по объективным причинам не только внеязыкового, но и внутриязыкового порядка – как следствие перехода количества в качество там, где его не должно быть (в образном словоупотреблении), – и потому являются не только неизбежной, но и информативно необходимой принадлежностью специфических жанров и сфер речевого общения [1]. В данном выступлении можно отметить употребление штампов двух типов. Во-первых, это те понятия, которые обозначают существующие объекты или явления и употребляются с определенными эпитетами. Так создается некое устойчивое словосочетание (типичный пример – «наша славная ленинская партия», «период развернутого строительства коммунизма»). Другой тип представляет собой собственно речевые обороты, фактически не обозначающие предметов реальной действительности и чаще всего позволяющие ввести какой-либо аргумент или создать опре-

деленное восприятие (например, «гигантское воздействие», «коренные вопросы/задачи», «вскрыты главные тенденции» и т. п.).

Анализ выразительного аспекта данного текста выявляет следующие особенности. Во-первых, ритор не использует риторические фигуры. Таким образом, фактически устраняется мощное средство воздействия на аудиторию, требующее от адресанта определенных навыков владения речью. Во-вторых, значительное место в тексте занимают выразительные средства специфического характера: наряду с употреблением устойчивых эпитетов, можно отметить использование эпитетов оценочных. К таковым в данном тексте мы относим: «величественные задачи» (Коммунистической партии), «героическая летопись» (Коммунистической партии), «великая программа» (строительства коммунистического общества), «гигантская созидательная деятельность», «гигантское воздействие», «небывалое идейное единство и сплоченность», «величественный гимн всепобеждающим идеям марксизма-ленинизма», «творческая мысль всей партии», «творческая работа» и т. п. Подобные эпитеты, с одной стороны, характеризуются стремлением к преувеличению, гиперболизации и глобализации явлений (великий, величественный, гигантский), с другой – определяют восприятие данного объекта. Примечательно в данном плане определение «ленинский» («ленинское единство партийных рядов», «ленинские нормы партийной жизни», «ленинские принципы»), которое не столько соотносится с реально существовавшим историческим лицом, сколько является неким позитивным определением, концентрирующим положительный смысл, то есть становится оценочным эпитетом, причем оценивается положительная сторона объекта.

Кроме того, в данном тексте можно отметить следующие особенности. Во-первых, синтаксис, свойственный, скорее, литературному языку. Автор широко использует предложения с однородными членами, сложные предложения, затрудняющие восприятие текста. Например, «КПСС активно *содействует* укреплению *единства* международного коммунистического движения, братских *связей* с великой армией коммунистов всех стран, *координирует* свои действия с усилиями других отрядов мирового коммунистического движения для совместной борьбы за *мир, демократию, социализм*»; «Долг коммуниста – неустанно *способствовать формированию*

и воспитанию человека коммунистического общества, вести решительную борьбу с любыми проявлениями буржуазной идеологии, с остатками частнособственнической психологии и другими пережитками прошлого, быть примером в соблюдении норм коммунистической морали, всегда и во всем общественные интересы ставить выше личных». Во-вторых, обязательные ссылки на знаковые фигуры современности (фактически апелляция к авторитету) – «великий Ленин учил»; «в... докладах съезду товарищ Н. С. Хрущев подвел итоги...»; «во главе с товарищем Н. С. Хрущевым»; «сказал Н. С. Хрущев» и т. п. В-третьих, специфика словоупотребления, которую условно можно обозначить как «лексика борьбы» – «десяти-миллионная армия передовых борцов», «привела к победе», «совместная борьба», «наша борьба», «крепость и боеспособность» и т. п. Подобный лексический отбор выстраивает особую картину современности, главной чертой которой является борьба.

В следующей части данного текста – «Строительство коммунизма и повышение звания члена партии» – основные характеристики образа автора сохраняются. В связи с этим представляется целесообразным подробнее остановиться на дополнительных чертах, характеризующих образ ратора и отсутствующих в первом фрагменте.

В самом начале выступления определяется тезис о «повышении звания члена партии», который представляет собой основное положение речи и ее ударный аргумент, подтвержденный словами из Программы (апелляция к авторитету). Заявление говорящего предстает не просто как его личное убеждение, но подкрепленное и определенное, в первую очередь, в авторитетном документе утверждение. Таким образом, во-первых, определяется принцип построения речи (тезис и его подтверждение), а во-вторых, этот тезис сразу утверждается как незыблемая истина.

Между тем здесь также присутствует такая композиционная особенность, как ослабление логических связей между отдельными фрагментами и даже внутри них. Например, в восьмом абзаце: советский народ – авангард всего общества – марксизм-ленинизм – его идеология – коммунист должен руководствоваться этой теорией, быть ее активным пропагандистом – прославление творческой активности советских людей, их высокой сознательности.

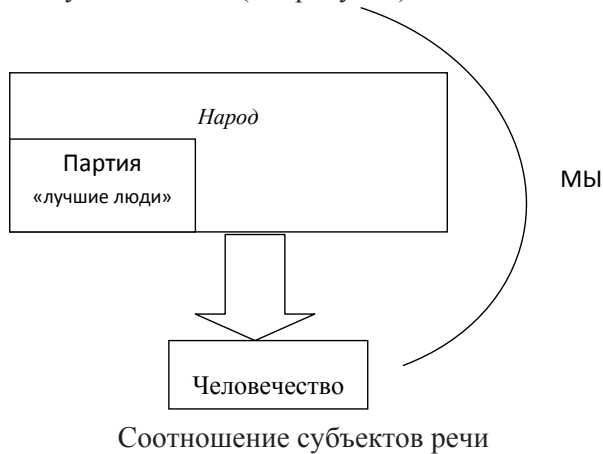
Для авторского словоупотребления в данном тексте характерны следующие черты. Во-

первых, нарушение речевых норм, например: 1) «хранить в чистоте и высоко держать звание коммуниста». Данное выражение представляет собой штамп в сочетании с нарушением фразеологизма (высоко держать знамя); 2) «все источники общественного богатства полились полным потоком»; 3) плеоназм «человеческое общество», «первая жизненная потребность» и т. д. Во-вторых, смешение стилей. Так, в тексте употребляются наряду со словами высокого стиля (например, «начертанные») разговорные выражения («заянство», «очковитательство», «нынешний» и т. п.). Однако подобное употребление разговорных элементов в публичной речи можно считать оправданным, потому что задается авторитетными для этого времени источниками.

В тексте мы видим представление ратора о будущем, отражающее общую стандартную картину, – своеобразную экспансию в будущее. Здесь мы имеем в виду «коммунизм / строительство коммунизма» как обязательную составляющую каждого текста. Так, выражение «коммунизм делает жизнь человека обеспеченной, радостной и счастливой» представляет собой утверждение, принимаемое как аксиома и не требующее доказательств (апелляция к нравственным ценностям, всем известный факт). С другой стороны, существует четкая программа воплощения идеала: «к созданию материально-технической базы коммунизма». Коммунизм – идеальное будущее, по сути миф, утопия. Однако подчеркивается реальность его достижения через обращение к фактам, материальным объектам.

Особого внимания заслуживает представление о соотношении субъектов речи. В этом ряду находятся партия, народ, некое всеобщее «мы» и все человечество как итог. Для характеристики партии важны следующие определения и утверждения: 1) партия – авангард советского народа, 2) «партия будет и впредь пополнять свои ряды за счет наиболее сознательных и активных членов нашего общества». Таким образом, создается представление об этом объекте как главной ценности и лучшем достижении советского народа, передовом явлении в советском обществе, подчеркивается престиж партии и звания коммуниста. Кроме того, партия выступает в данном тексте как отдельный действующий субъект, о чем свидетельствуют конструкции, где «партия» является агенсом: «партия будет и впредь пополнять свои ряды...», «в жизни партии». Соотноше-

ние между субъектами речи можно отразить в следующей схеме (см. рисунок):

Таким образом, в данном тексте ритор полностью отождествляет себя с группой людей, расширяя границы этой группы местоимением «весь»: оратор = аудитория = весь советский народ = все человечество. В то же время в соответствии с речевым стандартом и идеальным представлением о личности, характерным для данной эпохи, адресант осознает свою деятельность в широком контексте и свою причастность как ко «всему советскому народу», так и ко «всему человечеству». Наличие нескольких субъектов в тексте позволяет выявить их соотношение. Так, с одной стороны, партия = народ = «мы» (включая «я») = «все человечество». С другой стороны, можно отметить присутствие определенной иерархии: партию составляют

лучшие люди народа, советский народ представляет собой авангард мирового сообщества. Тогда возникают противоречия в данных составляющих, поскольку последнее распределение ролей не предполагает однозначного включения в одну группу («мы») в силу определенной обособленности каждой из них.

Регламентированность речевых средств создания образа ратора (устойчивые эпитеты; определения, выражающие стремление к гиперболизации и глобализации; обязательная ссылка на авторитеты и отступления о роли партии, советском народе, строительстве коммунизма; штампы как неотъемлемая составляющая авторского и коллективного сознания и т. п.) свидетельствует о стандартизованности образа ратора, репрезентирующего образ власти в советском политическом дискурсе 60-х гг. XX в.

Список литературы

1. Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. М., 1993.
2. Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961.
3. Серио, П. О языке власти: критический анализ // Философия языка: в границах и вне границ / Ю. С. Степанов, П. Серио, Д. И. Руденко и др. Харьков, 1993. Т. 1. С. 83–100.
4. Фокин, А. А. «Коммунизм не за горами»: образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. Челябинск, 2013.

ОБРАЗ АВТОРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ: ОТРАЖЕНИЕ ОТРАЖАЕМОГО

Анализируется понятие «образ автора» в художественном тексте. Понятие определяется в ряду смежных понятий – компонентов текста, на основе которых возможно выявление признаков, формирующих образ автора произведения. Формулируются критерии разграничения языковых компонентов текста, относящихся к поверхностному или глубинному (смысловому) уровню его структуры.

Ключевые слова: художественный текст, образ автора, поверхностный и глубинный уровень текста, интерпретация.

Автор в художественном произведении может изучаться с различных позиций. Связано это с тем, что проявление автора в тексте художественного произведения может иметь различный характер. Это вполне естественно, если учитывать, что создатель проявляется на всех уровнях своего творения.

Автор – это, прежде всего, реальный человек, писатель, автор художественного произведения. С этой точки зрения может изучаться его биография или его литературное наследие. Биографический или реальный автор чаще всего не совпадает с автором-повествователем, то есть образом автора (голосом автора) художественного произведения в сознании читателя. Например, автор с тонким чувством юмора может быть в жизни очень сдержанным человеком.

Изучение биографического автора не представляется сложным, если, конечно, сам автор не скрывает подробности своей биографии. В качестве примеров для анализа в статье предлагаются фрагменты из произведения В. Пелевина, информацию о котором найти достаточно сложно. По данным сайта <http://ru.wikipedia.org>, «автор практически не появляется на публике, очень редко дает интервью и предпочитает общение в Интернете. Все это стало поводом для разных слухов: утверждалось, например, что писателя вообще не существует, а под именем “Пелевин” работает группа авторов или компьютер». На сайте творчества автора <http://www.pelevin.info> размещены статьи о его произведениях, что является, пожалуй, основным источником информации. О самом писателе можно узнать только на стартовой странице, в интервью и на фото он всегда в темных очках.

Автор-повествователь, или образ автора, находится в области читательского восприя-

тия, интерпретации, что также делает изучение достаточно непростым. Четкой методики анализа не существует, объект изучения трактуется очень широко. Все эти факторы определяют актуальность исследования. В настоящей статье мы попытаемся описать основные понятия, связанные с изучением образа автора и компонентов текста художественного произведения, на основе которых возможно выявление признаков, формирующих образ автора.

В. В. Виноградов считает, что образ автора складывается из языковых особенностей текста, которые составляют его индивидуальную принадлежность, являются авторскими. В силу того, что термин не совсем четко определяется и многое включает, существуют смежные понятия, конкретизирующие изучаемый в разных случаях предмет.

По мнению В. В. Виноградова, основным определителем образа автора служит отношение автора к теме [Цит. по: 4. С. 56]. *Авторская позиция*, или *авторская модальность*, также понимаются как авторское отношение к изображаемому. Это выражается на содержательном уровне через семантические доминанты и особенности мотивной структуры [6. С. 167]. Фактически выявление характеристик авторской модальности может опираться на анализ заглавия, ключевых слов, имен собственных и ремарок художественного произведения. А. Б. Есин также использует термины *авторская позиция*, *авторская оценка* и даже *авторский идеал*. Последнее определяется как «представление писателя о высшей норме человеческих отношений, о человеке, воплощающем мечты автора о том, какой должна быть личность» [3. С. 38]. Понятие авторского идеала как бы перешагивает границы текста и приближается к понятию *авторская картина*

мира. В рамках данного понятия художественное произведение определяется как метафора авторского видения мира и человека в его эмоциональной оценке [5. С. 39]. Творчество автора направлено на читателя и предполагает определенную прагматическую установку, которая тоже может быть предметом изучения. Прагматическая установка предполагает воздействие автора текста на направление интерпретации текста читателем. Прагматика автора может вмешиваться в прагматику текста (требования стиля и жанра) для реализации идей автора, большей выразительности [1. С. 14–15].

Анализ языка текста также связан с понятием *идиостиля*. В отличие от рассмотренных выше понятий, идиостиль предполагает особенности формы выражения, анализ языковой преференции автора в отношении отбора языковых средств. Образ автора будет предполагать также изучение форм(ы) авторского присутствия в тексте и формы авторского сознания, так как для понимания произведения важно отделять позицию автора от позиции персонажей. Видится логичным использовать именно понятие «образ автора», так как оно обобщает различные стороны изучения литературного произведения и предполагает комплексный анализ. Итак, образ автора вбирает все компоненты смысла, формирующие у читателя представление об авторской картине мира и его позиции, идее по отношению к проблематике произведения, прагматической установке, что выражается в идиостиле писателя.

Образ автора в художественном произведении может быть выявлен на *поверхностном* и *глубинном* (смысловом) уровне. Поверхностный уровень предполагает те компоненты текста, где читатель может понять авторскую позицию без привлечения дополнительных фоновых знаний, где автор «напрямую» говорит со своим читателем. Глубинный уровень также предполагает эксплицитно выраженные языковые средства. Но они приобретают определенный смысл в только контексте произведения или в контексте определенной культуры и требуют интерпретации с привлечением экстралингвистической информации.

На поверхностном уровне образ автора может выражаться в так называемых «рамочных компонентах», к которым относят заглавие, эпиграф, начало, концовку, посвящение, авторские примечания, предисловие, послесловие. Однако эти компоненты композиционной

структуры – это всего лишь указатели поиска характеристик образа автора, которые не исключают и использования компонентов, заключающих в себе подтекст, глубинный смысл. Анализируемый роман В. Пелевина называется *Чапаев и Пустота*. Первое имя подразумевает реального человека и определенный миф. Оно, вероятно, служит декорацией для сюжета, определяя детали повествования, так как история Чапаева напрямую никак не связана с проблематикой произведения. В наивной картине мира Чапаев ассоциируется с его адъютантом Петром Исаевым, известным в народном фольклоре как Петька, что и определяет выбор имени второго героя Петра Пустоты. Пустота – центральное понятие романа, символ, обозначающий мировидение автора, его философию. По мнению литературных критиков, имена героев в данном произведении обретают метафизический статус: они значат больше, чем обозначают. Перед нами яркий пример общей тенденции в современной прозе – деперсонализации героев. Героями становятся определенные рациональные/иррациональные сгустки авторской воли [2]. Образ автора также может выражаться на поверхностном уровне в лирических отступлениях, композиции, в особом отборе лексики, характеризующей идиостиль автора, ключевых словах, ремарках.

Следующей областью локализации автора в тексте на поверхностном уровне может быть тип повествования. Организация художественного произведения с точки зрения повествования обозначает *авторское присутствие в тексте* [7. С. 5]. Тип повествования может быть двух видов: повествование от первого и от третьего лица. Е. И. Орлова на основе сложившейся традиции предлагает обозначать лицо, от имени которого идет повествование, *рассказчиком* (1 лицо) и *повествователем* (3 лицо).

Разновидностями типа авторского присутствия в повествовании от первого лица будут:

- автор-рассказчик;
- герой-рассказчик;
- рассказчик, не являющийся героем.

Автор-рассказчик строит повествование как беседу с читателем, вступает в диалог с героями, выражает свое отношение к происходящему. Герой-рассказчик принимает участие в событиях. Рассказчик, не являющийся героем, сам служит предметом изображения, он отдельная фигура, персонаж. Его рассказ характеризует не только других персонажей и события, но и его самого [7. С. 12–16].

Разновидностями авторского присутствия в повествовании от третьего лица будут следующие типы:

- авторское повествование;
- несобственно-авторское повествование;
- несобственно-прямая речь повествователя.

При авторском повествовании автор «растворен» в тексте, за счет чего достигается эффект объективности изображаемого. В случае несобственно-авторского повествования речь повествователя как бы вбирает в себя голос героя, что может происходить в рамках определенного отрезка текста или предложения. Автор словно передает мысли и чувства героя. Если голос героя в повествовании доминирует по сравнению с голосом автора, это относят к несобственно-прямой речи.

Последние две разновидности могут быть трудно отграничиваемы друг от друга, поэтому возможно также выделить в рамках повествования от третьего лица разновидность с преобладанием плана автора (*собственно авторское повествование*) и разновидность с преобладанием плана персонажа (*несобственно-авторское повествование* и несобственно-прямая речь), когда речь повествователя совмещается с голосом героя [7. С. 6–10].

В романе В. Пелевина повествование начинается с эпиграфа:

«Глядя на лошадиные морды и лица людей, на безбрежный живой поток, поднятый моей волей и мчащийся в никуда по багровой закатной степи, я часто думаю: где Я в этом потоке?»

Чингиз Хан

Я противопоставляется *безбрежному потоку*, подчеркивает ничтожность, слабость отдельной личности по отношению к потоку жизни, истории, времени, вечности. Даже такие выдающиеся личности, как Чингиз Хан, покоровшие многие народы, чувствуют на этом фоне свое бессилие. Тему вечности и философскую проблематику поддерживает и сочетание *мчащийся в никуда*. Никуда, ничто – ключевые понятия буддийской философии – вводят ключевые понятия романа.

В предисловии используется авторское повествование, где автор скрывается за маской Ургана Джамбон Тулку VII, председателя Буддийского Фронта Полного и Окончательного Освобождения (ПОО (б)). Здесь автор знакомит читателя с формой будущего повествования, временем и местом, типом повествования, главным героем. Смысл выражается эксплицитно:

«Имя действительного автора этой рукописи, созданной в первой половине двадцатых годов в одном из монастырей Внутренней Монголии, по многим причинам не может быть названо, и она печатается под фамилией подготавлившего ее к публикации редактора. Из оригинала исключены описания ряда магических процедур, а также значительные по объему воспоминания повествователя о его жизни в дореволюционном Петербурге (т. н. «Петербургский Период»). ... История, рассказываемая автором, интересна как психологический дневник...».

Далее мы имеем дело с героем-рассказчиком: «Тверской бульвар был почти таким же, как и два года назад, когда я последний раз его видел». Авторское сознание сливается с сознанием героя. Автор говорит с читателем от его лица. Стиль писателя, однако, нельзя назвать простым. Он изобилует символами, образами, аллюзиями, требует знания не только русской культуры и действительности, но и буддийской философии и религии Востока. Понимание возможно только на глубинном уровне. В этом случае анализируются те компоненты произведения, которые предполагают скрытый смысл или их смысл выводится, суммируется из определенной комбинации, сочетания, взаимодействия языковых компонентов системы текста, может возникать в сознании воспринимающего только при прочтении всего произведения или его частей и включения текста произведения в контекст экстралингвистической информации, подключения его к системе текстов, то есть рассмотрения его как дискурса.

Анализ на глубинном уровне состоит в изучении темы, проблематики и идеи художественного произведения. Тема или тематика произведения представляет собой объект изображаемой художественной действительности, фон для формулировки проблемы или проблематики произведения. Проблематика предполагает круг вопросов, которые волнуют автора и являются мотивом создания произведения. Свое решение поставленных вопросов автор также предлагает как художественную идею произведения, возможно, с обрисовкой идеального представления, всегда с выражением авторской оценки. Научный анализ художественного произведения на этом уровне предполагает фиксацию субъективных впечатлений и произвольных ассоциаций [3. С. 38].

На уровне конкретных компонентов текста анализу подвергается изображенный в художе-

ственном произведении мир. Он представлен художественными деталями, характеризующими объект описания, или деталями-символами, характеризующими суть, смысл явления или объекта. Объектом описания может быть портрет, пейзаж, вещный мир, внутренний мир героя или какое-то событие, имя. Изображенный мир В. Пелевина граничит с реальностью. С одной стороны, это реальность привычная, с другой – абсолютно фантастическая. Пределом постоянного переключения реальностей в сознании героя является стирание грани между двумя мирами.

Таким образом, двигаясь от анализа определенных компонентов текста с эксплицитно выраженными характеристиками образа автора, через описание изображенного мира с его деталями к проблематике и идее произведения, можно выявить характеристики, описывающие образ автора на поверхностном и глубинном уровне.

Список литературы

1. Валгина, Н. С. Теория текста : учеб. пособие. М., 2003. 173 с.
2. Закурченко, А. Структура и истоки романа В. Пелевина «Чапаев и пустота», или роман как модель постмодернистского текста [Электронный ресурс]. URL: <http://www.topos.ru/article/4032>.
3. Есин, А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения : учеб. пособие. М., 2000. 248 с.
4. Купина, Н. А. Лингвистический анализ художественного текста : учеб. пособие. М., 1980. 75 с.
5. Латкина, Т. В. Языковая картина мира автора // Современные проблемы науки и образования. Филологические науки. 2010. №5. С. 39–44.
6. Николина, Н. А. Филологический анализ текста : учеб. пособие. М., 2003. 256 с.
7. Орлова, Е. И. Образ автора в литературном произведении : учеб. пособие. М., 2008. 44 с.

А. А. Яковлев, С. В. Телешева

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА

С целью изучения языковой картины мира преподавателя вуза и его отношения к окружающей действительности был проведен свободный ассоциативный эксперимент среди преподавателей Сибирского федерального университета. Данные, полученные в ходе эксперимента, были проанализированы и разделены на группы по разным признакам. В результате анализа были сделаны выводы об особенностях языковой картины мира преподавателя вуза.

Ключевые слова: *языковая картина мира, свободный ассоциативный эксперимент, эмоциональная окраска, психолингвистика.*

Понятие *картина мира* относится к числу очень широких понятий, активно функционирующих во многих областях науки, в лингвистике же используется термин «языковая картина мира» (в отличие от таких, например, как физическая картина мира, этическая картина мира и т. п.).

Многие авторы понимают языковую картину мира (далее – ЯКМ) как социальное явление, связанное с культурными ценностями [1; 5], другие же авторы рассматривают ЯКМ с позиций индивидуального сознания, в котором ЯКМ является отраженным средствами языка образом реального мира [3; 6]. Стоит отметить, что так как ЯКМ состоит из языковых значений, присвоенных индивидом и используемых им для целей общения, но значения эти не изобретаются всякий раз самим индивидом, а являются продуктом общественного взаимодействия людей, то это и обуславливает, во-первых, то, что значения не « витают в воздухе », а существуют только в сознании индивида, а во-вторых, то, что они социально выработаны. Значения как бы ведут двойную жизнь, являясь и продуктом общественных отношений людей и частью индивидуального сознания отдельного человека [4. С. 100–103]. Между этими двумя аспектами значения слова сложная диалектика.

Изучение ЯКМ как части индивидуального сознания ставит исследователя перед необходимостью рассматривать язык не как абстрактную систему знаков, но как достояние индивида, то есть психолингвистически – как динамическую систему опор и ориентиров, помогающую человеку осуществлять ту или иную деятельность. Значение слова «живет» в сознании человека как продукт и одновременно средство переработки речевого опыта

и вообще опыта познания мира и общения, обеспечивая «выход» на некоторый фрагмент образа мира, что подразумевает эмоционально-оценочное переживание значения слова [2. С. 187]. Психолингвистический подход позволяет, таким образом, выявить не только связи значения конкретного слова со значениями других слов, но и то место, которое значение занимает в образе мира индивида, включая эмоционально-оценочные переживания, которые этим словом вызваны и которые оказывают влияние на восприятие действительности и осуществление деятельности.

С целью изучения языковой картины мира преподавателя вуза и его отношения к окружающей действительности (рабочей среде, коллегам, студентам) был проведен свободный ассоциативный эксперимент. Эксперимент проводился весной 2014 г., в нем были задействованы 35 преподавателей Сибирского федерального университета (г. Красноярск), их возрастная состав и гендерная принадлежность не учитывались. Эксперимент можно разделить на две части, первая из которых относится к образу студента в ЯКМ преподавателя вторая – к образу его рабочей среды. Но задания обеих частей давались каждому испытуемому сразу. Всего была получена 1041 реакция, а также 3 отказа отвечать на вопрос. Данные, полученные в ходе эксперимента, были проанализированы и разделены на семантические (или, можно сказать, тематические) группы; цифра в скобках рядом с реакцией означает количество таких же ответов среди всех испытуемых, отсутствие цифры означает, что подобный ответ встречается лишь однажды.

Начнем с первой части эксперимента. Испытуемым (далее – Ии.) было предложено

дать ассоциации (от трех до пяти слов любой части речи или словосочетаний) на стимулы «Ваши студенты», «Идеальный студент», «Ваша роль, функция по отношению к Вашим студентам», «Роль, функция идеального преподавателя».

Анализ результатов 156 реакций на стимул «Ваши студенты» показывает, что ответы Ии. можно разделить на положительные и отрицательные. Наиболее частотными положительными реакциями стали: *активные* (6), *умные* (5), *сообразительные* (4), *способные* (3), *общительные* (3), *хорошие* (2), *трудолюбивые* (2), *талантливые* (2), *ответственные* (2), *интересные* (2), *добрые* (2), *веселые* (2) и др. Отрицательные характеристики типичного студента отражаются следующими реакциями: *ленивые* (8), *апатичные* (3), *наглые* (3), *безалаберные* (2), *безразличие*, *безразличные*, *беспечность*, *недобрые*, *не интересующиеся*, *нелюбознательные*, *неответственные*, *низко развитые* и др. Можно также выделить следующие подгруппы: реакции, относящиеся к умственным способностям, и реакции, относящиеся к другим личностным характеристикам. К реакциям, характеризующим умственные способности студентов, относятся: *умные* (5), *сообразительные* (4), *способные* (3), *талантливые* (2), *безграмотные*, *знающие*, *эрудированные*, *начитанные*, *низко развитые*, *ограниченные*, *нелюбознательные*, *плохо воспринимающие* и др. Другие особенности характера студентов представлены такими реакциями, как *активные* (6), *общительные* (3), *хорошие* (2), *трудолюбивые* (2), *ответственные* (2), *интересные* (2), *добрые* (2), *веселые* (2), *ленивые* (8), *апатичные* (3), *наглые* (3), *безалаберные* (2), *шумные* (2), *амбициозные* (2), *безразличие*, *безразличные*, *беспечность*, *активность на занятиях*, *дисциплинированные*, *добросовестные*, *дружные*, *жизнерадостные*, *замкнутые*, *злые*, *изобретательные*, *инициативность*, *инициативные*, *интересующиеся*, *инфантильные*, *исполнительные*, *лоботрясы*, *самоуверенные*, *смешные*, *собранные*, *целеустремленные*, *энергичные* и др. Интересно, что во вторую подгруппу реакций входят преимущественно черты характера, которые описывают поведение личности в коллективе и обществе, жизненную позицию и личностные характеристики, к тому же такие реакции более разнообразны.

Обозначенные тенденции могут означать, что преподаватель видит в студенте, прежде всего, человека, личность, обладающую толь-

ко ей присущими чертами. С другой стороны, однако, приведенные результаты могут говорить о стремлении преподавателя генерализовать – переносить свое мнение о студенте на его личность в целом, а также переносить собственное мнение о конкретных студентах на всех студентов вообще, например, *ограниченные*, *добрые* (2), *безграмотные*, *инициативные*, *дружные*, и так далее. Примечательно также, что, несмотря на индекс 6 такой реакции, как *активные*, частотные реакции с негативной коннотацией по сути своей представляют студента ленивого и безынициативного, а частота реакции в виде прилагательного *ленивые* достигает восьми, что довольно масштабно в рамках сравнительно небольшого исследования. Это говорит, видимо, о том, что преподавателям чаще свойственна генерализация отрицательных характеристик поведения студентов, нежели положительных.

Затруднения были представлены в отнесении в какую-либо коннотативную группу таких слов, как *амбициозные* (2), *шумные* (2) и подобных, так как не вполне ясно, оценивает ли преподаватель эти черты как отрицательные или как положительные. Такие реакции, как *нормальные* (2) и *обычные* (2) говорят, видимо, о тенденции не выделять особенных черт в студенте, представляя его «типичным», «таким, как все», сам студент как индивид теряется в коллективе (*чумные кабаны*). Тем не менее, реакции *разные* (2), *своеобразные* могут говорить о том, что преподаватель затрудняется подводить всех студентов под одну характеристику, рассматривая каждого из них как отдельную личность.

Преподаватели рассматривают каждого студента одновременно и как личность, и как часть коллектива, проявляя при этом и со своей стороны большую долю субъективизма и эмоциональности. Среди подобных парадоксальных реакций преимущественно встречаются описание умственных способностей либо особенностей поведения в коллективе и дисциплинированности. Для Ии. студент довольно умен (*умные* (6)), но не находит в себе мотивации к обучению (*ленивые* (8), *безалаберные* (2)), проявляя себя как часть коллектива, вместе с которым учится (*общительные* (3)).

В качестве результатов задания описать «идеального студента» было получено 144 реакции. В данном случае мы, соответственно, не можем выделять положительные и отрицательные черты, но представляется возможным

разделить реакции на семантические группы, определяющие качества, приписываемые студенту. В результате анализа реакций были выделены следующие группы черт: отношение к труду, обладание знаниями, научная деятельность, способность быть дисциплинированным (мы приведем их в сравнении с реакциями предыдущего задания).

Итак, отношение к труду: *активный* (5), *исполнительный* (5), *креативный* (3), *трудолюбивый* (3), *целеустремленный* (3), *целеустремленность*, *обязательный* (2), *планирующий свою деятельность*, *работает в коллективе*, *работоспособность*, *работоспособный* и др. Идеальный студент, таким образом, не только способен на активную творческую работу, но также способен мотивировать себя и эффективно организовывать свою деятельность. В описании своих реальных студентов преподаватели также рассматривают такие характеристики, как *активный* (6), *трудолюбивые* (2), *способные* (3), но отсутствуют реакции, связанные с креативностью и эффективностью работоспособности. Возможно, этого недостает студентам, по мнению Ии., а реакции типа *нелюбознательные* только подтверждают это предположение.

Обладание знаниями: *умный* (5), *заинтересованный* (3), *заинтересован*, *интересующийся* (2), *интерес*, *интересуется*, *любопытный* (2), *любопытный*, *пытливый* (2), *рвущийся к знаниям*, *стремящийся к знанию*, *стремящийся к знаниям*, *стремится к знанию*, *стремление к познанию*, *жадный на знания* и др. В данной группе обращает на себя внимание не само упоминание знаний, а интерес и тяга студента к получению новых знаний. Это может быть завуалированным указанием на то, чего преподавателям не хватает в их реальных студентах.

Научная деятельность: *научноориентированный*, *способен на самостоятельное исследование под руководством*, *способность логически мыслить*, *предлагающий идеи!*, *способный думать и выразить мысль*, *увлеченный* и др. Представляет интерес тот факт, что в своих реальных студентах ориентации на науку преподаватели не видят, т.е. студент, стремящийся заниматься наукой, – это лишь идеальный образ, а не реальность.

Дисциплина: *ответственный* (5), *порядочность* (3), *аккуратный* (2), *внимательный* (2), *внимательность*, *пунктуальный* (2), *не опаздывает*, *доброжелательный* (2), *доброжелателен (уважает других людей)*, *дисциплини-*

рован, *дисциплинированность*, *ответственен*, *ответственные*, *прилежность*, *прилежный* и др. Идеальный студент, в отличие от реального, никогда не опаздывает, ответственен и прилежен. В описании же реального студента реакции типа *ленивый* (8), *безалаберный* (2) имеют большую частотность, чем, например, *трудолюбивые* (2) и *дисциплинированные*. С другой стороны, среди качеств реального студента не было отмечено таких характеристик, как *не уважающий других* или *недоброжелательный*.

Стоит детальнее сравнить образ идеального студента с образом типичного студента в понимании преподавателей (что может быть и задачей дальнейшего исследования). Разница в сравнении обучаемых студентов и студентов, которых преподаватели хотели бы обучать, наиболее заметна в таких группах реакций, как «труд» и «дисциплина». Одна из наиболее частотных реакций группы «труд» – *активный* (5) – конечно, соотносится с самой частотной реакцией на стимул «Ваши студенты» – *ленивые* (8). Тем не менее, одной из положительных черт своих студентов многие Ии. также считают активность: *активные* (6). С другой стороны, преподаватели считают своих студентов *наглыми* (3) и *безалаберными* (2), в то время как хотят видеть их порядочными, ответственными и доброжелательными. Таким образом, студент далек от идеала преимущественно по личностным характеристикам, а не «деловым» качествам, непосредственно необходимым для успешной учебы.

Другой целью нашего исследования было выявление реакций, отражающих восприятие преподавателями их взаимодействия со студентами. Было предложено охарактеризовать роль и функции преподавателя по отношению к его студентам и роль и функции, которые должен выполнять по отношению к обучаемым идеальный преподаватель.

Общее число реакций на стимул «Ваша роль по отношению к Вашим студентам», составляет 134. Полученные реакции можно разделить на две ярко выраженные смысловые группы: «личностные» и профессиональные функции преподавателей. Под «личностными» функциями можно понимать следующие реакции: *наставник* (12), *воспитание* (4), *вдохновляющая* (2), *воспитательная* (2), *забота* (2), *заинтересовать* (2), *старший товарищ* (2), *старший коллега*, *поддержать* и так далее. В то же время профессиональные функции пре-

подавателей, по мнению наших Ии., заключаются в следующем: *учитель* (2), *учить*, *училка на 1 курсе* и даже *учитель и не более сейчас*, *раньше было по-другому*, *научить* (2), *научить быть хорошим специалистом, товарищем и другом*, *научить различать нужное и ненужное*, *обучающая* (3), *обучение* (2), *обучать*, *объяснение*, *объяснить*, *педагог*, *передача знаний*, *познавательная*, *просветитель*, *просветительская*, *просветительство*, *просвещение*, *помощник* (3), *помощь*, *помощь в учебе*, *помогающая*. Анализ частотности полученных реакций показывает, что преподаватель видит себя не столько источником информации и знаний, сколько заботливым наставником, цель которого – воспитать поколение полноценных социальных личностей.

Также были определены различия в реакциях по их эмоциональной окраске: некоторые лишь констатируют функции («личностные» или профессиональные), другие выявляют отношение испытуемых к ним. Такие реакции, как *воспитание* (4), *наставник* (12), *мотивация* (2), *обучающая* (3), *передача знаний*, *объяснить*, *просветитель*, *учитель* (2), несомненно, относятся к первой группе. В то же время реакции *научить быть хорошим специалистом, товарищем и другом*, *открытие нового*, *советчик даже по личным вопросам*, *учитель и не более сейчас*, *раньше было по-другому*, *формирующая мышление*, *работу с коллективом и самостоятельность*, *врач по инфекциям в мозг* отражают отношение преподавателя к своей деятельности, и это отношение не всегда положительное. Несмотря на наличие довольно необычных эмоциональных реакций, преобладают нейтральные ответы, а эмоциональные реакции обычно связаны с отрицательным отношением преподавателя к своей деятельности. Это говорит о том, что Ии. старались рассматривать свою роль с нейтральной точки зрения и находить в ней хорошую сторону, однако при привлечении эмоций появлялись отрицательные характеристики своей деятельности. Но это может означать и поверхностное, формальное отношение (например, *образовательная*, *экзаменатор*) к своей функции.

В ходе анализа полученной 121 реакции на задание описать роль и функции идеального преподавателя были определены две главные группы, которые представляют собой функцию «наставника» и функцию «учителя». Первая группа включает в себя такие реакции, как *направлять* (2), *направить*, *наставник* (4),

наставительная, *наставлять*, *наставника*, *наставническая*, *помощник* (4), *вдохновитель* (2), *воспитательная* (3), *советчик* (2), *мотивация* (2) и др. Группа, описывающая функцию преподавателя как источника информации, представлена следующими реакциями: *образование*, *образовательная*, *образец* (3), *обучение* (3), *обучать*, *обучающая*, *информатор* (2), *помогать в приобретении знаний*, *научить* (2), *научать*, *научение* и др.

В результате сравнения реакций на стимул «Ваша функция» и «идеальная функция преподавателя» был сделан вывод, что преподаватель выполняет функции, которые считает обязательными, сопоставимыми с идеалом. Это может говорить, как думается, о двух вещах: либо преподаватель стремится к идеалу, либо он уже считает свои функции близкими к этому идеалу.

Можно также предположить, что, несмотря на то, как преподаватель мыслит взаимодействие между ним и студентом, он неосознанно ориентируется в этом на идеального студента, а реальные его действия могут с этим не совпадать. Таким образом, преподаватель переносит идеальную ситуацию на себя, однако в реальности может действовать совсем иначе.

При анализе и сопоставлении реакций на «реальное» и «идеальное» можно выделить следующие особенности. Неоднократной реакцией на оба стимула о функции преподавателя стали такие слова, как *наставник*, однако даже идеальный студент, ввиду отсутствия соответствующих реакций, не должен учиться и следовать за преподавателем. К тому же сам идеальный студент при этом рассматривается преподавателями не как «ученик», а как сформировавшаяся личность, способная самостоятельно добывать знания: он должен уметь не «слушать», «учиться», «стараться», а «исполнять», «стремиться к знаниям», быть «ответственным». Реальный обучаемый студент, в свою очередь, больше похож на «ученика», но не по роли, которую он выполняет в университете, а по поведению, которое Ии. оценивается как неудовлетворительное и требующее постоянного руководства и опеки. Преподаватели считают студентов достаточно умными и способными, но недостаточно организованными, что подтверждается реакциями не только на первое задание, но и на второе. Личность студента в некотором смысле неполноценна и требует корректировки в отношении либо трудолюбия, либо дисциплины, либо знаний. Можно

также сделать вывод, что сами преподавателям, которые уделяют столь большое внимание личностным характеристикам студента, не видят необходимости сконцентрироваться на организации учебной деятельности своих студентов, на развитие именно этих личностных качеств студентов.

Другой интересной особенностью стала реакция на стимул «идеальный студент», где студент должен «ориентироваться на науку». Тем не менее, преподаватель не считает своей функцией заинтересовать студента научной деятельностью (не выявлено ни одной реакции, касающейся научной деятельности преподавателя, даже идеального). То есть в себе преподаватели видят не ученых, передающих научные знания, вводящих студентов в научный мир, а «училок на 1 курсе», которые должны передавать студенту необходимые знания, хотя также и обучать его дисциплине, мотивировать, «наставлять».

Итак, отношение преподавателя вуза к студентам и самому себе неоднородно и в некоторой степени противоречиво. Как видно из анализа результатов эксперимента, по мнению Ии., реальному студенту не хватает мотивированности и трудолюбия, однако то, что это входит в задачи преподавателя, часто упускается из внимания, о чем говорит почти полное отсутствие подобных реакций на стимул «Ваша роль», например, *заинтересовать* (2), *мотивация* (2).

Существенным представляется и то, что для Ии. студенты – это не просто индивиды, по отношению к которым выполняются формально предписанные функции, это коллектив личностей с их характерами и отношением друг к другу и учебной среде. Взаимодействие со студентами воспринимается преподавателями не только официальная коммуникация, в ней также присутствует и личное эмоциональное отношение к студенту как индивиду. Однако же в языковой картине мира профессионального преподавателя образ идеального студента мало соотносится с обучаемым им студентом. В то же время свою функцию, полагает преподаватель, он выполняет на должном уровне и функция эта зачастую не является лишь формальностью, а основана на межличностных отношениях преподавателя и студента. Наблюдается и существенная генерализация – стремление всех студентов ставить на одну планку.

Для выявления языковых элементов, отражающих в языковой картине мира преподавателя его профессиональной среды и его места в

ней, Ии. были даны соответствующие задания. Эти задания составляют вторую часть эксперимента, к которой мы и переходим.

Количество реакций на стимул, направленный на изучение отношения к профессиональной среде в целом («Ваша профессиональная среда»), составило 140. Среди 35 опрошенных реакции 9 Ии. были связаны только с коллегами, 18 Ии. описывали лишь среду, а реакции 8 Ии. относились и к среде, и к коллегам. Характеризуя свою профессиональную среду, преподаватели, в первую очередь, отмечают профессиональность коллег, приводя такие реакции, как *профессионализм* (2), *профессионалы* (2) и *профессиональные сотрудники, интеллигентия, знания, инициативная, интеллигентный, официальные, трудолюбивая, трудолюбивые, активные, ответственность, начитанный, вдумчивый, внимательный*. Также отмечается дружелюбие (*дружба, дружелюбие, дружелюбные, дружеская, душевная, чувство юмора*), доброжелательность (*добрая, доброжелательная* (2), *доброжелательность по отношению к коллегам, порядочность*) и положительная настроенность (*положительные* (2), *здорово*) работников университета. Это свидетельствует о своего рода персонификации, так как профессиональная среда описывается через ее представителей; преподаватели имеют дело не с непосредственно профессиональной средой, а с ее конкретными представителями.

Собственно профессиональную среду описывают следующие положительные реакции: *академическая, активная, благоприятная среда, вечная молодость, гибкость, дающий возможности, динамизм, динамичный, дисциплинированная, известная, привычная, инновационная, интерес, интересная, комфорт, комфортная, креативный, мечта, многообещающий, молодость, мышление, наука, научная*. Количество негативных реакций, касающихся описания именно среды, примерно равно количеству положительных: *безатмосферная, беспоконная, бюрократичная, грязный, давление, запарка, изолированное, интеллектуальное насилие, не всегда адекватные административные требования и решения, поступающие свыше, недемократичный в реальности, неоднородная, нестабильность, нетворческое, рутинное, самоуправство, серость, скучное, статичная, стресс, уставшая, утопичная*.

Таким образом, положительное восприятие преподавательского окружения происходит из-за хорошего отношения к коллегам, коллек-

тивую, который также встречается в качестве реакции (*коллектив* (3)). Несомненно, встречается и отрицательное описание коллег, например, реакции, относящиеся к дружелюбию и доброжелательности в коллективе: *недоброжелательность, недружелюбная, равнодушные*. Эти реакции отражают не саму среду, а то, какое отношение с ее стороны чувствует к себе испытуемый. Однако невозможно как-то однозначно охарактеризовать отношение Ии. к профессиональной среде, такое отношение, по всей видимости, носит сугубо индивидуальный характер и зависит от требований к среде со стороны Ии. и от его собственных достижений в ней.

На стимул «идеал профессиональной среды» было дано 123 реакции, которые были разделены на семантические группы «профессиональный рост», «свобода творчества», «коллектив».

В семантическую группу «профессиональный рост» входит наиболее частотная реакция *профессионализм* (5), а также схожие реакции *профессионалы* (2), *профессионал, профессиональная помощь, профессиональный рост, новые профессиональные, карьерные возможности, самореализующая* и др. В эту же группу были определены такие реакции, как *компетентен, компетентность, компетентный*. Следовательно, испытуемые считают, что профессиональная среда должна давать возможности роста в преподавательской и научной деятельности, и, вместе с тем, требовать от преподавателя компетентности. Профессиональная среда оценивается по воздействию, которое она оказывает на работников.

Кроме профессионального роста преподавателями также осознается важность творческого подхода, мотивации и предоставления свободы на рабочем месте. Данная семантическая группа была условно названа «свобода творчества», и в нее вошли такие реакции, как *творчество* (2), *идейность, мотивирующая, творческая атмосфера, интерес к работе, свобода, свободная, энтузиазм* и др. Можно полагать, что преподаватели видят свою профессию не только научной, наставнической, но и творческой, а рабочая среда должна предоставлять возможность заниматься творчеством и быть свободным в его выражении.

Была также выделена группа «коллектив», в которой преподаватели признают важность поддержки и помощи в коллективе. Реакциями стали *взаимовыручка* (2), *взаимопомощь* (4),

поддержка (2), а также *коллектив* (2), *коллективизм, слаженный коллектив, содружество, команда, занятая благородной целью* и др. Таким образом, осознается необходимость сплочения коллектива, объединения с другими сотрудниками с целью достижения дружелюбной атмосферы. Однако отмечается и необходимость конкуренции: *здоровая конкуренция, конкурентная, признание уникальности каждой личности*. Иными словами, преподаватель хочет от среды активности, которая позволила бы ему самому развиваться.

С предыдущим заданием связано следующее, которое направлено на изучение отношения преподавателя к той роли, которую он в профессиональной среде исполняет. В числе 109 реакций на стимул «Ваша функция, место в профессиональной среде» и «Ваша профессиональная среда» преобладают положительно окрашенные ответы. Такими стали: *коллега* (4), *образовательная* (3), *обучение* (2), *занимательный* (2), *помощь* (2), *помощь коллективу, просвещение* (2), *просветительская, пунктуальность* (2), *сотоварищ* (2) и др. Количество отрицательных реакций минимально, и мы можем привести здесь их все: *исполнитель, маленький винтик в большом механизме, получать з/н, работающий «за идею», работник, рабочий класс, серая скотинка*. Это можно охарактеризовать как положительную оценку тех функций, которые преподавателю приходится исполнять ежедневно.

Среди реакций прослеживается тенденция относиться к данному стимулу либо нейтрально, либо эмоционально. Эмоциональная окраска присутствует в следующих реакциях: *маленький винтик в большом механизме, работающий «за идею», лучшая, отзывчивый, получение ученой степени для достижения социальной стабильности, преподаватель, к которому любой студент подходит с любым вопросом, не боясь, самореализация, смелость, скромность, удовольствие от работы* и др. Здесь вновь прослеживается персонификация, личностное отношение и выражение этого отношения в реакциях на стимул. Нейтральными представляются реакции *коллега* (4), *образовательная* (3), *обучение* (2), *помощь* (2), *преподавание* (2), *просвещение* (2), *пунктуальность* (2), *аспирант, teamwork, дедлайн, делающий, исследователь, начинающий ученый, обучение в аспирантуре, ориентирующая, получать з/н* и др. Это может говорить либо о формальном отношении к своим функциям, либо о нежелании

с достаточной степенью личностного отношения отвечать на этот вопрос. Можно сделать вывод, что эта часть личностной языковой картины мира окрашена индефферентно.

Отношение преподавателей к их функции и месте в профессиональной среде неоднозначное, хотя большая часть полученных реакций положительная. Это отражает языковую картину мира испытуемых: их высказывания относительно некоторого «объективного» места в среде не нейтральны, зачастую преподаватели проявляют личностное отношение к профессиональной среде и своей роли в ней.

Стимул «место и функция идеального преподавателя в идеальной профессиональной среде» вызвал 105 реакций, описывающих обобщенное представление об идеальном преподавателе и его функциях и месте в идеальной профессиональной среде. При анализе реакций были выделены две семантические группы: объектная и субъектная. Первая отражает отношение Ии. к среде, его влияние на среду, то есть реакции, направленные на какой-то другой объект. Вторая отражает реакции, направленные на сам субъект, влияние среды по отношению к нему, на него.

Реакции, которые были отнесены к объектной группе, представлены такими: *обучение (3), профессионал (2), коллега (2), исследовать (2), создавать хороших людей, способных сделать мир лучше, в какой-то степени менеджментская (предпринимательская), вдохновляющий, ведущий, генератор идей, делающий, идущий, источник заботы о студентах и коллегах, источник знаний, источник поддержки, не ограничивать лекциями, обучать, руководитель, создающий вокруг себя благоприятную среду для всеобщего процветания и мир во всем мире!, тяга, учить, функционально соответствовать занимаемому месту, знать свой предмет, уметь его преподавать* и др. Можно сделать вывод, что преподаватель воспринимает свою идеальную функцию как дающую, а реальную – как берущую, что подтверждается такими реакциями на стимул «Ваша функция»: *учеба, получение ученой степени для достижения социальной стабильности, самореализация, удовольствие от работы, аспирант, обучение в аспирантуре, получать з/п, начинающий ученый*.

Субъектная семантическая группа представлена следующими реакциями: *творчество (2), авторитет (2), мотивация (2), анализ полученного опыта, good environment,*

возможность, возможности, границы поощрения не нужно ограничивать, зарплата, исследовательская, каждому воздается по его делам, карьера, конкурентность, креативная (творческая), материальная, научная карьера, научные исследования, новая система работы со студентами, оплата, отпуск, перспектива, премия, престиж в обществе, профессиональный рост, развивающая, развивающаяся профессионально, развитие, регуляция, рост, самореализация, учебная работа и др. Неоднократно упоминающиеся реакции, связанные с возможностями творчества и научной деятельности, вновь противоречат идеальной функции, реализуемой преподавателям. Кроме того, большинство реакций, отнесенные в эту группу мало соотносятся с группой «функция». От среды также требуется предоставление социального пакета, что может говорить о неудовлетворенности условиями труда, и, как следствие, невыполнением всех желаемых функций.

Были получены также такие реакции, как *не знаю, что тут написать, не существует, сложно даже представить*. Первая говорит о том, что И. трудно представляет себе, чего в среде нет, но он хотел бы, чтобы было. Две другие говорят о скептицизме, сомнении относительно существования другой, более благоприятной, профессиональной среды. Две последние явно неоднозначны, они могут выражать суждение «хуже быть не может» или, наоборот, «лучше не бывает».

Следует сравнить описание идеальной среды с функциям Ии. как преподавателей и как профессионалов в этой среде. Большинство Ии. приводили реакции, связанные с их ролью преподавателя как учителя и наставника, однако их научная и творческая деятельность почти не затрагивалась. Представляет определенный интерес тот факт, что Ии. требует от профессиональной среды мотивации, поддержки, свободы, возможности творить, то есть возможности заниматься тем, чему они сами времени не уделяют, и к чему не особо стремятся. Более того, согласно полученным реакциям на стимул «функция идеального преподавателя», Ии. и не должны заниматься подобной деятельностью.

На основе всего вышеизложенного можно сделать некоторые обобщающие выводы. Идеальное и реальное в языковой картине мира преподавателей не всегда совпадает, что позволяет делать вывод о некоторой неудовлетворенности. Количество и, так сказать, ка-

чество ответов Ии. говорит о том, что для преподавателя вуз – не просто «профессиональная среда», а «*моя* профессиональная среда», не оставляющая преподавателя равнодушным и отстраненным. Несмотря на официальность обстановки на работе, она переживается и оценивается – у кого-то менее, а у кого-то более эмоционально. Характер и возможные причины несоответствия реального и идеального, а также отношения преподавателей к студентам, самим себе, коллегам и рабочей среде, а равно и студентов к преподавателям – все это является задачей для дальнейших исследований, могущих пролить свет на глубинные проблемы не только взаимоотношения преподавателей и студентов, но и образования в целом.

Профессиональной среде и профессиональному общению приписываются характеристики участников (коллектива), она воспринимается непосредственно через участников. В отношении к среде и студентам явно проявляется личностная оценка, так как реакции зачастую носят индивидуальный и эмоционально окрашенный характер. Через отношение к профессиональной среде преподаватель выражает отношение к собственным достижениям и неудачам, связанным либо с самореализацией, либо с коллективом и условиями работы. Стремление к персонификации и эмоциональность проявляются в ходе всего эксперимента. В целом образ студента является более конкретным и

устойчивым, а образ среды – более размытым, меняющимся и абстрактным.

В нашем исследовании не учитывались гендерная принадлежность и возраст испытуемых, что может представлять определенный интерес для дальнейшего исследования в этой области. Перспективным представляется и привлечение преподавателей различных направлений (технических, социальных, гуманитарных) в их сравнении, а также выявление «сезонных» изменений (в начале и в конце учебного года) в профессиональной ЯКМ преподавателей.

Список литературы

1. Вайсгербер, Й. Л. Язык и философия // Вопр. языкознания. 1993. № 2. С. 114–124.
2. Залевская, А. А. Значение слова через призму эксперимента : монография. Тверь, 2011. 240 с.
3. Ладо, Р. Лингвистика поверх границ культур // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. М., 1989. С. 32–62
4. Леонтьев, А. Н. Лекции по общей психологии. М., 2001. 511 с.
5. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие. М., 2001. 208 с.
6. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994. 344 с.

УРАЛЬСКОЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ (1981–2013): ИСТОРИЯ, АНАЛИТИКА, ПРОГНОЗЫ*

М. П. Абашева, А. И. Серина

ТОЧКИ ВХОДА: ГОРОДА УРАЛА В «АНТОЛОГИИ УРАЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ»

Исследование выполнено при поддержке гранта 058-П
«Программы стратегического развития ПГГПУ».

Проводится количественный и качественный анализ динамики употреблений номинаций уральских городов как маркеров территориальной идентичности. На материале трех выпусков «Антологии уральской поэзии» (1996, 2003, 2011) изучается поэтическая семантика городских топосов (Екатеринбург, Челябинск, Пермь) в зависимости от временного контекста, от поколенческих особенностей.

Ключевые слова: *Уральская поэтическая школа, региональная идентичность, города Урала.*

Уральская поэтическая школа (далее УПШ), представленная в трех томах «Антологии уральской поэзии», легитимированная в специальной энциклопедии [14], явственно нуждается в объединяющих, цементирующих поэтическое сообщество принципах. С самого начала одним из них была географическая, территориальная общность. Автор культурного проекта Виталий Кальпиди определяет УПШ словами «четыре поколения поэтов, сконцентрированные на тридцатилетней временной площадке, сжатой периметром трех городов (плюс еще двумя десятками уральских поселений)» [14. С. 7].

Показательно, что культурологические эссе о трех городах помещены во введении к «Энциклопедии» под рубрикой «Уральский треугольник: город как точка входа» [14. С. 28–41]. Города, таким образом, предстают некими инициальными знаками при вступлении в особый символический мир. Только после этого мы знакомимся с собственно поэтами, истории которых помещены в рубрику с характерным названием «персонажи» (они словно включены в сюжет некоего авторского нарратива – романа или поэмы – каковым в некотором смысле и является УПШ). Выражение «уральский треугольник», пущенное в оборот Алексеем Паршиковым [10], удачно совместило в себе географическую, картографическую метафору с важным для позиционирования уральской поэзии смыслом – магии места. Последнюю

активно использует демиург и культурсозидатель УПШ Виталий Кальпиди.

Задача исследователя – поверять алгеброй (в нашем случае, скорее, арифметикой) даже самые мистифицированные объекты, каковыми является как УПШ, так и собственно гео-поэтическая реальность Урала [1]. Настоящая работа представляет результат изучения смысловых оснований территориальной идентичности, явленных территориальными маркерами – именами городов уральского треугольника: Екатеринбург (Свердловск), Пермь, Челябинск. Для сравнения в контрольную группу вошел также Нижний Тагил, удивляющий и количеством, и качеством представленного в антологиях поэтического материала.

Для объективности картины мы намеренно обращаемся к внешним, по определению неполемичным маркерам названных городов, существующим до любой поэтической идеологии, – к их названиям, а также к имени самого Урала. Контент-анализ номинаций как элементов поэтического дискурса уральской поэтической школы представлен в количественном подсчете употреблений названий городов и последующей содержательной интерпретацией результатов (анализом поэтической семантики). В существующей исследовательской традиции контент-анализ дискурса определяется как количественный анализ текстов и текстовых массивов с целью последующей содержательной интерпретации выявленных числовых законо-

*Научная конференция с международным участием (Екатеринбург, 24–25 сентября 2014 года)

мерностей [9; 12]. Подсчитав частоту употребления лексем, связанных с Уралом и уральскими городами, в трех выпусках антологии и сравнив показатели, мы определили динамику изменения этих маркеров в количественном отношении. Изучение такой динамики и является наиболее информативным результатом: не для того ли и задумана Антология – «периодические “стоп-кадры” литературного, процесса, фиксируемые с продуманной частотой» [5. С. 3], чтобы уловить изменения в жизни поэтического ландшафта? Далее предприняты описания «качественных» характеристик образов городов в самом первом приближении. Они, несомненно, нуждаются в более глубоком и детальном изучении.

Результаты исследования представлены в табл. 1. В первой колонке помещены слова, частотное употребление которых подлежит подсчетам: «Урал», «Пермь», «Екатеринбург», «Свердловск», «Челябинск», «Тагил». Подсчитывались и образованные от них прилагательные – «уральский», «свердловский» и т. п. Учитывались случаи языковой игры и окказиональных номинаций («город Че», например)¹.

Следующие три колонки – номера томов антологии. В ячейках приведено количество употреблений того или иного слова в соответствующем томе. Далее указано количество авторов, опубликованных в названном томе, и подсчитана средняя частота употребления слов, связанных с Уралом (в колонке «итога»). Средний балл необходимо было подсчитывать из-за увеличения числа участников антологии.

Таблица 1

**Частота употребления лексем,
связанных с Уралом и уральскими
городами, в трех томах антологии**

	Том 1	Том 2	Том 3
Урал	6	12	16
Пермь	6	19	16
Екатеринбург/ Свердловск	1/6	1/7	7/20
Челябинск	2	1	3
Тагил	1	5	9
Количество авторов	33	60	75
Итого	0,67	0,75	0,97

Интерпретируя результаты контент-анализа в целом, на количественном уровне мы можем отметить динамический рост обращения к уральскому топосу от первого к третьему тому антологии. Несмотря на то, что количество

участников антологии возросло, концентрация территориальных номинаций слов, указывающих на уральский регион, тоже стала расти.

В частности, очевидно количественное увеличение обращений к номинации «Урал». Это может означать усиление значимости категории места в сознании поэтов или сознательное усиление ими объединяющих начал, обусловленных географическим фактором. Наиболее значительный скачок проявился при переходе от первого тома Антологии ко второму, что объясняется характерной для 1990-х гг. общей для страны тенденцией к усилению регионального фактора в структуре идентичности. Неожиданно быстро возросло употребление слова «Свердловск» в третьем томе антологии. Поскольку в этом томе преобладают подборки молодых поэтов (преимущественно восьмидесятых годов рождения) вполне возможно, возрастание номинаций свидетельствует о том, что в Екатеринбурге сформировалось новое поколение поэтов с крепкими внутренними связями и сознательной ориентацией на существование в собственном регионе. А то, что они предпочитают номинацию «Свердловск» имени «Екатеринбург» (переименование состоялось в 1991 г.), может быть объяснено, на наш взгляд, двумя факторами: либо номинация «Свердловск» употребляется в качестве знака «старого доброго прошлого», либо используется для экономии произносительных усилий. В случае Челябинска, думается, закон экономии произносительных усилий тоже играет свою роль. Односложные и двусложные номинации имеют более высокую степень ритмической валентности.

На качественном уровне невозможно дать столь точное описание значений названий городов, их динамики. Разные поэтические языки несводимы и несравнимы в своих художественных обобщениях, необходимость отбора малого количества текстов каждого автора оставляет за пределами антологии множество текстов, среди которых, несомненно, есть стихи об уральских городах. С учетом этих «погрешностей» можно, однако, проследить общую направленность в изменении семантики пространства.

Очевидно, что первым этапом отграничения, самоидентификации поэтического движения в 1990-е гг. стало именно противопоставление себя столице, что было сформулировано Кальпиди и поэтически: «Я крайний уральского края, счастливый и настоящий» [3. С. 127]. Данила Давыдов, впрочем, справедливо отметил, что этот «край» все больше претендует на

место Центра: «Кальпиди не столько предлагает видеть в уральской литературе “особый” регион, сколько борется с Центром за символический капитал, предлагая именно Урал считать “подлинным” Центром. Эта борьба позиционирования втягивает в себя поэтов, в том числе (а может, и особенно) молодых». [8. С. 370].

Для девяностых годов такой центробежный вектор в осмыслении регионов России весьма характерен: это время «суверенизации» территорий, внимания к проблемам локальной, региональной культурной идентификации. Поначалу постулирование удаленности от столиц оказывается важнее, чем самоопределение Урала. Дистанцированность манифестируется сознательно – в стихотворении В. Кальпиди героиней демонстративно небрежно «гоняет консервные банки» «по Уралу, где надувают бомбы и делают танки/ и политиков <...>» [3. С. 127]. Возможно, в самоопределении современных уральских поэтов сказались отталкивание от недавнего опыта последнего «советского» поколения уральских поэтов, воспевавших «опорный край державы» как часть России вообще.

Однако в девяностые начинается напряженный поиск новых отношений с местом, формирование новой семантики Урала. По сравнению со стихами предшествующих периодов очевидна деактуализация советского образа «седого Урала», каким он предстает в поэзии 1960-х (В. Радкевича, А. Домнина и др.). Вырабатываются новые маркеры территории: географические, исторические, ландшафтные, климатические. Это расположение на краю света («Здесь, на Урале! – / в этой оставленной Богом дыре / пахнет миндалем» (А. Ерофеев) [4. С. 67]), хтоничность, связь с подземным миром («Под всей приуральской землей. / Средь мерзлых корней и камней / Мерцанье подземных планеток» (В. Богомяков) [5. С. 28]), суровый климат, обилие снега, часто «тяжелого» («и снег повис, порханья тяжелей» (В. Дрожащих) [5. С. 74], «Облака – тяжелее свинца, / Только красно-коричневой масти» (В. Мишин) [5. С. 184])².

Изменяется семантическое наполнение образов уральских городов. Уже упомянутые эссе о городах, размещенные в энциклопедии, впервые были опубликованы в 1995 г. [14. С. 28]. Образы уральских столиц, созданные тогда В. Курицыным, В. Раковым, Н. Болдыревым, разительно отличаются от тех, что поэзия УПШ сформировала впоследствии.

Доминанта Перми в понимании В. Ракова – «Окраина. Задник. Спрятанность. Затолкан-

ность. Область эха (дистанцированность плюс отражающие горы), пляшущего далеко на Западе времени» [3. С. 29]. Для стихов первого выпуска Антологии характерно содержательное отношение поэтов к месту: сюжет поединка с Пермью у В. Кальпиди, освоение «Перми дремучей» у В. Дрожащих. Во втором томе сам В. Раков обживает вполне конкретную Пермь: «полуденный Компрос» (основное, кажется, место действия стихов В. Лаврентьева тоже) и «ползучую Мотовилиху» [4. С. 147–148]. А вот молодые поэты третьего тома не обнаруживают, кажется, прежней привязанности к Перми. Для Антона Бахарева, например, город – чужой. Поэт охотнее пишет о Вишере, Таганроге, Вае, Тохтуево (где не был никогда, но убежден, что жизнь везде «одноименная»). Тот же любезный «старшим» пермякам Компрос (отвлечемся от Антологии на другие стихи Бахарева) для лирического героя чужой, он оторван от природного начала. Лирический герой воспринимает Компрос как нечто неестественное, противостоящее природе вещей: «на Компросе небо поперек», прохожих «по Компросу прогоняет смерть» [6].

Для Ивана Козлова тоже характерен мотив бегства из города, но в виртуальное пространство. В его стихах Пермь трансформируется в лишенный местных примет постапокалиптический мир («Любой, кто находится здесь, в какой-то степени сталкер» [5. С. 149]. Этот мир порожден, кажется, общими местами современной массовой медиа культуры (герою видятся «астральные боины 2036-го», «звездный ОМОН»). Наблюдая субботную электричку на станции Пермь Вторая, лирический герой Козлова складывает собственную «инфернальную космогонию» [5. С. 151].

Несколько иную, обратную – от мифа к повседневности – эволюцию претерпевает образ Свердловска. Город первого тома (1978–1996) изобилует общекультурными (значит, вполне условными) античными коннотациями: «Гениальный тусовщик, вернувшись в родную Итаку...» (Долматов) [3. С. 62], «В чёрно-белом Свердловске заносят снега – в протокол. / На Итаке зима – на Итаке тепло и вино» (Туренко) [3. С. 281]. А ведь В. Курицын в своем эссе искал для «Самодостаточного Города» новую «Историческую Идею» – как ни странно, в «Индустриальной Симфонии» [5. С. 36–37].

Для образа Свердловска в первом томе характерны разомкнутые пространства. Так, И. Сахновский акцентирует рубеж континентов:

Там Европа и Азия стынут в обнимке глухой,
Монументы в тугих пиджаках тут и там
на посту.

Правда, в Азии можно купить пирожки
с требухой,
И туда европейцы в трамвае летят по мосту.
[3. С. 247]³

Более молодое поколение город осознает, скорее, не как пространство для эстетической рефлексии, но как обстоятельство собственной биографии: таковы окрестности Вторчермета и Пластполимера у Б. Рыжего во втором томе [4. С. 157], «Улица Белинского, мост через Исеть» у В. Дулепова в третьем [5. С. 80].

В третьем томе (2013) еще заметнее то обстоятельство, что молодое поколение поэтов (К. Комаров, А. Вавилов и др.) воспринимает Свердловск как неотрефлексированную повседневность. Показательно в этом смысле стихотворение Василия Чепелева, где Свердловск становится антропоморфным обобщенным субъектом-персонажем и превращается в лирического героя:

Свердловск выходит чисто покурить <...>
...Свердловск садится в поезд через час,
заказывает чай и подстаканник
без сахара и осень за окном.
«Прощание славянки», как в кино,
играет на перроне матюгальник.
С. обжигается и думает о нас.

(Чепелев) [5. С. 279]

Далее Свердловск в стихотворении Чепелева «говорит и молчит», «садится в самолёт с серебристым крылом», «приземляется через два часа на собственный аэродром», «жмёт руку шофёру», «по будильнику просыпается звонит на работу, ссылается на головную боль», «наливает кофе и наяву пишет коротко: “Я курю и ревную”» [5. С. 279]. Примечательно это слияние субъекта и объекта – оно говорит о том, что обступающее пространство города присвоено, интериоризировано поэтом.

Челябинск в очерке Н. Болдырева подается через хайдеггеровское по сути понятие «заброшенности». Это пространство «никакое и ничье», «город, стоящий вне всех культурных и историко-мифологических очертаний». «Его метафизику ты создаешь сам – с нуля, словно бы ты был богом или культурным героем» [5. С. 39]. Собственно, так и случилось. Городу понадобился именно культурный герой, чтобы осуществиться как «город Че» В. Кальпиди, Д. Бавильского, Я. Грантса:

«ненавидим ты и единственен
город Че» (Я. Грантс) [5. С. 62].

Даже этой «единственности» не было, правда, в первых томах антологии, где в стихах А. Чукашина Челябинск осознается как парадоксально случайная точка в мироздании и всемирной истории [3. С. 336, 339]. То есть Челябинск как город с собственным лицом менее всего выражен в Антологии – это, скорее, маловыразительная «Челябинская волость» в «южноуральской далекой стране» (В. Кальпиди) [5. С. 131].

Результаты наших наблюдений надо признать парадоксальными. Несмотря на то, что количество упоминаний Урала среди авторов «Антологии уральской поэзии» от первого к третьему тому значительно возрастает, качественно образы места – если рассматривать их в динамике – перестают быть специальным объектом поэтической рефлексии и собственно поэтического описания. Молодые поэты не так остро идентифицируют себя с местом проживания и не рассматривают место как неотъемлемую экзистенциальную реальность. Анализ биографических данных «Антологии» показывает, что поколение, родившееся в семидесятых, нередко покидает малую родину, устремляясь в столицу или на дальше, на Запад (О. Дозморев, А. Пермяков, Е. Сунцова). Те же, кто родился в восьмидесятые, чаще (возможно, пока) остаются в собственном ареале. Третий том «Антологии» фиксирует отрыв от уральского самоопределения в пользу космополитического мироощущения, поэты предпочитают обживать пространства медиа, виртуальной реальности, массовой культуры, бытового ближний мир. Город как точка входа становится в определенном смысле точкой выхода в иные пространства.

Впрочем, в целом анализ показывает, что время и активные усилия создают постепенно то, что поэт и культуртрегер УПШ А. Петрушкин назвал преемственностью – мышечной тканью, образованной под кожей Антологии. [11]. Это знаменательное признание, наработанное годами существования УПШ. В 2000-е гг. приходит осознание личной связи авторов УПШ друг с другом – на уровне поэтики, собственно школы (здесь важна, например, фигура Евгения Туренко как наставника нижнетагильских поэтов). Внутрипоэтические личные связи манифестируются в заметно возрастающем количестве взаимных посвящений (часто – увы, эпитафий), взаимной цитации, внутренней интертекстуальности, общности поэтических мотивов.

Таким образом, УПШ как поэтическое сообщество можно признать состоявшимся. Однако главным цементирующим его основанием, как показал анализ, сегодня следует признать вовсе не географический фактор. Важнее длящийся импульс неуклонной воли к мобилизации самого демиурга этого феномена, его *символической власти*. Автор последнего термина социолог литературы Пьер Бурдьё именуется так «власть учреждать данность через высказывание, власть заставлять видеть и верить, утверждать или изменять видение мира и, тем самым, воздействие на мир, а значит, сам мир». По Бурдьё, такая власть – «квазимагическая», она, «благодаря эффекту мобилизации, позволяет получить эквивалент того, что достигается силой (физической или экономической), но лишь при условии, что эта власть признана, то есть не воспринимается как произвол». Бурдьё подчеркивает, что такое положение вещей зависит от всех участников сообщества, что символическая власть конституирует себя в процессе институализации: «конституирующая власть – власть, создающая новые группы путем мобилизации индивидов или защиты их интересов, – возникает только в конечной фазе длительного процесса институционализации, когда группа наделяет своего избранного представителя властью формировать эту группу». Возникающую в конечном счете связь Бурдьё прямо называет верой: «символическая власть <...> определяется в процессе и посредством определенного отношения между теми, кто отправляет власть, и теми, кто ее на себе испытывает, то есть самой структурой поля, где производится и воспроизводится *вера*» [7. С. 95].

Возможно, именно категория веры (или порой борьбы с ней) и характеризует фундамент отношений внутри поэтического движения. Апофеозом выражения этой учреждающей власти представляется, в частности, созданный В. Кальпиди «Кодекс провинциального поэта», регламентирующий, кажется любые жизненные проявления «персонажа» УПШ [14. С. 554–559].

В этой связи можно предположить, что дальнейшее изучение феномена уральского поэтического движения перспективно видеть не в сфере исследования мифо- или геопозитики, поэтической семантики, литературной теории и т. п., но в области социологии литературы. Необходимо рассматривать культуру УПШ как социальный институт, как ансамбль поведенческих стратегий, как борьбу за распределение специфического символического капитала.

Примечания

¹ Такие игры (особенно с «длинными» названиями Екатеринбурга и Челябинска) весьма частотны. Так, в стихотворении Вадима Дулепова «Записка Модесту Мизанову» номинация «Екатеринбург» превращается в шуточный ребус («это бург на букву е» (Дулепов) [5. С. 80]). Елена Оболишта трансформирует иноязычное окончание названия в русское, близкое по звучанию слово, которое в большей степени поэтизирует данную номинацию («о екатеринберег» [5. С. 193]). Привычно так же встретить в уральской поэзии разговорную форму Екатеринбурга – Ебург («скоро выйдет замуж, уедет из Ебурга в Соединенные Штаты» [5. С. 236]).

² При этом внутри движения возникают иные позиции по отношению к поэтическому территориальному самоопределению. Безусловно талантливый и несомненно авторитетный в среде уральских поэтов Борис Рыжий вполне прохладно оценивает первый том антологии уральской поэзии и даже отрицает саму идею сближения генерации поэтов по принципу территориального родства: «Что же касается концепции книги, Уральского поэтического ландшафта – это просто смешно». Родиной поэзии Рыжий предлагает считать не место, а мировую культуру: «Родина поэзии – Рим. Культура. Именно по культуре тосковал Овидий, тем не менее сочиняя латинские стихи и не собирая антологий творчества некультурного народа». [13. С. 454].

³ О поэтической семантике уральского рубежа между Европой и Азией подробнее см.: [2]

Список литературы

1. Абашев, В. В. Геопозитический взгляд на историю литературы Урала // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург, 2006. Вып. 1. С. 17–29.
2. Абашева, М. П. Граница Европы и Азии: трансформация смыслов // ČESLOVO MILOŠO SKAITYMAI 6. «Gimtoji Europa»: Erdvė. Mintis. Žodis. CZESLAW MIŁOSZ'S READINGS 6. «Native Europe»: Space. Thought. Word. 2013. P. 63–70.
3. Антология. Современная уральская поэзия: сборник стихотворений / под ред. В. О. Кальпиди. Челябинск, 1996. 360 с.
4. Антология. Современная уральская поэзия 1997–2003 гг. / под ред. В. О. Кальпиди. Челябинск, 2003. 238 с.

5. Антология. Современная уральская поэзия 2004–2011 гг. / под ред. В. О. Кальпиди. Челябинск, 2011. 351 с.

6. Блог Антона Бахарева-Чернёнка на livejournal.com [Электронный ресурс]. URL: <http://bah-cher.livejournal.com>.

7. Бурдьё, П. О символической власти // Социология социального пространства. М., 2007. С. 87–96. [Электронный ресурс]. URL: http://ec-dejavu.ru/p-2/Power_Bourdieu.html.

8. Давыдов, Д. Поколение vs поэтика: молодая уральская поэзия // Литература Урала: история и современность. Вып. 2. Екатеринбург, 2006. 408 с.

9. Дмитриев, И. Контент-анализ: сущность, задачи, процедуры. 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psyfactor.org/lib/k-a.htm>.

10. Парщиков, А. Треугольник Урала. Эссе. [Электронный ресурс] URL: <http://parshchikov.ru/nulevaya-stepen-morali/treugolnik-urala>.

11. Петрушкин, А. Чертольня – миф, который обрел плоть // Газетачел.ру. 06.11.2007 [Электронный ресурс] URL: <http://www.gazetachel.ru/razdel.php?razdel=21&id=4311>.

12. Пешё, М. Контент-анализ и теория дискурса // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса / общ. ред. и вступ. ст. П. Серию. М., 1999. С. 302–336.

13. Рыжий, Б. Б. С грустью и нежностью // Оправдание жизни. Екатеринбург, 2004. С. 451–454.

14. Энциклопедия. Уральская поэтическая школа / сост. В. О. Кальпиди. Челябинск, 2013. 608 с.

References

1. Abashev, V. V. (2013). Geopoeticheskiy vzglyad na istoriyu literatury Urala (=A Geopoetical View of the History of Literature of the Urals) // Vvedeniye v geopoetiku. Antologiya (=Introduction to geopoetics. Anthology). Moscow. P. 202–218.

2. (=The Asia-European Border: Transformation of Meanings) // ČESLOVO MILOŠO SKAITŪMAI 6. "Gimtoji Europa": Erdvė. Mintis. Žodis. CZESLAW MIŁOSZ'S READINGS 6. "Native Europe": Space. Thought. Word. ISSN 2029 – 8552; ISSN 2029-8692. P. 63–70.

3. Antologiya. Sovremennaya ural'skaya poeziya: sbornik stikhotvorenij (=Anthology. Modern Ural Poetry: A Collection of Poems). (1996) / Ed. by V. O. Kalpidi. Chelyabinsk: Galeryeya, Avtograf. 360 p. ISBN 5 -87772-043-5

4. Antologiya. Sovremennaya ural'skaya poeziya 1997–2003 (=Anthology. Modern Ural Poetry 1997–2003) (2003) / Ed. by V. O. Kalpidi. Chelyabinsk: Galyereya. 238 p. ISBN 5-829-0375-9

5. Antologiya. Sovremennaya ural'skaya poeziya (=Anthology. Modern Ural Poetry 2004–2011) (2011) / Ed. by V. O. Kalpidi. Chelyabinsk: Desyat tsyach slov. 351 p. ISBN 978-5-87184-522-6

6. Anton Bakharev-Chernyonok's Blog on livejournal.com [Electronic source]. URL: <http://bah-cher.livejournal.com>.

7. Bourdieu, P. (2007). O simvolicheskoy vlasti (=On Symbolic Power) // Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva (Sociology of Social Space). M.: Institut eksperimental'noy sotsiologii (=Experimental Sociology Institute); Saint-Petersburg: Aleteya. P. 87–96. [Electronic source]. URL: http://ec-dejavu.ru/p-2/Power_Bourdieu.html.

8. Davydov, D. (2006). Pokolyenie vs poetika: molodaya ural'skaya poeziya (=Generation vs Poetics: the Young Ural Poetry) // Literatura Urala: istoriya i sovremennost' (=The Ural Literature: Past and Present). Vyp. 2. Ekaterinburg. 408 p.

9. Dmitriyev, I. (2005). Kontent-analiz: sushchnost', zadachi, protsedury (=Content-analysis: its Nature, Objectives and Procedures). [Electronic source]. URL: <http://parshchikov.ru/nulevaya-stepen-morali/treugolnik-urala>.

10. Parshnikov, A. (2007). Treugol'nik Urala. Esse. (=The Triangle of the Urals. An Essay.) // URL: <http://parshchikov.ru/nulevaya-stepen-morali/treugolnik-urala>.

11. Petrushkin, A. Chertol'nya – mif, kotoryy obrel plot' (=Chertolnya – a Myth That Came Into Life) // Gazetachel.ru Nov. 6, 2014. [Electronic source]. URL: <http://www.gazetachel.ru/razdel.php?razdel=21&id=4311>.

12. Pêcheux, M. (1999). Kontent-analiz i teoriya diskursa (=Content-analysis and the Theory of Discourse) // Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa (=Quadrature of Sense: French School of Discourse Analysis) / Ed. by P. Serio. M.: Progress, 1999. 416 p. ISBN 5-01-004414-5. P. 302–336.

13. Ryzhiy, B. B. (2004). S grust'yu i nezhnost'yu (=With Sorrow and Tenderness) // Opravdaniye zhizni (=Justification of Life). Ekaterinburg: U-Faktoriya. ISBN 5 – 94799 0 381 -3. P. 451–454.

14. Ural'skaya poeticheskaya shkola: entsiklopediya (=The Ural Poetic School: Encyclopedia) (2013) / Ed. by V. O. Kalpidi. Chelyabinsk: Desyat tsyach slov. 607 p. ISBN 978-5-86626-107-9.

ПОЭТ В КНИГЕ СТИХОВ И АНТОЛОГИИ (по изданиям современной уральской поэзии)

Рассматривается специфика позиций автора и текста на примере публикаций в антологиях «Современная уральская поэзия» 1997–2003 и 2004–2011 гг., «Екатеринбург 20:30», а также книг стихов Е. Симоновой. В книге стихов фигура поэта определяющая. В антологии основная нагрузка репрезентативности приходится на текст.

Ключевые слова: книга стихов, антология, современная уральская поэзия, Е. Симонова.

Книга стихов и антология создают разные, но в равной степени авторитетные представления о поэте. Специфика связана с тем, что в книге стихов складывается авторское и полное, завершённое единство, рецепция которого относительно самостоятельна. В антологии автор является «одним из», и здесь он представлен фрагментарно и, в свою очередь, является фрагментом общего, коллективного целого. Рецепция здесь чрезвычайно зависима от ряда условий. В частности, концепции самой антологии, ее цели и вида, полиграфического исполнения и так далее.

Поэтическое книгоиздание в последние десятилетия изменилось самым решительным образом. Не останавливаясь здесь на всем разнообразии этих изменений, отметим лишь важнейшее для нашей темы: книга сохраняет свой авторитетный статус и в то же время лишается его в связи с появлением огромного количества поэтических книг, издаваемых вне традиционных процедур отбора. В такой ситуации парадоксально велика и мала ценность каждой новой поэтической книги.

Несмотря на все изменения, антология в современном литературоведении по-прежнему продолжает рассматриваться как средство отбора, хранения, аккумуляции текстов, соответствующих критериям ценности, значимости, итоговости (см., например, [1; 5]). Ее значение как некой вехи, ориентира сохраняется, однако и трансформируется в связи с упомянутой двойственностью ценности поэтической книги вообще. Заметим здесь, что подчеркиваемая исследователями необходимость временной дистанции для выявления ценности и значимости текстов, составляющих антологию, не является бесспорной. Так, уже в первую русскую антологию 1828 г. вошли новые стихотворения, публикуемые впервые, о чем свидетельствует благодарность, высказанная состави-

телем А. С. Пушкину, барону А. А. Дельвигу, А. Д. Илличевскому, О. М. Сомову и другим поэтам, предоставившим М. А. Яковлеву «новые, нигде не напечатанные пиесы».

Издания современной уральской поэзии представляют для исследования совокупности обозначенных проблем богатый материал. На примере Е. Симоновой мы рассмотрим, как поэт представлен в книгах стихов и антологиях, что именно приобретает или утрачивается в каждом конкретном виде публикации.

Книга Е. Симоновой «Время» (Нью-Йорк: StoSvet Press, 2012) в наибольшей степени отвечает представлению о книге стихов как концептуальной и композиционной целостности. Стихи объединены автором в циклы и части, скрепленные неукоснительно соблюдаемой повторяемостью формы, приемов, мотивов. Их венчает заключительное стихотворение, опубликованное отдельно. В каждом из семи циклов по 12 стихотворений произведения имеют одинаковую форму. Например, в каждом стихотворении цикла «Софья, глядящая в колодец и видящая на дне мертвую звезду/голубя невинности» по 14 строк стихи неравносложные, рифмованные. Стихотворения цикла «Приправы и правда», состоящего из двух частей, разделены на катрены, которые, в свою очередь, в первой части имеют более длинные строки, во второй – короткие при сохранении в двух частях одинаковых названий и рецептов блюд, предваряющих стихи. Разнообразие приемов, использованных поэтом, и строгое соблюдение какого-либо приема как объединяющего средства создают сложную схему. При этом особенно значимыми становятся мотивы, которые необходимо уловить в их движении и стремлении стать сюжетом, что в насыщенном стиле автора, с его вниманием к одному, отдельному слову, представляет собой особую читательскую задачу. Это пример гармонич-

ной и продуманной архитектоники, позволяющей читать книгу стихов как произведение большой формы.

«Время» Е. Симоновой можно было бы назвать книгой стихов с романским содержанием, если бы не ее концентрированная лиричность и лишь потенциальное присутствие сюжета. Преобладание структуры над сюжетом отличает романы М. Павича, в частности «Хазарский словарь». По этой особенности, а также по некоторым мотивам и образам книга «Время» может быть соотнесена с этим романом.

Книга Е. Симоновой описывает созданный автором мир, фиксируя не только вынесенное в заглавие время, но и пространство (циклы «Камни», «Берег»), населяя его («Бестиарий», «Хор»), определяя своего рода быт вымышленного мира («Приправы и правда»). Мифогенность поэзии Е. Симоновой бесспорна. О ней говорится в письме В. Гандельсмана, приведенного в книге в качестве послесловия («...Я прочел Вашу книгу, но не могу сказать, что вместил, потому что пространство ее огромно, это настоящий миф...» [4. С. 154]). В антологии «Екатеринбург 20:30», где составители предпослали каждому автору небольшой аннотирующий текст, сказано: «Екатерина Симонова работает в пространстве мифа» [2. С. 128]. По идее, каждое стихотворение книги вполне может быть изъято из целого и опубликовано отдельно или в другом контексте. В то же время стихотворения, включенные в композиционную схему книги, составленной с такой поразительной выверенностью, заставляют предположить, что стихи создавались целыми циклами и, значит, авторский замысел предполагает их более «крупное» бытование. Значение отдельного стихотворения, изъятого из книги, конечно же, падает, тогда как «вес» его возрастает. В книге стихов горизонтальные связи «дружественны» отдельному тексту, поддерживают, развивают и дополняют его, в антологии (коллективном сборнике, журнальной публикации), где небольшое число произведений или даже одно стихотворение должны представлять автора, «вес» представительности переносится на отдельный текст (или несколько текстов), условия восприятия которых чрезвычайно уязвимы и зависимы от ряда случайных факторов (от окружения прежде всего).

Повышенная нагрузка на текст ведет к тому, что стихотворения функционируют и прочтываются иначе, закономерно меняется и представление о поэте. В нашем конкретном случае

не широта поэтического мышления становится главным знаком таланта Е. Симоновой, а внимание к слову и образу. Как игрушку, «рукоделие» (А. Застырец), застывший фрагмент, оставленный мир, «фотоснимок» (М. Загидуллина) можно рассмотреть поэзию Е. Симоновой, собственно говоря, и взятую фрагментом – подборкой. В подборке Е. Симонова предстает как поэт, виртуозно владеющий словом и всем арсеналом средств *лирики*. Ее миф сужается до пределов одного стихотворения.

Если взглянуть еще пристальнее, можно в каждом стихотворении, опубликованном в книге и в антологии, увидеть смысловое смещение. Р. Фигут определил двойственность функционирования текста в художественном целом лирического цикла как «напряжение между семантической структурой отдельного стихотворения и семантической структурой циклового целого», которое «должно *беречь и оспаривать* автономию отдельных стихотворений» (выделено нами. – У. В.), поэтому цикл, собственно, и не является «литературным произведением искусства» [6. С. 18]. То же демонстрируется на примере изъятия стихотворения из книги и перемещения его в другой контекст. Без сомнения, лучшая в своей целостности подборка Е. Симоновой, представленная в антологии «Екатеринбург 20:30» включает четыре стихотворения из цикла «Бестиарий», которые разделены другими (из книги «Сад со льдом»), что цементирует всю подборку общей «бестиарной» образностью. Завершающее стихотворение подборки не входит ни в одну книгу Е. Симоновой, однако добавляет важную для автора ноту одиночества (в антологии: «... пролитый запах волос увядает будто густой венк. // и просыпающийся одинок»; в книге «Время»: «...имя не то, что своё, но и моё, // и закрываешь лицо ладонями, наконец осознав, что ты один»). Несмотря на то, что стихотворения цикла, разбросанные в подборке и изъятые из книги, утратили часть своей «мифологизирующей» значимости, они стали организующим средством, позволяющим все же увидеть в Е. Симоновой не только тонкого лирического поэта, но автора, склонного к эпическому масштабу своего художественного видения.

Подобная целостность отличает также подборку Е. Симоновой, опубликованную в журнале «Урал» (2014, № 1), где в нескольких стихотворениях, и достаточной настойчиво, повторяются имена Пушкина, Чехова, современных поэтов в названиях и посвящениях

(Е. Сунцовой, О. Дозморова, Ю. Казарина, Н. Санниковой). От первой строки подборки («читатель читает, а плотник – поет...») до последней («мы все призраки. все») складывается некое уловимое в своей целостности лирическое размышление.

Интересен в этом смысле анализ подборки Е. Симоновой, включенной в антологию «Современная уральская поэзия (1997–2003)», составленную В. О. Кальпиди. Стихотворения, выбранные (но не расположенные) по хронологическому принципу, выполняют конкретно поставленную составителем задачу: «...Периодически делать “стоп-кадр”... литературного процесса» [3. С. 13]. В таком контексте стихи Е. Симоновой (в подборке этого тома большая часть датирована 2002 г.) действительно и выглядят, и читаются как слепок обозначенного составителем времени. Они и наполнены знаками современного мира и языка, представляя в данном случае не поэта, а период (эпизод) в развитии уральской поэзии. Фрагментарность, «стоп-кадр» выполняют также функцию фиксации творческой манеры поэта, выхваченной из его эволюции. Так, в антологию 1997–2003 гг. вошли стихи, большая часть которых вскоре была опубликована в дебютной книге автора «Быть мальчиком» (Нижний Тагил, 2004). В поэзии Е. Симоновой этого периода тонкий лиризм сочетался с повышенным вниманием к знакам телесности, и – современности, то есть в данном случае «стоп-кадры» индивидуальной творческой манеры и общего движения уральской поэзии совпали.

Нельзя не заметить некоторых расхождений в текстах книги и антологии. «Стансов к спящей» опубликовано два, в книге – четыре. «Северная элегия» в книге заканчивается простой констатацией: «...И шло // Две тысячи второе лето». В антологии возникают слова, выравнивающие строку метро-ритмически, удлиняя ее, но добавляющие еще одно «непоэтическое» выражение к тексту, и так достаточно жесткому, и интонационно, и лексически: «...И шло // Две тысячи второе, на фиг, лето». Строка стала ровнее, но стихотворение лишилось гармонизирующего, «снимающего» финала, которое важно в поэтике Е. Симоновой. Подобного рода замена произошла и с финалом стихотворения «Единственная я не понимаю...». В антологии заключительные строки решительнее, ровнее и грубее: «Мы сжеванная принтером бумага // Секреты, секреты и отвага...». В книге заметно то же стремление к философич-

ности финала: «Проглоченная принтером бумага // И ты со мной но не хватает шага». Здесь стихотворение не только сменило интонацию, но и лишилось части своего смысла, возникавшего из переключки концовки со строкой: «И кажется что это шаг до чуда...». Если во всех случаях это была редакторская правка, то мотивация ясна в свете общей концепции антологии: стихи стали классичнее и жестче, то есть стали четче выражать представление о поэзии «здесь и сейчас».

В третьем томе антологии «Современная уральская поэзия» (2004–2011) Е. Симонова представлена как автор двух книг: вторая книга «Сад со льдом» вышла в московском издательстве «Русский Гулливер» в 2011 г. Не названная в сведениях антологии третья книга автора «Гербарий» вышла в том же году в издательстве «Ailuros» в Нью-Йорке. И в антологии 2011 г. собраны стихи из этих двух книг. В подборке можно видеть не только новый поэтический язык и стиль Е. Симоновой, но и стремление к целостности и полноте. Так, циклы «Дом», «Гобелены» даны без сокращений. Не совпадают в книге и антологии лишь названия: в книге заглавие «Гобелены. Зеленый триптих. Сон, смерть и пробуждение» предпослано трем частям, а каждая в отдельности названа «Гобелен первый. Левая половина. Спящие», а не «Гобелен № 1...» и т.д. Вся подборка завершается немногословным аккордом с характерной интонацией прощания: «Она умолкает ты умираешь // весь». Большую часть своих значений, будучи изъятым из целого, утратило стихотворение, озаглавленное в антологии «Зима» («Адель берет коньки...»). В книге оно является инициальным к большей части, озаглавленной «Зима», сам же текст заглавия в книге не имеет. В книге «Гербарий» прозаический отрывок «Из воспоминаний Адели С.», предпосланный всей книге, стихотворения, открывающие календарные части («Зима», «Весна», «Лето», «Осень»), стихотворение «Из дневника Адели» (инициальное в части «Погашенная лампа») и «Прощание» (завершающее книгу), вступают в диалогические отношения между собой, дополняют друг друга, движут сюжет книги – «петербургской» и «декадансной».

Таким образом, кроме очевидного сокращения, требуемого самим жанром подборки в журнале или антологии, текст приобретает свойство представлять поэта (в случае с антологиями уральской поэзии, по замыслу составителя, время или период). Нагрузка на текст

здесь велика, тогда как позиция автора уязвима. Книга же представляет собой целостность, позволяющую текстам взаимодействовать между собой, следуя авторскому замыслу или читательской рецепции. Поэт здесь – демиург, создатель художественного мира. Колебания значений, возникающие при перенесении стихотворений из целостного во фрагментарный контекст, будучи проанализированными хотя бы бегло, выявляют в каждом случае специфические художественные свойства самих контекстов, а также поэтических произведений как автономных и контекстуальных единиц. Так, будучи изъятыми из циклов и книг стихотворения Е. Симоновой, включенные в антологию «Екатеринбург 20:30», проложили линию преемственности от книги «Сад со льдом» к книге «Время», а также, включив не опубликованный текст, прочертили условную линию в будущую книгу. Антологии современной уральской поэзии разных лет, коррелируя с изменением творческой манеры автора, создали для Е. Симоновой контексты фиксации важнейших для нее тем, мотивов, образов. Остальные свойства «постоянно нового мерцающего большого целого» (Р. Фигут) при этом были утрачены. Тем не менее, приобретена диалогичность другого рода – между антологиями разных лет. Как было показано на примере стихотворения об Адели, оставаясь в подборке антологии лишь иллюстрацией тем, мотивов, образов, новых для определенного периода, оно лишилось значительной части своих художественных достоинств. И это связано со специфической чертой «романных» книг Е. Симоновой: в «Гербарии», в отличие от «Времени», ясно прочитывается сюжет, скрепленный персонажным субъектом – Аделью. Такая функциональность в книге открывает перед автором возможности разнообразных стилистических экспериментов, при этом стихотворение изначально не мыслится как автономное. Суть этих экспериментов не может быть ясна вне общего замысла. Та же «романная» целостность в книге «Время» в отсутствие сюжета оставляет отдельным стихотворениям больше простора для самооценности, которая лишь меняет свое свойство при перенесении в другой контекст (вместо эпического масштаба поэтического дарования мы видим достоинства языка и стиля и так далее). Так на весах приобретения – потери выявляется мера самостоятельности стихотворения и книги стихов как «литературного произведения искусства».

Список литературы

1. Баженова, В. В. Русский литературный сборник середины XX – начала XXI века как целое: альманах, антология : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2010.
2. Екатеринбург 20:30 : антология современной уральской поэзии. СПб., 2013. 164 с.
3. Кальпиди, В. О. Вступление // Современная уральская поэзия (1997–2003) : антология ; сост. В. О. Кальпиди. Екатеринбург, 2003. 239 с.
4. Симонова, Е. Время. N.-Y., 2012. 159 с.
5. Смирнова, Ю. В. Антология как разновидность поэтического сборника : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.
6. Фигут, Р. Лирический цикл как предмет исторического и сравнительного изучения. Проблемы теории // Европейский лирический цикл : материалы междунар. науч. конф. М., 2003. С. 11–38.

References

1. Bazhenova, V. V. (2010). Russkij literaturnyj sbornik serediny XX – nachala XXI veka kak celoe: al'manah, antologija (=Russian literary collection middle of the XX – early XXI century as a whole: an almanac, anthology) : avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Novosibirsk.
2. Ekaterinburg 20:30 : antologija sovremennoj ural'skoj poeziji (2013) (=Ekaterinburg 20:30 : anthology of contemporary Ural poetry). Sankt-Peterburg. 164 s. ISBN 978-5-903984-78-7.
3. Kal'pidi, V. O (2003). Vstuplenie (=Introduction). Sovremennaja ural'skaja poezija (1997–2003) (=Contemporary Ural poetry (1997–2003)): antologija ; sost. V. O. Kal'pidi. Ekaterinburg. 239 s. ISBN 5-829-0375-9.
4. Simonova, E. (2012). Vremja (=Time). N.-Y. 159 s. ISBN 978-0-9836790-4-2.
5. Smirnova, Ju. V. (2003). Antologija kak raznovidnost' poeticheskogo sbornika (=Anthology as a kind of poetic collection) : avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Moskva.
6. Figut, R. (2003). Liricheskij cikl kak predmet istoricheskogo i sravnitel'nogo izuchenija. Problemy teorii (=Lyrical cycle as a matter of historical and comparative study. Problems of the theory). Evropejskij liricheskij cikl (=European lyrical cycle): materialy mezhdunar. nauch. konferencii, Moskva – Peredelkino, 15–17 nov. 2001. Moskva. S. 11–38. ISBN 5-7281-0608-0.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРМСКОЙ ПОЭЗИИ 1980–2000-Х ГОДОВ

Рассматривается духовный и эстетический опыт пермских поэтов рубежа веков как выражение художественных исканий постмодернистской эпохи. В методологических подходах к изучению творчества В. Кальпиди, Ю. Асланьяна и Ю. Беликова используются понятия и категории, вырабатываемые в философии, эстетике и теории культуры. Комплексный подход, сочетающий герменевтический, аксиологический и феноменологический принципы исследования материала пермской поэзии в контексте культуры рубежа XX–XXI вв. позволяет сформулировать существенные черты художественного мышления названных пермских поэтов (экзистенциальный взгляд на человека, антиутопизм, игровое отношение к традициям), ставящие их в один ряд со знаковыми фигурами отечественного постмодернизма в современной российской литературе. Выделив моменты, сближающие пермяков с общероссийской постмодернистской поэзией, автор доказывает, что в творчестве Кальпиди, Асланьяна и Беликова на уровне художественной авторской мифологии и эстетики проявляется тенденция к преодолению ментального и стилевого (мимикрия, дегуманизация как отчаяние) синкретиза и поиски нового творческого синтеза. Этический онтологизм их творческих стратегий связывает пермских поэтов с традициями русской культуры и определяет дальнейшую творческую и исследовательскую перспективу.

Ключевые слова: пермская поэзия, культура постмодернизма, экзистенциальное сознание, антиутопизм, игра, мимикрия, дегуманизация как отчаяние, ментальный и художественный синтез.

Мы обращаемся к текстам поэтов-неформалов, начинавших свой нелегкий путь в искусстве в советскую эпоху. Их сочинения с трудом пробивались к первым публикациям, преодолевая препоны цензуры, в 80–90-е гг. прошлого века. Сегодня их произведения в центре внимания серьезных исследователей отечественной и зарубежной филологии. Мы стремимся рассмотреть духовный и эстетический опыт пермских поэтов рубежа веков как выражение интенций культурного сознания обозначенной эпохи, поскольку искусство всегда являлось наиболее универсальной формой культурного самосознания. В духовной и эстетической практике культуры 1980-х гг. ощутимо проявляет себя постмодернистская парадигма. В искусстве это ведет к внутренним, собственно художественным изменениям, которые раньше и отчетливее выразились в литературе андеграунда. Отечественный постмодернизм, в наиболее существенных своих чертах соприродный западноевропейскому (интертекстуальность, игра, полилогизм, пародийность, двойное кодирование, деконструктивизм и децентрация и так далее), следует рассматривать не только в соотносительности его с синхронными контекстами других культур, но прежде всего как закономерный

этап развития русской культуры в ее исторической и ментальной диахронии и взаимодействия ее интертекстуальных связей. Однако есть определенная разница между западным экзистенциальным сознанием, скажем, беккетовским, и отечественным экзистенциальным сознанием, с конкретикой и абсурдом его социальных, психологических, повседневно-бытовых мотивировок. В этом смысле творчество пермских авторов Ю. Беликова, Ю. Асланьяна, В. Кальпиди (мы имеем в виду его творчество пермского периода), В. Дрожащих соотносимо с текстами Т. Кибирова, А. Еременко, И. Жданова, А. Парщикова, М. Кудимовой. Экзистенциальный взгляд на человека в творчестве названных авторов проявляется в их сосредоточенности на субстанциальной проблематике, раскрывающей универсальные для онтологического существования человека состояния. Другая черта мышления названных авторов – целенаправленно антиромантический, антиутопический пафос. Такое экзистенциально-ироническое отношение к человеку и его бытию обусловило и игровую составляющую их творческих интенций. Через игру осуществляется восстановление преемственности с утраченной культурной традицией. Духовно-нравственная нецелостность человеческой

личности и восприятия ею бытия, структурируемого хаотичностью реакций субъекта на мир, реализуются по-разному, в зависимости от особенностей творческой индивидуальности художников. Объединяет их смысловая полновесность слова, обремененного глубокой ассоциативной памятью, погруженностью сразу в контексты многих эпох, сближает ностальгия по культуре. Часто, как дети, «избегающие соприкосновений» (метафора М. Кудимовой) с энтропией современности, чтобы «не умереть» духовно, они уходят в иные эпохи и культуры. Речь идет о выработке нового самосознания, объединяющего названных художников. Этим объясняется их повышенный интерес к прошлому, попытка найти ответ, каким образом сложилось существующее положение вещей, попытка обрести опору в культуре, найти себя, свой путь в этом чаду спокойствия, над которым витает дух катастрофы. Исторический опыт названных авторов переживается как личностный; осознать его в себе значит уйти от издержек рефлексивной личности. Они не хотели оставаться детьми застоя – они хотели стать детьми культуры. Пребывание в культуре и стремление ее сохранить, а не нигилистическая жажда расквитаться с нею делает творчество названных авторов ценным с точки зрения этой культуры. Постмодернистская культура создает проекцию на идеальный план современности и истории, осмысляет реальность глубиной этого идеала. Идеальная перспектива культуры складывается в диалоге с классикой, в этической и эстетической ориентации на классику как миф, универсальный ценностный центр культуры, архетипический символ Вечности, дополняющий картину современности измерением бесконечности. Аппелляция к Н. Баратынскому, А. Пушкину, Н. Гоголю и другим классикам рождает многообразие семантики и символики в творчестве рассматриваемых авторов. Особенно характерно возвращение к знаковой для современной культуры фигуре Н. Гоголя. Поэзия Ю. Беликова, Ю. Асланьяна, В. Кальпиди, В. Дрожащих могут быть рассматриваемы в едином контексте с «Головой Гоголя» А. Королева (кстати, писателя тоже имеющего пермские корни и начинавшего свой творческий путь в Перми), творчеством Ю. Мамлеева, А. Еременко, Т. Кибирова. В сегодняшнем культурном контексте фигура Н. Гоголя актуализировалась и выросла не только как автора «Вия», писателя, исследующего экзистенцию «маленького че-

ловека», но и религиозного мыслителя, взглянувшего на мир с христианской точки зрения, первым призвавшего Россию к покаянию и нравственной ответственности. Ощущение ностальгии по цельности и гармонии – это то, что соединяет, а не размыкает рассматриваемых авторов с традицией. Внешне демонстрируемое отсутствие реального идеала в их творчестве есть знак его долженствования. Эта своего рода философия и эстетика «зияния», характерным образом проявляющая себя в порубежные, кризисные для культуры времена, ощутима в этических и онтологических исканиях рассматриваемых художников. В мире Гоголя нет современного позитивного объективированного героя, однако с беспрецедентной силой и осязательностью воплощен его всевидящий и исполненный многогранной, даже всесторонней (от мощного духа юмора до столь же мощного трагедийного духа) духовности автор – творец. Ностальгия по совершенству форм, ясности смысла, целостности и гармоничности духа наиболее интенсивно и трагически переживается В. Кальпиди: «И вот еще что: к нам приблизился чуждый десант/ Из прошлого века – вон Пушкин в зеленом берете./ Левей – Баратынский – он очередью причесал/ Нам полпоколенья, засев с автоматом в кювете» [5. С. 108]. Сознание своей греховности и несовершенства – путь к очищению и духовному подвижничеству.

Постмодернистская метафора лабиринта, возникающая по схеме ризомы, стала наиболее содержательной доминантой, объединившей пермских писателей-неформалов не только номинально, но и творчески, обозначила единство их духовных и эстетических устремлений. Авторы альманаха «Лабиринт-2000» в своем осознанном стремлении – обрести смысл в бессмыслице истории и повседневности, истину в абсурде реальной действительности, нащупать выход из запутанного лабиринта эпохи, общей судьбы, обстоятельств собственной жизни, тупиков сознания, – подспудно вовлекают в пространство индивидуального высказывания, в диалог, художников, выразивших, каждый по-своему, трагизм социально-исторического и метафизического существования человека. Преодоление безысходных ловушек постмодернизма, погружение в глубину известного структурирует экзистенциальную ситуацию, вовлекающую читателя в знакомую ему, его же собственную реальность, с ее перманентным, на протяжении целого века, химерическим бре-

дом – не в рафинированно-отвлеченном, элитарно-эстетическом варианте, а по-нашему – с кровью и с болью – во всей сермяжной красе национального колорита, с убийственной конкретикой и патологическим абсурдом горизонтальных и вертикальных контекстов. «Красота по-русски» – это наша альтернатива «ихней» красоте – «по-американски». Многозначность метафоры Лабиринта обеспечивается погруженностью нашего сознания в собственную историю, современность, культуру, насущной в наши дни потребностью отыскать незримые нити, которые связывают сегодняшнее бытие с прошлым, найти в прошедшем утраченные коды для расшифровки настоящего и обнаружить перспективы будущего. Лабиринт – это руины отечественной истории и культуры, окостеневающих на глазах ветшающих ценностей, идеологий, иллюзий, это общее состояние мира рубежа XX–XXI вв., это тупик бездорожья, утрата пути. Ведь мы – современники – хоть и принадлежим все к разным поколениям, и есть те самые дети, которые заплутались в этих переходах-катакомбах, где прошлое проступает в настоящем, дискредитирует будущее, гипнотизирует нас своим оборотничеством, и вновь, как в страшном сне, возвращает и приковывает к одному и тому же, будто бы заколдованному, проклятому месту – Россия. Особое значение в развитии сквозного пафоса творчества рассматриваемых авторов играет знаковое имя В. Астафьева. Известна его мысль о том, что сегодняшнее человечество (не только страсто-терпцы-россияне) пребывает в состоянии нравственной комы. Мы устали от негатива – бесчувственная атрофированная душа ни на что не реагирует. И только искусство еще находит способы вывести человека из этого «скорбного бесчувствия». Нужна шоковая терапия, крайние меры, их интеграция. Пермские писатели демонстрирует этот синтез. Амплитуда творческих возможностей широка. Это социально-аналитическая, реалистическая поэзия Ю. Асланьяна с предельно обостренной памятью подробностей, лаконизмом, беспощадной достоверностью деталей, беспарфозностью, кинематографической фрагментарностью соединения неожиданных планов, графической точностью словесного эквивалента переживания. Это захватывающее читателя балансирование на грани гротеска, натурализма, гиперреализма, сюрреализма, фантастики, философской мистики в произведениях В. Кальпиди, В. Дрожжащих, Ю. Беликова (фантастика и

мистика не умозрительны, а угаданы в самой вывернутой логике жизни, обусловлены пристальным, глубинным всматриванием в нашу обыденность). Переключки и вслушивание в тексты своих «соседей» по месту и времени обусловлены единством и серьезностью этических мотивировок творчества, общим для всех метасюжетом. Речь не столько о состоянии жизни, сколько о состоянии сознания, смятенного и отчаявшегося, но личностного, не оставляющего попыток высветить вехи смысла в хаосе и энтропии эпохи. Это время, слишком хорошо известное людям, сформированным в условиях тоталитаризма. И самое трудное для многолетних пленников разного рода идеологических призраков и клише – внутреннее освобождение. Трагедии XX в. открыли личности ценность самостояния, достоинства, терпения, непосредственной жизни. Массовое сознание ничего не извлекло из уроков истории. И мы по-прежнему живем в стране непрочитанного народом А. Солженицына. Это один из глубинных контекстов авторского высказывания Ю. Беликова: «Даже если прочтут – не прочтут все равно./ Сквозь пенсне и монокль не читают давно» [2. С. 100]. Кто же они, блуждающие по лабиринту? Исчадия ада? Жертвы? «Собеседники хаоса»? [4. С. 212] Одиночки, противопоставляющие абсурду реальности автономные ценности индивидуальной жизни, которые в эпоху тотального распада ценностей всеобщих остались единственной опорой и надеждой на спасение. Герои, для которых акт самосознания, рефлексия о мире – духовный жест; этическая оценка зла, поиск равновесия, гармонии в безнадежно искривившемся мире – способ преодоления для Духа власти черной магии, единственная возможность противопоставления плоской, линейной, обездуховленной видимости – экзистенциальной логики интуитивной человечности? Реальность-то везде одна и та же – различны лишь уровни ее постижения, способы строительства с ней своих взаимоотношений и характер символизации этого сюжета. Представляется возможным обозначить типы реакций, воплощенные в творчестве пермских авторов. Это может быть мимикрия, когда ты растворяешься в хаосе, уподобляясь ему по сути, распыляя свою человечность, добровольно отрекаясь от собственного имени, или с отчаяньем фаталиста обреченно констатируешь исчезновение своего имени, как в стихотворении Ю. Беликова: «Имя у меня исчезает...» [2. С. 68]. Теряя лик и лицо, приме-

риваешь личину, втискиваешь себя в выморочную псевдологику мира. Выбираешь третий путь между страхом и достоинством. Либо это бунт с отрицательной зависимостью от того, против чего бунтуешь: от нигилизма, от цинизма, пародии, десакрализации самых высоких материй. Сродни бунту – отчаяние, бегство в смерть, в виртуальные миры. Мотив отказа от существования, самоубийства как освобождения, альтернативы посюсторонней бессмыслице устойчиво структурирует единый интертекст. У Ю. Беликова эта тема воплощается в антитезе собственного засекреченного сокровенного существования и агрессии, экспансии мира. Вещественное и вечное при этом неразрывно слиты в его поэтических мирообразах: «Возьмите на зуб пузырек, в янтаре затвердевший./ Он юркнул в смолу с приближеньем чужой атмосферы./ О, ящеры! О, бронтозавры парящие! Где ж вы?!/ Они – в пузырьке. А вокруг – мизгири да мегеры» [2. С. 69]. Внешний мир все время норовит перестать быть потусторонним герою, прорваться в его «психожизнь», присвоить себе имя и лик, стать соприущим ему, что воспринимается как покушение на суверенную свободу. Экзистенция пластична, многовариантна, объемна, противостоит линейности внешнего существования. Беспредельное внутреннее пространство самоопределяется (отрицательным образом) по отношению к внутреннему пределу, при этом постоянно ускользая от определений. Но мимикрия и бунт не созидательны. Только творческое усилие духа разрушает обманы зрения. В христианской антропологии есть представление о личине, лице и лике. Личина воплощает формальные, извращенные отношения. Лицо – более глубокое содержание, сущностные черты. Но путь к самоидентификации личности – это обретение лика – эйдоса. Так просто лик не проявится. Я распознаю свое внутреннее существо только ценой мучительных потерь и преодолений, жертв и самоотречений – это некая ценность, которая принадлежит только тебе. Самодостаточность человека, самоценность личности, его самостояние.

В стихах Ю. Асланьяна главное – проза жизни, ее первозданная и грубоватая основа. Духовная твердость, не то, чтобы оптимизм, а, скорее, стоицизм, и вера в себя, а также душевная нежность и этическое упрямство – те качества, которые составили обаяние его художественного мира. Святая преданность реальности, достоверности жизни, самым основным

ее ценностям, определяет в поэтическом очерке Ю. Асланьяна повышенное внимание к конкретным деталям, пристальность к подробностям, к мелочам. Бог живет в деталях. В центре его поэтического мира сама реальная действительность в ее противоречиях, переданная через предельно-эпическую, подробную предметность, повествовательность, обращение к документальности, «не стилевому» слову, вообще, не книжной культуре. Ю. Асланьян сознательно стремится приспособить «внехудожественность» в качестве наиболее сильного средства и способа выражения переживания. Отсюда часто встречающееся у него нарочитое разрушение ритма стиха, разговорная интонация, профанирующая, оттеняющая серьезность, пафосность мысли. Основная мотивация его творчества связана с беспокойством самосознающей себя личности, самоопределяющейся через раскрытие своей причастности к судьбе собственного рода, истории, культуры: «Объявляют подъем. И тревожные сумерки утра/ Обступают уголья костра – караулом, как будто./ Под конвоем идем или ходим в колодках под Богом?/Ойкумена моя окаянная с лагерным сроком» [1. С. 168]. Это процесс, требующий аналитического, взыскующего взгляда на жизнь и человеческие отношения, нового уровня правды, переоценки ценностей. Но старое знание о жизни не отбрасывается как ненужное, а становится тем необходимым контекстом, тем полемическим полем, в котором контрастнее и выразительнее звучит новая правда и о лично пережитом, и о судьбе всего народа. Трагическая судьба семьи поэта, война, оккупация, партизанские подвиги его отца и дяди, аресты и ссылки армянской родни из Крыма на Вишеру, в края лагерей, жестко описанные еще сидельцем Варламом Шаламовым, история семьи его мамы, тоже хлебнувшей горя в сталинские времена, история множества встреченных им на жизненном пути «свидетелей истории», многочисленных жертв советского террора, а равно и палачей режима, – все это неразрывно переплетается с собственной судьбой, детскими впечатлениями, страхами, событиями романтической юности, страданиями, потерями, мечтами, надеждами, болью, отчаянной верой и многими рухнувшими иллюзиями, объединяющими несколько поколений наших соотечественников: «Две мои тетки, Нюра и Поля./ Знали, что значит чалдонская доля./ Тетки шагали на лесоповал./ Дядька на бирже баланы катал» [1. С. 162]. Стремление

открыть общую историю через индивидуальность конкретного человека, а не просто показать человека в контексте истории у Асланьяна реализуется благодаря разрастанию индивидуального хронотопа лирического «Я» в глубину, соединяющую настоящее с прошлым и модальностью будущего. И все эти переживания, лица, обрывки воспоминаний, событий и дат, переплавляются в образном сознании в картины беспощадной и прекрасной реальности бытия. В этом сознании жесткие картины исторической и современной жизни отечества запечатлеваются порою с объективированностью протокола, а иногда натуралистическая фиксация событий, чувств, мыслей неожиданно перебивается взрывом авторских эмоций. Синтез эпического и лирического оправдан и создает особую атмосферу поэтического мира. Это высказывание поэта, принимающего огонь реальности на себя. Смещения в изображении, вызывающие впечатление выплесков «сырого» материала (необработанного потока «голой» жизни, зафиксированной, но не осмысленной до определившихся духовных оценок сознанием очередного персонажа, рассказывающего свою историю автору), но зорко дозированные поэтическим чутьем писателя, создают особый эффект воздействия на читателя. Весь арсенал духовных и стилистических средств при этом направлен на достижение главной цели, имеющей смысло-жизненный характер, – не дать собственной личности раствориться в хаосе энтропии, не уподобиться ей по сути, не распылить свою человечность, добровольно отрекаясь от своего имени. Сбереечь собственное лицо вопреки псевдологике выморочного мира удастся, благодаря прочной связи с родом, историей, традициями культуры, той «terra incognita», той землей обетованной, коей стала для Ю. Асланьяна родина. Заповедная земля на Северном Урале, Вишера, – художественный универсум, твердыня Духа человека. Пока мы судорожно ищем смысл в суете повседневной рутины, если повезет, находим, но чаще теряем суть личного и общего существования, асланьяновская ойкумена просто есть, как уже особая и объективная данность, как неизбежное средоточие бытия. Она им не придумана, но страдана всей поэтической и человеческой его судьбой, открыта им для всех нас, она состоялась и в этом своем качестве может выступать как некий архетип, как абсолютная норма, воплощение универсалий жизни. Ю. Асланьян не противопоставляет природное бытие культуре

и истории. Он очерчивает территорию их возможной гармонии. Автор погружен в рефлексию, предан размышлениям о человеке. В мире распада, постмодернистского релятивизма, по отношению к которому писатель и как художник, и как человек непримирим, есть то незыблемое, те основы, что удерживают нас от уподобления жалким рутинным обстоятельствам и саморазрушения. Мертвой механике социума и постыдной правде истории, открывающейся сегодня современному восприятию, писатель противопоставляет природно-культурное бытие, Вечность, в конечном итоге, – диалог с Богом. Это единственный источник, питающий человека, дающий ему силы к творческому бодрствованию и духовному самостоянию.

В поэзии Ю. Беликова поиски связи с миром осуществляются иначе. Это поиски связи с самим собой – преодоление отчуждения по отношению к собственному внутреннему миру, иными словами, это путь самостроения собственной человеческой индивидуальности. Его стихи как некие зашифрованные послания неизвестных цивилизаций, чьи коды утеряны и требуют напряженных усилий погружения в толщу исторических и культурных пластов для добычи ключа к раскодированию духовных смыслов, насыщено метафоричны, ассоциативны, многослойны, фактурны и осязаемы по форме. В художественном мире поэта складывается индивидуальная мифология, в системе которой сквозным оказывается мотив жизнетворчества. Жизнетворчество – это движение, которое порождает духовное странствие. Речь о своеобразной деятельности по производству целостного образа собственного «Я». Читатель погружается в поток непрерывных модификаций персоны странствующего героя – альтер эго автора. Это Ермак; перевозчик; неприкаянный поэт – бродяга; непризнанный в родном Отечестве пророк; старый сталкер; просто Божий человек. Ю. Беликов разворачивает метафизику странствия напряженно-экзистенциально, органично соединяя духовное и физическое странствование. Два измерения переплетены и обращают нас к универсальным предельным основаниям человеческого бытия. Странствия такого персонажа происходят между двумя полюсами: бегства и поиска. Одновременно это блуждание по горизонтали парадоксальным образом становится погружением по вертикали в метафизическую бездну. Один мир – это пространство стихий и подлых забав, другой, – мир истины, обетования, вну-

тренин мир, отождествляемый с Богом, мир блаженного покоя и свободы Духа. Еще одна траектория истинного пути поэта – это самоочищение, освобождение в себе места для Бога: с помощью погружения в единственность, уникальность, – сыскать место, именуемое полнотой бытия. Путь жизнестроения – это путь в поисках человеком целостного представления о себе. Здесь странствие как самоопределение, поскольку путь лечит человека, одновременно упорядочивая и мир вокруг. В этом процессе оформляется как внешний образ человека, так и выявляется его предназначение, призвание. Метафора пути динамично соединяет событийную специфику человеческого бытия и герменевтическую природу лирического героя Ю. Беликова. Поскольку он склонен к расшифровке, истолкованию, интерпретации самого себя, родной истории и времени. То есть он не наблюдатель, а путник, участник происходящего, теснейшим образом переживающий и испытывающий все то, с чем встречается. Интеллектуально-эмоциональное движение лирического «Я» поэта – не просто перемещение в пространстве и времени, но прежде всего открытие фактуры своего собственного бытия. Наиболее типичным и устойчивым оказывается образ поэта-пророка, мотив подвижничества. Вся атрибутика этой мифопоэтической темы присутствует в творчестве Ю. Беликова: душевное смятение избранного на великое служение; осознание дара не только как блага, но и как бремени; и страх перед выбором, и трепет перед ответственностью; и право обличительной проповеди от имени Бога, и горькое прозрение невостребованности пророческого Слова в родном Отечестве, и отчаянная решимость, и сомнения, неверие в животворящую силу Слова, и ясное понимание поэзии как единственно возможной последней формы человеческой солидарности. Отсюда и притча, и проповедь, и молитва, и заклинание как основные жанры поэтического высказывания в художественной вселенной Ю. Беликова. Именно в жанре притчи осуществляется в его стихах нелицеприятный суд над историей и современностью. Библейская бесстрастная интонация контрастно усиливает катарсический эффект присутствия читателя в эпицентре апокалиптической катастрофы основополагающих ценностей человеческого сообщества, крушения бытия. Отсюда и тема неслыханной фальши современного мира, тема подмены смыслов, фальсификации, «Сглаза бытия», в конечном

итоге, развоплощения реальности, когда буквальным становится ощущение исчезающей под ногами почвы: «Мы все эмигранты, какой, не припомню страны./ И рады бы съехать, да только откуда съезжать ?./ Ушла из-под ног, даже топи ее не видны./ «Ни пяди!», – кричали. А где эта самая пядь?» [3. С. 15] Отсюда и хронический у Ю. Беликова мотив утраты родины, глубокого разочарования в отечественной истории: «Съезжал я в Потьму, уходил во тьму –/ Который путь в отечество короче?/ Но Родину я видел потому,/ Что мне она выкальывала очи!» [3. С. 9], и тщетные поиски России – на ощупь, вслепую при помощи волшебного посоха, помогающего отыскивать древние клады. Постструктуралистская метафора следа, отпечатка – еще один центр художественного мира Ю. Беликова, связывающий воедино в его поэтической вселенной горизонталь национально-исторического и вертикаль метафизического измерений бытия. Метафора следа прежде всего подчеркивает в творчестве поэта опосредованный характер человеческого восприятия действительности. Если воспринимающему сознанию доступен только скользкий след образа, обозначающего вещь, чувство, эмоцию, то вся система художественного высказывания предстает как платоновская «тень теней», как система следов, то есть вторичных образов, и, в свою очередь, опосредована другими текстами, а от того, насколько они «присутствуют» в сознании читателя в явной или скрытой форме, зависит то, насколько в нем окажутся осязаемы и проявлены следы авторской экзистенции. Вместе с тем в художественном мире поэта след, отпечаток, оттиск – это бесценные знаки духовного присутствия человека. Поэту необходимо не только собственный лик сберечь от «сглаза бытия», но еще и мир освободить от личины, навязанной ему. Внутренний вектор этого сложносоставного движения – тоска по истинности отношений, постановка вечных вопросов, пафос покаяния, стремление снять проклятие с жизни, поэзии, отечественной истории и культуры. В этом смысл поэтической метафоры Ю. Беликова: «Вот здесь остановимся. Здесь и сокроемся. Здесь и/ Засветимся. Вроде бы – как на ладони./ Да, вот не возьмете своей атмосферой. /А если Возьмете (возьмите!)/ То – в перстне, серьге иль в кулоне» [2. С. 70]. И тогда откроется мир – не скопище «мизгирей и мегер», а обиталище Бога, людей и ангелов. Спасение – в творчестве. Главное – не останавливаться.

Рассматриваемые нами пермские писатели, каждый по-своему, преодолевают хаос, нравственно оценивая происходящее, сохраняя свое имя, сберегая свой лик, деконструируя личину реальности и структурируя вечные смыслы, собирая, а не внося раздор, дисгармонию, гармонизируя, а не способствуя энтропии. Жизнь не только драма, но и радость, но и смысл. Тревога потери смысла и того Я, которое жило в этом мире смыслов, стало доминантой, объединившей художников. Созданная человеком реальность поработила его, находясь внутри ее, мы теряем себя. Но становясь жертвой хаоса, человек, «тварь дрожащая», все еще признает, что именно он утратил и продолжает утрачивать. Человек еще «достаточно человек для того, чтобы переживать дегуманизацию как отчаяние. Он не знает, где выход, но старается спасти в себе человека. Его реакция – это мужество отчаяния, мужество принять на себя свое отчаяние и сопротивляться радикальной угрозе небытия, проявляя мужество быть собой» [6. С. 99]. Этический онтологизм в творчестве пермских поэтов рубежа XX–XXI вв., не пожелавших стать «собеседниками хаоса», связывает их творчество с традициями отечественной классической культуры, формирует стратегию плодотворной творческой перспективы.

Список литературы

1. Асланьян, Ю. И. Печорский тракт : стихотворения. Пермь, 2010. 208 с.

2. Беликов, Ю. А. Стихи // Лабиринт. 2000. № 1. С. 69–70.

3. Беликов, Ю. А. Не такой: свод избранных стихотворений. М., 2007. 185 с.

4. Ермолин, Е. А. Собеседники хаоса // Новый мир. 1996. № 6. С. 212–218.

5. Кальпиди, В. О. Аутсайдеры-2. Пермь, 1990. 111 с.

6. Тиллих, П. Избранное. Теология культуры. М., 1995. 479 с.

References

1. Aslanyan, Yu. I. (2010). Pechorskij trakt : stikhotvorenija (=Pechora highway: poem). Perm. 208 p.

2. Belikov, Yu. A. (2000). "Stikhi" (=Poems). in: Labirint. Perm Press. N 1. Pp. 69–70.

3. Belikov, Yu. A. (2007). Ne takoj: svod izbrannykh stikhotvorenij (=Not as: a collection of selected poems). Moscow. 185 p.

4. Ermolin, E. A. (1996). "Sobesedniki khaosa" (=Chaos's interlocutors), in: Novyi Mir (=New World). N 6. Pp. 212–218.

5. Kalpidi, V. O. (1990). Outsajdery-2 (=Outsiders-2). Perm. 111 p.

6. Tillich, P. (1995). Izbrannoje. Teologija kul'tury (=Selecta. Theology of culture). Moscow. 479 p.

Ю. Ю. Даниленко

ДИАЛОГ С ГОРОДОМ В ПОЭЗИИ МОЛОДЫХ ПЕРМСКИХ АВТОРОВ

Исследование выполнено в рамках проекта 058–П
Программы стратегического развития ПГГПУ.

Рассматриваются модели и формы территориальной идентичности на материале современной пермской поэзии. Предметом непосредственного анализа является рецепция пространства в творчестве молодого поколения пермских литераторов, прослеживается процесс формирования новых геопоэтических доминант, явленных в поэзии молодых авторов. Материалом исследования стали интервью и поэтические тексты пермских авторов. Методологическая база исследования: геопоэтический подход.

Ключевые слова: *территориальная идентичность, диалог с пространством, геопоэтика, региональная литература, локальный текст.*

Геопоэтический подход к изучению региональной литературы представляется весьма продуктивным в настоящее время, когда особенно актуальными становятся вопросы самоидентификации, в том числе региональной. С конца 1990-х гг. по настоящее время в постперестроечном пространстве России в дрящемся процессе политического переустройства проблема территориального самосознания стоит особенно остро. В этом аспекте современный региональный текст может рассматриваться в качестве одного из самых информативных и наиболее показательных инструментов, формирующих и транслирующих уникальные модели саморепрезентации конкретного региона. Представляется, что именно эти модели и должны являться одними из главных предметов изучения в контексте обозначенной темы.

Изначально геопоэтика (термин К. Уайта, поддержанный и введенный в российский научный культурологический и филологический оборот И. Сидом) – особое направление в культурологии и других гуманитарных науках, подразумевающее особую практику восприятия ландшафта, диалога с пространством, возникает как понятие противоположное геополитике (Ю. Андрухович). Однако практика исследований в этой области показывает, что подчас именно геопоэтика формирует и моделирует механизмы геополитики [1]. Потому изучение региональной литературы через призму геопоэтики представляется стратегически необходимым для аналитики региональной культурной самоидентификации.

Региональная литература является уникальным «носителем информации» о конкретном

локусе: о его самобытности, произрастающих в нем смыслах, его жителях и их самосознании, «столкновениях с пространством», меняющихся представлениях о конкретном месте, явленных в нарративе, о культурных мифах, которые это пространство порождает, в целом – о прошлом и настоящем топоса.

В своем ставшем уже программным для изучения локальных текстов исследовании «Пермь как текст» В. В. Абашев описал механизмы мифологизации пространства на примере конкретного города. В исследовании литературоведа убедительно показано, как в нарративе проявляются символы и формируются мифы, ассоциируемые с городом, рисуются образы, мотивы, складывающиеся в устойчивый, цельный образ топоса. Только нарратив позволяет считать истинную рецепцию городского пространства.

Осознанно или нет, авторы «проговариваются» о своих отношениях с окружающим их ландшафтом, выстраивают диалог с городом, выражают в тексте свои ощущения от восприятия конкретного места, называют его, то есть творят собственные мифы о нем. В. Абашев в исследовании высветил проекции «пермских смыслов» в местной поэзии 70–90-х гг. XX в., обозначив геопоэтические доминанты города Перми, сформированные в художественных системах поэтов. Так, одним из главных «геопоэтических конфликтов», отраженных в пермской поэзии поколения 70-х гг, является переживание резкого несоответствия древнего имени (Пермь Великая) и реального места – мрачного, серого, промышленного города: «Чахлая Пермь над озябшей рекой косо свое нахлобучила имя»

– В. Раков [9. С. 16]. Именно на основе этого противоречия выстраивается неоднозначное восприятие города. Так, в поэзии поколения 1970–1980-х гг. сформировался устойчивый негативный, мортальный образ Перми как места, несущего смерть и безысходность, обрекающего человека на вечное пребывание в нем. Ср.: Пермь – «косоногая сатрапка, бабка, бросившая внуков» (В. Кальпиди), «родовая ловушка», «человечья нора» (В. Раков). Такое драматическое переживание пространства формирует и особое мировоззрение, объединившее целое поколение. Так мотивы обреченности и безысходности стали ведущими, сюжетообразующими в лирике поэтов целого поколения (В. Раков, В. Лаврентьев, А. Субботин, А. Колобянин). Ожиданием новых смыслов пермского текста, новых векторов геопозитических доминант заканчивается исследование В. В. Абашева: «Возможно, Пермь небесная, «Пермь третья» как-то высветится в поэзии неизвестных нам пока авторов» [2. С. 408].

В настоящее время уже есть возможность говорить о новом поколении пермской поэзии, представленном такими авторами, как Павел Четчин, Антон Бахарев-Черненко, Юрий Куроптев, Иван Козлов, Дарья Тамирова, Георгий Звездин, Алексей Черепанов, Анна Пепеляева и др. Новая плеяда пермских авторов уверенно заявляет о себе, издавая собственные книги, публикуясь в авторитетных изданиях («Урал», «Новый мир», «Антология Уральской поэзии»). Пермские авторы не обойдены вниманием и профессионального сообщества. Так, лауреатами премии «Nova» всероссийского поэтического фестиваля «СловоNova», то есть поэтами, говорящими новое слово в русской поэзии, дважды были признаны пермяки: в 2011 г. победителем стал Иван Козлов, а в 2013 г. – Антон Бахарев-Черненко. Ранее А. Бахарев – победитель Международного фестиваля поэзии «Синани-Фест» (Ялта, 2009).

Представляется, есть основания и даже необходимость как с литературоведческой точки зрения, так и с культурологической, а возможно, и социологической, обратиться к изучению современного состояния пермского текста, представленного словесностью молодых авторов, с целью «сверки» геопозитических координат с предшествующим поколением, возможно, обнаружения новых мифологем и геопозитических доминант. Обращение к современному состоянию локального текста даст представление о взаимоотношении меняющегося в силу исто-

рических и политических переустройств города и его молодых жителей.

Современное состояние региональной, в частности, пермской литературы уже становится объектом исследований¹.

Так, в рамках проекта «Литература Пермского края XXI в. : электронная энциклопедия» участниками творческого коллектива был собран материал (интервью и эссе молодых поэтов), позволяющий проанализировать модели взаимодействия нового поколения с городским пространством.

Вдохновляет ли вас пространство, в котором вы живете? Становится ли место героем вашего творчества? Ощущаете ли вы ответственность своего творчества с традицией уральских поэтов старшего поколения? Насколько инспирировано ваше творчество местом, в котором вы живете? Ощущаете ли вы себя локальным, пермским автором или место не влияет на ваше творчество?

Ответы на эти и другие вопросы, а также сопоставление информации из интервью непосредственно с основными мотивами и темами поэзии молодых авторов позволят проанализировать современное состояние пермских текстов: наследуют они традицию или отталкиваются от нее, как формируют и транслируют новые «пермские смыслы». Этот материал поможет составить представление о моделях и формах территориальной идентичности, характерных для нового поколения пермских поэтов.

Очевидно, что молодые пермские авторы, реализующиеся в новой социокультурной ситуации, в эпоху информационной и технической революции, по-новому будут ощущать и время и пространство. Потому важно понять, куда движется вектор территориального самопознания в настоящее время.

Восприятие пространства меняется во многом зависимости от политической, социокультурной ситуации. М. П. Абашева, изучая феномен территориальной идентичности уральских авторов поколения 1970–1980-х гг., приходит к выводу, что даже у одного поколения с течением времени происходит смена доминант самоидентификации. «Перемена в понимании пермскими поэтами-восьмидесятниками собственной земли, случившаяся в последнее десятилетие XX в., обнаруживает перемену в семиозисе территории и вызывает к жизни новые символы персональной идентичности, прямо связанные с местом жизни, в отличие от старшего поколения поэтов, рассматривающих

Урал как звено оппозиции «столица-провинция» [3. С. 332].

Потому, вероятно, молодые авторы (поколение 1980–1990-х), рожденные в новое время, в свою очередь, будут реализовывать новую модель диалога с пространством города.

Следуя логике и методу изучения смысловой матрицы локального текста², попытаемся обнаружить новые модели и формы территориальной идентификации в творчестве молодых пермских поэтов.

Новая плеяда авторов – Павел Чечеткин, Антон Бахарев-Черненко, Юрий Куроптев, Иван Козлов, Дарья Тамирова, Георгий Звездин, Иван Колпаков, Алексей Черепанов, Анна Пепеляева, – это молодые люди, чье детство пришлось на восьмидесятые, юношество и поиски собственного пути – на девяностые годы, а профессиональное становление – на нулевые. Эти три этапа формируют особую оптику восприятия настоящего времени и пространства, а также ощущения себя в нем. Эта новая генерация авторов реализуется профессионально уже в новой социокультурной ситуации, когда центростремительный вектор движения провинциального писателя из региона в столицу уже не представлялся единственно возможной стратегией успеха³. Произошедшее в постперестроечный период переструктурирование социального и литературного поля, в частности, позволило молодым авторам становиться полноправными участниками современного литературного процесса, благодаря литературным премиям, фестивалям, новой политике книжных издательств, заинтересованных в открытии новых имен, возможностям интернета. Потому у молодых региональных авторов стирается ощущение «провинциальности», отдаленности собственного города от столицы, потому рецепция пространства в их творчестве постепенно приобретет новые смысловые доминанты.

В интервью (из десяти респондентов) ни один не обозначил город «провинциальным», ограничивающим творческие возможности. Скорее теперь авторы вносят за скобки значимость собственной территориальной принадлежности. *«В данный момент Пермь мне особо не мешает, – отмечает Павел Чечеткин. – Если я когда-то и покину ее, это вряд ли будет продиктовано литературными соображениями»* [8].

Денис Голиков: *«Для меня нет никакой разницы в среде обитания в плане сочинительства. На мою творческую продуктивность*

влияют обстоятельства, лишь опосредованно связанные с местом жительства. Уже будучи взрослым человеком, я жил в Москве и Петербурге, сегодня я опять обитаю в Перми. Наверное, определенные творческие ограничения, связанные с географией, могут быть у архитектора, режиссера, дирижера – людей, связанных с большими коллективами и финансированием. Для писателя же и поэта пределы творческих возможностей ограничены только его собственной черепной коробкой» [8].

Алексей Лукьянов: *«Если место и влияет, то очень опосредованно. Мне нравится среда, в которой я живу, но это не пространство края или города, а пространство моей семьи»* [8].

Более того, в свете последних событий в области культурной политики Перми, когда Пермь претендовала на статус «культурной столицы», антиномия столица–провинция в восприятии пермяков приобрела почти обратные коннотации. Хотя, конечно, многие отнеслись к эксперименту «культурного проекта» весьма скептически, стоит констатировать объективные факты: культурная и литературная жизнь Перми в этот период (2008–2013 гг.) заметно активизировалась. В частности, благодаря организации ежегодного поэтического фестиваля «СловоNova», фестиваля видеопоззии «Пятая нога» и множества других культурных событий молодое поколение пермских авторов оказалось включенным непосредственно в современный российский литературный процесс, получив возможность быть не только его участником, но порой даже лидером. Если раньше молодые пермские литераторы вынуждены были «вариться в собственном соку», то теперь они получили возможность заявить о себе на всероссийском уровне. Потому творческая активная молодежь охотно поддержала идею развития культурного потенциала региона. Значимым шагом стало создание пермского интернет-издания «Соль» под руководством поэта, журналиста И. Колпакова. Участник проекта, поэт Иван Козлов, с досадой вспоминает о нереализованной мечте: *«У издания “Соль” была сверхзадача – мы работали в русле “Культурной революции”. Нам хотелось подтвердить, что идея, которую продвигал и продвигает Марат Гельман – идея о необходимости децентрализации страны – жизнеспособна. Мы ведь были единственным в стране нестоличным изданием с федеральной аудиторией. И нам хотелось показывать людям – в Перми кайфово, за МКАДом любопытно, валите из Москвы,*

она же скоро развалится, там же сгниет все и лопнет, а в провинции куча незанятых ниш и можно спокойно дышать. Но потом “Соль” кончилась, и инертность оказалась сильнее – все редакторы и многие журналисты сейчас живут в Москве, в Питере, в Екатеринбурге. Остальные ушли в сферы, никак с “Культурным проектом” не связанные. Так что я оказался сейчас в положении “отвечающего за базар”. Стоило год с лишним доказывать всем необходимость валить в Пермь, чтобы потом слиться отсюда?» [8].

Так, потеряв негативную окраску провинциальности, Пермь не приобрела и статус столичности, успешности, состоятельности. Вопрос о самоидентификации Перми остался будто незавершенным. Потому процесс территориальной самоидентификации, с одной стороны, потерял в творчестве молодых авторов свою остроту. С другой стороны, возможно, что проблема пространственного самоопределения имплицировалась, ушла в скрытые, глубинные структуры текста, поскольку, как показывают исследования по геоэстетике, человеку свойственно «определять себя через место, а место через себя. Это одна из его фундаментальных онтологических, гносеологических, аксиологических потребностей» [4. С. 332].

Потому молодые авторы, возможно имплицитно, неосознанно, пытаются все-таки понять характер пространства, в котором они живут, почувствовать его геоэстетические доминанты.

Так, Павел Четкин ощущает пространство города как странный симулякр, фантом, как нечто не цельное, возможно, еще не до конца осмысленное, сокрытое:

«В Перми масса замечательных мест, имеющих для меня большую эстетическую и символическую нагрузку. Но ни одно из них не годится на роль интеграла, отдельные кусочки смысловой мозаики рассыпаются перед глазами, как частицы никем не собранного пазла. Один лишь образ может претендовать на эту роль. Это вечные заборы в центре Перми, те самые, о которых упоминал еще Чехов. За ними либо развалины, либо просто заросшие пустыри, а вокруг заборов кипучая суета и жаркие споры об эстетике. Одни хотят нарисовать на заборе “дружелюбный интерфейс” и понятную дидактику традиционного образа. Другие хотят мейнстрима и актуальности, провоцировать пермяков бескомпромиссной резкостью современного искусства. Третьи просто написали бы слово из трех букв

как квинтэссенцию русской культуры – и дело с концом. Вот этот забор вокруг пустыря и споры, что на нем рисовать, и есть для меня самый общий образ современной Перми. К сожалению» [8].

Иван Козлов, словно тая некую обиду на город, не позволивший реализоваться всем задуманным планам, демонстративно противопоставляет себя городу, размышляя о городской структуре как таковой, как о порождении губительной цивилизации, позиционируя себя «человеком природы»: *«Я не городской человек, я ненавижу города и мой родной город в частности. Я остро нуждаюсь в открытых пустых пространствах, в каких-то природных ландшафтах. Город кажется мне чужеродным элементом в моей жизни, случайной занозой, досадным недоразумением. Наверное, именно это меня толкает постоянно его исследовать, переваривать, затягивать в стихотворную форму. Исследовать то, что не является враждебным, нет никакой особой нужды. При этом (или поэтому) город мне крайне интересен, с этим тоже глупо было бы спорить»* [8].

В поэзии же лирический герой И. Козлова также непременно пытается понять причины своего «родового проклятия», однако предопределенность собственного пути герой ощущает как ловушку места.

Не отвлекаясь на мелочи, надо думать о том, что важнее:

Вроде ногти все время пострижены, зубы целы, карма чиста.

Но все равно колесо моих бесконечных перерождений

Вряд ли раскрутится за пределы Красавинского моста,

Здесь принято отрубать себе руку для постижения дзена,

Здесь ни одно направление никогда никуда не ведет,

Здесь вас готовы выслушать исключительно стены,

Здесь дребезжит костяной крошащийся небосвод.

Убранный снег самосвалы сгружают на снежной свалке,

Где снежная мафия держит бесправных снежных рабов.

Любой, кто находится здесь, – в какой-то степени сталкер.

Мне кажется, этот город решительно нездоров.

Его потроха вылеплены из кирпича и картона,

А у меня вообще пустота скрывается под пальто.

И один из нас реципиент, а другой, однозначно, донор,

Хотя я до последнего не смогу понять, кто есть кто [7. С. 149].

Герой, несмотря на «чистую карму», оказывается бесменным узником предопределенного и ограниченного, тотально замкнутого пространства. Пребывание внутри заданного хронотопа ощущается бессмысленным и бесперспективным, потому как пространство перестает быть конкретным, несмотря на упоминание реального топонима (Красивинский мост). Реальное пространство оборачивается фантомом, превращается в симулякр: *«Здесь ни одно направление никогда никуда не ведет»*, одновременно оно мгновенно сворачивается, сужается до низкого *«крошащегося небосвода»* и стен, внутри которых оказывается одинокий герой. Герой оказывается в ловушке (вспомним, что этот образ был характерен для поэзии поколения 1970-х гг, «родовая ловушка» В. Раков) Несвободный, заключенный в тиски фантомного пространства, герой И. Козлова – не маргинал и аутсайдер, но сталкер – персонаж, способный преодолевать границы привычного и обыденного, способный сам выступить проводником в иные пространства и измерения. Фантомность города словно проникает в героя, наполняет его пустотой, превращая также в симулякр, то есть становится его сутью: *«Его потроха вылеплены из кирпича и картона, А у меня вообще пустота скрывается под пальто»*.

Таким образом, лирический герой Козлова ощущает с городом странное неизбежное единство, герой сам превращается в город, становясь с ним единым целым (*«И один из нас реципиент, а другой, однозначно, донор, / Хотя я до последнего не смогу понять, кто есть кто»*).

Попытка обрести внятную систему координат собственного пространства и вписать в нее себя у героя заканчивается крахом, полной дезориентацией в пространстве, во времени, в потере вектора самоидентификации. Не удивительно, что этот процесс распада реализуется через метафору болезни, (*«Мне кажется, этот город решительно нездоров»*), которая очень ярко характеризует состояние героя – окончательную потерянность не только во времени и пространстве, но и в осознании себя самое.

В целом, лирический герой, житель избраемого города Перми, часто предстает в художественной системе координат молодых авторов тотально несвободным: замкнутым, буквально заключенным в урбанистическом пространстве. К тому же он часто оказывается ведомым, лишенным свободы в ловушке автобуса или трамвая, которые следуют по строго заданному, кольцевому маршруту. Кольцевые дороги, тупиковые маршруты, семантика которых – бессмысленность и обреченность существования, пожалуй, становятся отчетливой геопозитической доминантой, определяющей рецепцию города Перми в поэзии нового поколения. Этот образ встречается в текстах И. Козлова, Ю. Куроптева, А. Александрова, А. Бахарева-Черненко.

Так, в тексте Антона Бахарева-Черненко герой оказывается в замкнутом пространстве холодного города, холодного автобуса, маршрут которого обречен на смерть:

Холодно в Перми, холодно,

Нет холоднее города.

Нет холоднее автобуса,

Чем пятьдесят четвертый.

Где застыл на сидении

Я в одревенении;

Не подает шофер голоса –

Наверное, он мертвый [5].

Оказавшись в ловушке города-симулякра, лирические герои чувствуют себя тотально одинокими, словно потерявшимися, растворившимися в этом фантомном пространстве. Действительно, не названное, не познанное место не дает возможности человеку опознать себя. Потому представляется, что поэзия нового поколения обнаруживает кризис личной идентичности, так же как кризис территориальной самоидентификации. В подтверждение этого тезиса стоит отметить, что многие авторы в своих интервью отмечают именно состояние профессиональной разобщенности, одиночества, которое ощущают в городе.

Ю. Куроптев: *«Мне кажется, что у молодого поколения пермских авторов практически нет взаимовлияния, поэтических переключек друг с другом. Формально это прослеживается по отсутствию посвящений стихов друг другу, в отличие, например, от екатеринбургских или нижнетагильских поэтов. Вот в этом и есть, если хотите, специфика литературной ситуации: Пермь город одиночек»* [8].

Той же точки зрения придерживается В. Кочнев: *«Пермяки – аутисты и интровер-*

ты. Екатеринбургцы более открыты что ли, адекватны, но как ни странно пермяки, на мой взгляд, как писатели интереснее и сильнее. Интровертность иногда помогает конденсировать энергию. В лучшем случае, конечно...» [8].

Итак, молодые литераторы, как показывает исследование, остро нуждаются в обретении внятных черт окружающего их пространства. Не проблематизируя тему диалога с городом в своем творчестве, даже намеренно дистанцируясь от нее, молодые поэты, тем не менее, стремятся разглядеть, распознать смысловую матрицу Перми. Пока же геопозитической доминантой современного пермского текста является замкнутое кольцо дорог пустое пространство, внутри которого лирический герой ощущает себя тотально несвободным и одиноким.

Примечания

¹ Проблемам региональной идентификации посвящаются специальные конференции (ряд семинаров и дискуссий «Поэт и место» в рамках фестиваля «Словопова» Пермь, 2012–2013, «Пермь как стиль» Пермь, 2013), публикуются коллективные монографии и сборники научных статей: «Региональные культурные ландшафты: история и современность» Тюмень 2004, «Геопанорама русской культуры: провинция и ее локальные тексты» Москва 2004 г. Также исследование регионального самосознания становится одним из приоритетных направлений грантовой политики. В настоящее время только в Перми уже реализовано ряд проектов, предметом изучения в которых становится современная пермская литература: «Культура молодежи в пространстве города и региона» (РГНФ, 2011–2012), «Региональная идентичность Пермского края в языках, текстах, образовательных практиках: исследование традиций и динамики (1990–2000-е гг.)» (ПСР ПГГПУ, 2012–2013), «Литература Пермского края XXI в.: электронная энциклопедия» (ПСР ПГГПУ, 2012–2013) и другие.

² В. В. Абашев «Пермь как текст», 2000; А. Сидякина «Литературная жизнь Перми 1970–80-х гг.: История поэтического андеграунда» 2004; М. П. Абашева «Писатель «здесь и сейчас» (территориальная идентичность современных уральских литераторов: пермяки и екатеринбургцы) 2004.

³ Подробнее о смене стратегий профессиональной самореализации провинциальных авторов

в постперестроечное время см.: Абашева, М. П. Траектория успеха провинциального писателя: смена векторов / М. П. Абашева, Ю. Ю. Даниленко // Региональные культурные ландшафты: история и современность : материалы Всерос. науч. конф. Тюмень, 2004. С. 116–23.

Список литературы

1. Абашев, В. В. Геопозитический взгляд на историю литературы Урала // Введение в геопозитику. Антология. М., 2013. С. 202–218.

2. Абашев, В. В. Пермь как текст. Пермь в истории русской культуры и литературы XX в. Пермь, 2008. 496 с.

3. Абашева, М. П. Писатель «здесь и сейчас» (территориальная идентичность современных уральских литераторов: пермяки и екатеринбургцы) // Геопанорама русской культуры: провинция и ее локальные тексты. М., 2004. С. 329–350.

4. Абашева, М. П. Траектория успеха провинциального писателя: смена векторов / М. П. Абашева, Ю. Ю. Даниленко // Региональные культурные ландшафты: история и современность : материалы Всерос. науч. конф. Тюмень, 2004. С. 116–123.

5. Бахарев, А. Стихи [Электронный ресурс]. URL: http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=176367&fullscreen=1

6. Князева, Е. 20-летие: поиск собственной идентичности // Вещь. 2012. № 2 (6). С. 97–104.

7. Козлов, И. Современная уральская поэзия 2004–2011 гг. // Современная уральская поэзия 2004–2011 гг. : антология / авт. проекта, гл. ред. В. О. Кальпиди; сост. Я. И. Грантс и др. Челябинск, 2011. 351 с.

8. Литература Пермского края XXI в. : электронная энциклопедия [Электронный ресурс] / отв. ред. Ю. Ю. Даниленко. Пермь, 2013. CD.

9. Раков, В. М. Пермь третья: рукопись. 1999. С. 16. Архив лаборатории литературного краеведения кафедры русской литературы Пермского университета.

10. Тамирова, Д. Молодая поэзия Перми : опрос // Вещь. 2010. № 1. С. 8–26.

References

1. Abashev, V. V. (2013). Geopoeticheskiy vzglyad na istoriyu literatury Urala (=A Geopoetical View of the History of Literature of the Urals) // Vvedeniye v geopoetiku. Antologiya (=Introduction to geopoetics. Anthology). Moscow. P. 202–218.

2. Abashev, V. V. (2008). Perm' kak tekst. Perm' v istorii russkoy kul'tury i literatury XX veka (=Perm as Text. Perm in the History of Russian Culture and Literature of the XX Century). Perm: Master Key, 2008. 496 p. ISBN 5-8241-0234-1
3. Abasheva, M. P. (2004). Pisatel' «zdes' i seychas» (territorial'naya identichnost' sovremennykh ural'skikh literatorov: permyaki i yekaterinburzhtsy (=Writer «here and now» (territorial identity of modern Ural Writers: Permian and Yekaterinburg)) // Geopanorama russkoy kul'tury: provintsiya i yeye lokal'nyye teksty (=Geopanorama of the Russian Culture: the Province and its Local Texts). Moscow. P. 329–350.
4. Abasheva, M. P., Danilenko, Y. Y. (2004). Trayektoriya uspekha provintsial'nogo pisatelya: smena vektorov (=The Pathway of Success for a Provincial Writer: Change of Vectors) // Regional'nyye kul'turnyye landshafty: istoriya i sovremennost' (Regional Landscapes of Culture: Past and Present). – Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii. Tyumen': Izdatel'sko-poligraficheskoye predpriyatiye «Tyumen'». P. 116–123.
5. Bakharev, A. Stikhi (=Poems) [electronic resource]. URL: http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=176367&fullscreen=1
6. Knyazev, E. 20-letiyе: poisk sobstvennoy identichnosti (=20th Anniversary: The Search for its Own Identity) // Vesch: literaturny zhurnal (=Thing: Literary magazine). Perm. № 2 (6), P. 97–104.
7. Kozlov, I. Sovremennaya ural'skaya poeziya 2004–2011 gg. : Antologiya(=Modern Poetry of the Urals 2004-2011: Anthology) [author project, general editor V.O. Kalpidi; comp. by: Y. I. Grants et al.]. Chelyabinsk: Izdat. gruppа «Desyat tysyach slov» (=Ten Thousand Words). 351 p. ISBN 978-5-87184-522-6.
8. Literatura Permskogo kraя XXI veka: elektronnyaya entsiklopediya (2013). (=Literature of Perm Krai of the XXI century: Electronic Encyclopedia): CD [Literatura Permskogo kraя XXI veka: elektronnyaya entsiklopediya. Otv.redaktor Danilenko Y. Y. (=Ed. by Danilenko Y. Y.)]. Perm State Humanitarian-Pedagogical University, Dept. of Contemporary Russian Literature. Perm.
9. Rakov, V. M. (1999). Perm tretya (=Perm the Third) [Manuscript]. P.16. / Arkhiv laboratorii literaturnogo krayevedeniya kafedry russkoy literatury Permskogo universiteta (=Archive of the Laboratory of the Local History of Russian Literature at Perm State University).
10. Tamirova, D. (2010). Molodaya poeziya Permi / Opros (=The Young Poetry in Perm / A Poll) // Vesch: literaturny zhurnal (=Thing: Literary magazine). Perm. № 1. P. 8–26.

М. В. Загидуллина

ЖИЗНЬ ПОЭЗИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК ДИАЛОГ: ОТ УПШ 1.0 К УПД 3.0

Успешность проектов «Уральская поэтическая школа» и «Уральское поэтическое движение» зависит от того, сумеют ли культуртрегеры перейти от модели 1.0 («поставка» читателям отфильтрованных стихотворений при монополии на фильтры отбора) к модели 3.0, когда поэтическое движение существует за счет внутренних мотиваторов и механизмов воспроизведения в следующих поколениях и автоматически формирует свою внешнюю аудиторию. Поэзия выступает при этом в качестве «контента», живущего по законам информационного пространства.

Ключевые слова: поэзия, Уральская поэтическая школа, Уральское поэтическое движение, культуртрегеры в поэзии, поэзия как социальный институт, воспроизводство культурных моделей, В. О. Кальпиди.

Исследование литературного процесса в новых информационных условиях (то есть возникновение Рулинета и возможности для автора публиковать свой текст, минуя издательско-публикационные расходы) началось практически вслед за возникновением самого феномена (например, [2; 6]). Однако предметом исследования в данной статье является иная коммуникативная стратегия – продвижение поэзии к читателю в условиях перенасыщения информационного пространства креативным контентом.

Если в работах первой половины нулевых годов утверждалось, что Интернет открыл перед поэтами и писателями совершенно новые возможности прямого диалога с читателями, а время между созданием текста и его доступностью читателям и критикам уменьшилось до мгновения [6], то современная ситуация показывает, что возможность такого диалога не означает еще сам диалог.

Другими словами, авторы художественных произведений оказались вовлечены в пространство, где их произведение, потенциально открытое всем пользователям Интернета в мире, оставалось не прочитанным никем.

Сайты «Стихи.Ру» и «Проза.Ру» являются прямым подтверждением этой мысли. Так, при входе на страницу www.stihi.ru читаем: «Стихи.ру – крупнейший российский сервер современной поэзии, предоставляющий авторам возможность свободной публикации произведений. На сегодняшний день 3 августа 2014 г. 581412 авторов опубликовали 25 968 089 произведений, сейчас 1 224 авторов в сети. Если вы пишете стихи – приглашаем опубликовать на сервере Стихи.ру».

Двадцать пять миллионов стихотворений – это огромное количество, полноценный национальный (русскоязычный) корпус поэзии. Хотя сайт предоставляет возможности поиска и составляет свой рейтинг стихов, навигация здесь без специальных ориентиров не дает результата. Случайный читатель, собравшийся погрузиться в мир современной поэзии, оказывается в «рандомном» пространстве, переполненном текстами, которые могут ему оказаться вовсе не близкими. Для «новичка»-автора это поле тоже оказывается не слишком полезным – здесь невозможно быть «замеченным». Скорее, площадку можно использовать как место публикации, которое становится «объектом» распространения и «пиара» («самопиара») с помощью других инструментов.

Фактически любой поэт строит свое творческое поведение так, чтобы достичь известности. Современное информационное пространство, перегруженное однотипными информационными потоками, полностью исключает возможность для отдельно взятых стихов или подборки быть услышанными и замеченными.

Подробное изучение стратегии подъема от «узнаваемости» к «известности» в современной поэзии осуществлено французским исследователем Себастьяном Дюбуа. В частности, он замечает: «Это движение должно рассматриваться в терминах различия между представлениями об узнаваемости и репутации поэта в его собственном мире искусства, в его круге, и подлинной известностью, выходящей за пределы этого круга» [13. Р. 28]. С. Дюбуа апеллирует здесь к исследованиям Д. и К. Лангов, установившим основные механизмы взаи-

модействия узнаваемости и известности в мире искусства еще в работе 1988 г. [16].

При этом важно, что западные исследователи в целом поддерживают теорию «литературного поля», предложенную П. Бурдьё и предполагающую четкое понимание неизбежного взаимодействия двух главных составляющих этого поля – собственно «артистического» и коммерческого [8–10].

Любопытно, что и предшествующие годы (эпохи до-Интернета) формировали в поэзии напряженную конкуренцию и разные формы «самопродвижения» (например, феномен малоформатной поэзии – это тонкие книжечки, которые авторы иногда просто раздаривали прохожим). Однако главным способом было все же получение «внутрицеховой» известности. Другими словами, речь идет о «камерных» чтениях, кулуарных обсуждениях и других формах неформальных (а иногда и вполне «организованных») ансамблей творческих людей – каждый из них выступает в таком ансамбле в роли поэта, критика и слушателя (читателя). Можно обнаружить ряд исследований, посвященных функциям таких микроансамблей и их социальной роли в формировании литературного поля. Важными представляются изыскания Н. Альварес и Дж. Меарнс, организовавших глубокие интервью с поэтами на предмет выяснения роли «читок» и «слушаний» в их жизни [7]. Полученные ими результаты позволяют предположить, что взаимодействие с сообществом, наличие специальных площадок общения, эмоционального развития, основанного, в том числе, и на стремлении слушать и понимать других, становятся основой «баланса» поэта в повседневной жизни, позволяют ему преодолевать личностные кризисы и депрессию. Здесь особенно важен так называемый «аспект перформанса» в разговорной поэзии, когда поэту важно быть и актером одновременно, решать вопросы «самоподачи» пусть даже в небольшой аудитории.

Рассуждая об особенной социальной роли публичных выступлений поэтов, С. Дюбуа в соавторстве с А. Крэг тоже подчеркивают их значимость в создании «моста» между артистической и коммерческой составляющей литературного поля. Их исследование посвящено анализу роли читок в карьере поэта, их «вклада» в продвижение того или иного автора по символической лестнице успеха [12]. Важно, что, по мнению исследователей, мировой рынок поэзии имеет тенденции «вытеснять» из

своего пространства те формы поэзии, что не имеют коммерческой привлекательности, и сам этот эффект воздействует на современную поэзию, вырабатывая у поэтов инстинктивную потребность «нравиться публике». В таком случае становится очевидным факт давления коммерческих практик на собственно артистическую составляющую, что неизбежно ведет к трансформации и искажению сложных культурных механизмов воспроизведения поэтического «вещества». Таким образом, в культуре не выработано «защитных» механизмов от коммерциализации.

Интернет на небольшое время дал поэтам надежду, что они нашли «прямой путь» к сердцам читателей, минуя давление коммерческой стороны их профессионализации в поэзии. Но очень скоро возникло разочарование и возврат к прежним «до-технологическим» формам поэтического общения и «говорения о себе».

Именно ситуация возвращения к прежним культурным формам (пусть и в новом облике) может рассматриваться как главная тенденция современного поэтического процесса. Начало века уже в третий раз за время интенсивного развития литературного процесса взыскует «манифестации». Если в XIX в. «золотой век» только формировал эстетику и этику коллективного переживания поэзии, опробуя «салонные» варианты внутрицеховых объединений и оттачивая различные формы борьбы между разными «клубами», то XX в. дал настоящую палитру «манифестов», каждый из которых был направлен на «революционную» отстройку от «конкурентов». Агрессивная поэтическая среда так или иначе заостряла не только содержательную, но и формально-эстетическую сторону поэзии; впрочем, талант в поэзии не может реализовываться в рамках «коллективной» эстетики, и всякие объединения выполняют лишь одну важнейшую функцию – формируют «питательную среду» для талантов, поле слушания и обсуждения стихотворений.

Эта коммуникация, представляющая собой не что иное, как диалог, оказывается чрезвычайно актуальна и в начале XXI в. – когда культурная среда неизбежно «вырабатывает» историческую параллель к событиям двухсотлетней и столетней давности. Именно на фоне этих культурных ожиданий возникает потребность в поэтическом движении – своеобразном социальном институте поэзии, ее субкультуре, чей смысл, несомненно, – развитие диалога

между поэтом и аудиторией (а косвенно – поэтом и будущим).

Следует остановиться и на самом понятии диалога в том культурном смысле, что предполагает истинную (двустороннюю) коммуникацию. Поэтическое слово ищет «слух», который оно могло бы пронзить. М. Фрайзе, рассуждая о диалогичности как неотъемлемой, но все труднее воспроизводимой форме культуры, замечает: «Диалогичность возникает не из факта, что люди, даже умные люди, друг с другом говорят. Говорят везде – дипломаты, политики, делегации, предприниматели с представителями профсоюзов и т. п., но очень редко при этом возникает истинная диалогичность, то есть желание понять собеседника изнутри, исходя из его собственного мира, его мечтаний, идеалов, страхов... Не говорим тут об убеждениях и мнениях, так как убеждением и мнением собеседник, в свою очередь, закрывается от диалога. Убеждение и мнение – конец всякому диалогу» [3. С. 5].

Применительно к поиску «слуха» поэтом это рассуждение особенно любопытно. Без живого отклика аудитории и одобрения (или даже неодобрения, истолковываемого как реакция на силу стихов) поэзия оказывается не существующей. Размышления об «осуществлении» текста только при встрече с читателем относятся к давно «усвоенным» урокам литературоведения, однако напоминание об этом экзистенциальном моменте помогает нам смотреть на диалогичность как на сущностную потребность художественного произведения.

Важно, что подлинная диалогичность, возможно, возникает исключительно в случае «включенного третьего». Три точки определяют поле говорения, рассуждения, когда может возникнуть взаимообогащающий дискурс. У раннего М. Бахтина находим: «Нет ничего пагубнее для эстетики, как игнорирование самостоятельной роли слушателя. Существует мнение, очень распространенное, что слушателя должно рассматривать как равного автору за вычетом техники, что позиция компетентного слушателя должна быть простым воспроизведением позиции автора. На самом деле это не так. Скорее, можно выставить обратное положение: слушатель никогда не равен автору. У него свое, незаместимое место в событии художественного творчества: он должен занимать особую, притом двустороннюю позицию в нем: по отношению к автору и по отношению к герою» [1. С. 263].

Возвращаясь к ситуации современного литературного процесса, мы можем отметить, что поэт ищет слушателя, который равно выстроит взаимоотношения и с автором как персоной (чтецом) и произведением как средоточием смыслов, неизбежно не равных авторской интерпретации. Это та самая ситуация диалога «второе» (по мысли Г. С. Чеурина, «триада» как формы триалистического сознания [4]), что определяет «плоскость говорения». Однако философски «тройственность» можно рассматривать как множественность. По наблюдениям Анны Вежицкой, к универсальным числительным (встречающимся в любых языках) относятся только «один» и «два», а все остальное – «много». Следовательно, точнее говорить о полилоге, применительно к поэзии включающем не только сознания, вступающие во взаимодействие в поле говорения о стихотворениях, но и контекст, и «неискушенного», «неидеального» читателя, и – главное – «нечитателя» тоже (что неизбежно ведет нас и к признанию значимости коммерческой составляющей).

Неспособность новых площадок презентации творчества (таких, как, например, *stih.ru*) «автоматически» обеспечить такой полилог может рассматриваться как еще одна причина «реверса» в сторону коммуникативных практик, существующих в поэтическом литературном процессе искони. И в этой связи Уральское поэтическое движение и Уральская поэтическая школа как раз и могут рассматриваться сквозь призму новейших построений в рамках Большого Диалога (как его понимал Бахтин).

Такие новейшие идеи связаны с концептуализацией коммуникативных практик Интернет-сообщества. Понятия Web 1.0, Web 2.0 и все еще спорное Web 3.0 (хотя уже появились теоретические рассуждения о Web 4.0) вполне привычны в рамках философии Интернета. Однако применение их как универсальных культурологических понятий представляется вполне оправданным – это попытка унифицировать культурные процессы и увидеть их конгруэнтность.

Оттолкнемся от «программистского» взгляда на эволюцию «веба» (см. рисунок).

Как следует из этого рисунка, эволюция форм коммуникации в Интернет-пространстве (схема демонстрирует именно программистскую составляющую) зиждется на взаимодействии семантического анализа контента (информационных связей) и собственно пользова-

тельских потребностей (социальных связей), в том числе и потребности в разделении своего знания (умения) с другими (что и есть по сути социальность – в самом общем смысле этого слова). В узко-программистском смысле Интернет трансформируется в сторону создания сервисов (приложений), которые позволяют оптимизировать любой поиск (и вообще любой вид деятельности) в Интернете.

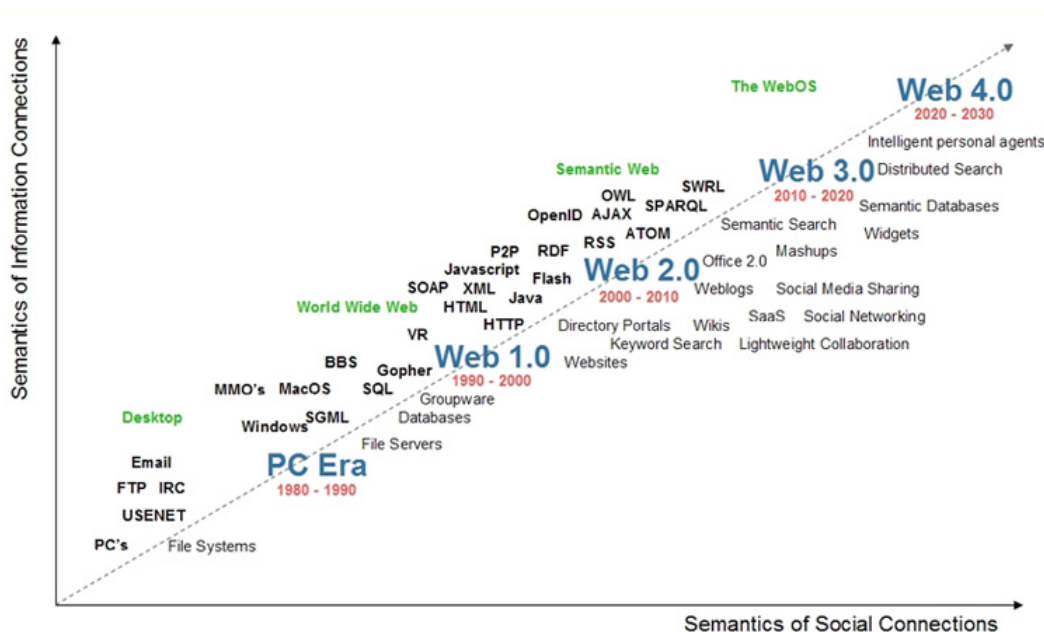
Web 4.0 – это уже не «приложение», а монументальная операционная система, построенная на принципах семантической оптимизации контента в соответствии с потребностями пользователя. Философский, культурологический и даже во многом антропологический анализ перспективы перехода к Web 4.0 дан в футурологическом фильме «Она» («Her»), сценарий которого написан режиссером фильма Спайком Джонсом (2013). Операционная система нового типа оказывается своеобразным мыслящим и чувствующим фантомом, организующим смысловое пространство вокруг главного персонажа и полностью заменяя ему реальный мир, одновременно не исключая эту реальность из собственного «инструментария». «Саманта», как назвалась система, делает то же, что и предшествующие сервисы (первые эпизоды фильма) – анализирует почту, сообщает о погоде, открывает нужные сайты и предлагает интересующую информацию (герой управляет всеми этими сервисами голосом – мы видим также, что весь город полон людьми, погруженными в голосовое

управление своими сервисами). Но «Саманта», в отличие от предшествующих достижений программистов, сконструирована так, чтобы максимально соответствовать психотипу своего «пользователя», отвечая не только интеллектуальным, но и духовным потребностям. Апофеоз «ее» деятельности – семантический анализ творчества героя (сочиняющего своеобразный эпистолярный роман), подборка из этих писем «оптимального» варианта, выбор издателя, для которого эта подборка оказывается особенно значимой – и он издает книгу. Действия фантомного «секретаря» героя вполне укладываются в работу «сервисов» и не выглядят совершенно фантастичными, однако участие «Саманты» в реальной жизни значимо для героя так, как если бы «она» была дорогим и близким человеком, а «ее» уход воспринимается им как серьезная драма.

Этот пример позволяет нам уточнить вынесенные в заглавие статьи понятия и перейти, наконец, к анализу культурной ситуации вокруг Уральского поэтического движения и школы.

Итак, применительно к поэтической школе понятие «1.0» означает простую поставку контента для «бессловесных» читателей-слушателей. Хотя в мире программирования этот этап можно считать пройденным, в данной ситуации он актуален. Покажем культурный механизм включения «ретро-варианта».

Мы уже говорили, что этап 2.0 (его воплощение – например, stihi.ru) остался в прошлом

Эволюция Web (источник: <http://thepaisano.wordpress.com/2008/03/08/web-20-vs-web-30/>).

как желательная коммуникативная стратегия. Отсутствие инструментов «продвижения наверх» в информационной среде, построенной по принципу 2.0, делает поставку контента бессмысленной – количество здесь подавляет качество и тяготеет к понятиям хаоса и «мусора», хотя нет сомнений, что «жемчужин» в этом информационном коме предостаточно. Автор стихов, будучи пользователем системы, может выступить и «вкладчиком» контента, и читателем, и критиком. Но, похоже, вместо этого он делает лишь первый (и последний) шаг – выкладывает свои стихи (это не абсолютная стратегия, но даже у тех, кто пытается свое творчество «продвинуть», это не получается эффективно). Потребность в поиске своего читателя и критика остается неудовлетворенной, а значит, возникает стимул поиска иных средств «встречи» с воспринимающим сознанием.

Таким иным средством и становится манифестарное продвижение поэта в группе, позиционирующейся как творческий феномен в контексте общего поля поэзии (в данном случае – русскоязычной). Сам поэт в таком случае становится лишь «представителем» движения (технологии отработаны в начале XX в.). В случае с Уральской поэтической школой автором самого проекта был один из поэтов – В. О. Кальпиди. Реализуя стратегию, примененную частично В. Я. Брюсовым, В. О. Кальпиди манифестировал существование группы (сейчас делается упор на то, что это не «школа», а «поэтическое движение»).

Закрепление объединения было осуществлено с помощью двух сонаправленных способов репрезентации: выхода трех книг современной уральской поэзии (и сопровождающих их выход мероприятий, событий, перфомансов), а также и создание и продвижение сайта marginaly.ru. Сайт, специально посвященный только Уральской поэтической школе, фактически являлся зеркалом реальной активности руководителя группы (здесь публиковались изданные книги – антологии – и давалась информация о мероприятиях). В данном случае – в используемом нами культурологическом подходе – перед нами именно продвижение 1.0, где «контент» хоть и поставляется многими поэтами, но весь проходит через единый фильтр – сознание и оценку лидера движения. В таком случае, собственно, сами «поставщики» контента оказываются неактивны: они выражают согласие на участие в проекте, но сам проект ведется не ими. Соб-

ственно, и манифестация оказывается «единоличной»: В. О. Кальпиди выдвигает название, задает рамки и формы развития группы. Маргинальность поэтов, таким образом, становится амбивалентной: группа маргинальна не по отношению к некоему «мейнстриму» (которого в принципе нет в современном литературном процессе), а по отношению к своему руководителю-лидеру (поэты как «заметки на полях» его книги о главном – об Уральском поэтическом движении).

Конечно, можно вносить уточнения и говорить о целом ряде действий по интеграции трех поколений поэтов в пространство «внутрицехового» единства. Но главное – сам В. О. Кальпиди отбирает имена и стихи этих поэтов для книг и презентаций, он позиционирует все движение, выполняя роль культуртрегера (внешние связи движения) и внутреннего центра (принимаемого участниками движения). В данном случае его собственное творческое поведение (связанное с созданием стихотворений) растворяется в поведении культурного героя, несущего «идею» УПШ в «массы» и закрепляющего само движение как солидное явление в культуре. Эта работа, несомненно, представляет собой концепт 1.0.

Риском предположить, что концепт 2.0 для этого конкретного феномена уже не актуален и может рассматриваться не как прогресс, а как шаг назад, к хаотичному и неупорядоченному контенту, позиционирование которого в информационном пространстве не может дать ожидаемого эффекта «узнаваемости» и какого бы то ни было движения вверх по символической лестнице успеха – выражаемого в уважении и поддержке критиков и заинтересованных кругах читателей-слушателей. Любопытно, что в журнале *New Scientist* в статье с заголовком «Poetry 2.0» речь идет вовсе не о принципах поставки контента и пользования им в поле литературы, а о различных возможностях, какие открывают перед поэтом компьютерные технологии (например,стройка звука, использование «искусственной» поэзии, смс-поэзия и другие формы) [15]. Но автор неточен в выборе названия. Несомненно, все эти наблюдения лежат в поле исследований диджитальной культуры, а не коммуникативных платформ. Что касается ситуации с Уральской поэтической школой, то, возникнув в разгар стихийно формирующейся поэзии 2.0. в России (где под 2.0 мы понимаем, в первую очередь, свободные от коммерческой составляющей способы публикации стихов),

она сразу стала искать иные варианты самоидентификации и самопрезентации.

Мы наблюдаем здесь неизбежность и потребность перехода к концепту 3.0 – семантически ориентированному информационному пространству, где подбор информации проходит через многообразные фильтры, оставляя одни «жемчужины». Впрочем, чтобы такая модель в совершенстве соотносилась с идеями, высказываемыми относительно программистских задач Web 3.0, следует вспомнить и о массовизации контента – это значит, что развитие Уральского поэтического движения должно быть направлено не только на «узнаваемость» во внешней среде, но и на постоянную воспроизводимость самой поэзии в новых поколениях и новых формах. Невозможно рассчитывать на создание самообновляющих свой контент систем, если принципиально держать концепцию в рамках цензуры. Стратегия развития Уральского поэтического движения должна быть двунаправленной – вовне и вовнутрь. Именно внутреннее и – точнее – «внутрицеховое» развитие и могло бы включить механизм 3.0 – качественный контент, организованный наилучшим образом для каждого читателя и стимулирующий соучастие читателя в литературном процессе.

Такой прогноз позволяет понять, что сегодняшняя «стройка» Уральского поэтического движения представляет собой настоящий прорыв из хаоса современного поэтического «брожения» в космос конкретного поэтического движения. Остается позаботиться о будущем созданной манифестарной системы.

Список литературы

1. Волошинов, В. Н. Слово в жизни и слово в поэзии // Звезда. 1926. № 6. С. 244–267 (То же в книге: Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986).
2. Долгополов, А. Ю. Формирование литературного процесса в российском Интернете: структура, особенности организации и функционирования : дис. ... канд. филол. наук. Тюльятти, 2005. 168 с.
3. Фрайзе, М. Диалог в рамках гуманитаристики: преодолем ли монологизм мышления? // Горизонты цивилизации: Пятые аркаимские чтения : материалы науч. конф. Челябинск, 2014. С. 5–8.
4. Чеурин, Г. С. Можно ли преодолеть «монологизм» на традициях «диалога»? // Го-

ризонты цивилизации: Пятые аркаимские чтения : материалы науч. конф. Челябинск, 2014. С. 355–361.

5. Чумиков, А. PR в Интернете. Web 1.0, Web 2.0, Web 3.0 / А. Чумиков, М. Бочаров, М. Тишкова. М., 2010.

6. Шмидт, Э. Литературный русскоязычный Интернет: между графоманией и профессионализмом [Электронный ресурс] / пер. И. Петрова // Сетевая словесность. URL: <http://www.netslova.ru/schmidt/liternet.html>.

7. Alvarez, N. The benefits of writing and performing in the spoken word poetry community / N. Alvarez, J. Mearns // The Arts in Psychotherapy. Vol. 41. Issue 3. July 2014. P. 263–268. <http://dx.doi.org/10.1016/j.aip.2014.03.004>.

8. Bourdieu, P. Les règles de l'art : genèse et structure du champ littéraire. Paris; Seuil, 1998.

9. Bourdieu, P. Une révolution conservatrice dans l'édition // Actes de la recherche en sciences sociales. 1999. N 126. P. 3–28.

10. Bourdieu, P. Champ du pouvoir et division du travail de domination // Actes de la recherche en sciences sociales. 2011. N 190. P. 126–139.

11. Carta, Dorian "Paisano". Web 2.0 vs Web 3.0 [Electronic resource] / Dorian "Paisano" Carta. URL: www.thepaisano.wordpress.com.

12. Craig, A. Between art and money: The social space of public readings in contemporary poetry economies and careers / A. Craig, S. Dubois // Poetics. 2010. Vol. 38, Issue 5, October. P. 441–460.

13. Dubois, S. Recognition and renown, the structure of cultural markets: evidence from French poetry // Journal of Cultural Economics. 2012. 36, 1. P. 27–48.

14. Getting, B. Basic Definitions: Web 1.0, Web 2.0, Web 3.0 [Electronic resource]. URL: <http://www.practicaecommerce.com/articles/464-Basic-Definitions-Web-1-0-Web-2-0-Web-3-0>.

15. Giles, J. Poetry 2.0. Digital poets and programs free verse from the page // New Scientist. 2010. № 2789. P. 43.

16. Lang, G. E. Recognition and Renown: The Survival of Artistic Reputation / G. E. Lang, K. Lang // The American Journal of Sociology. 1988. № 94. P. 79–109.

17. Wierzbicka, A. Semantics: Primes and Universals. L., 1996.

References

1. Voloshinov, V. N. (1926) "Slovo v zhizni i slovo v poezii" (=Word in life and word in poetry),

- in: Zvezda (=Star). 6. Pp. 244–267 (= Bakhtin, M. M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva* (=Aesthetics of verbal creativity), Moscow) (in Russ.).
2. Dolgoplov, A. Y. (2005) *Formirovaniye literaturnogo protsessa v rossiyskom Internete : Struktura, osobennosti organizatsii i funktsionirovaniya* (=Formation of the literary process in the Russian Internet: the structure, organization and operation features): dis. ... kand. filol. nauk. Tol'yatti, 168 p. (in Russ.).
3. Freise, M. (2014) "Dialog v ramkakh gumanitaristiki: preodolim li monologizm myshleniya?" (=Dialogue within the humanities: avoidable if monologism thinking?), in: *Gorizonty tsivilizatsii: Pyatyte arkaimskiye chteniya: materialy nauchnoy konferentsii* (=Horizons of civilization: Fifth Arkaim reading: Proceedings of the conference). Encyclopedia, Chelyabinsk. Pp. 5–8 (in Russ.).
4. Cheurin, G. S. (2014) "Mozhno li preodolet' «monologizm» na traditsiyakh «dialoga»?" (=Can you overcome the "monologue" in the tradition of "dialogue"?), in: *Gorizonty tsivilizatsii: Pyatyte arkaimskiye chteniya: materialy nauchnoy konferentsii* (=Horizons of civilization: Fifth Arkaim reading: Proceedings of the conference), Encyclopedia, Chelyabinsk. Pp. 355–361 (in Russ.).
5. Chumikov, A., Bocharov, M. and Tishkova, M. (2010) *PR v Internete. Web 1.0, Web 2.0, Web 3.0*, (=PR on the Internet. Web 1.0, Web 2.0, Web 3.0.), Al'pina Publishers, Moscow (in Russ.).
6. Shmidt, E. "Literaturnyj russkoyazychnyj Internet: mezhdru grafomaniyey i professionalizmom" (=Literary Russian-language Internet: between graphomania and professionalism), in: *Setevaya slovesnost'* (=Network literature), available at: <http://www.netslova.ru/schmidt/liternet.html>, accessed 25.02.2014 (in Russ.).
7. Alvarez, N. and Mearns, J. (2014) "The benefits of writing and performing in the spoken word poetry community", in: *The Arts in Psychotherapy*. Volume 41. Issue 3. July. P. 263–268, <http://dx.doi.org/10.1016/j.aip.2014.03.004>.
8. Bourdieu, P. (1998) *Les règles de l'art : genèse et structure du champ littéraire*. Paris; Seuil (in French).
9. Bourdieu, P. (1999) "Une révolution conservatrice dans l'édition", in: *Actes de la recherche en sciences sociales*. 126. Pp. 3–28 (in French).
10. Bourdieu, P. (2011) "Champ du pouvoir et division du travail de domination", in: *Actes de la recherche en sciences sociales*. 190. Pp. 126–139 (in French).
11. Carta, Dorian "Paisano". Web 2.0 vs Web .0, available at: www.thepaisano.wordpress.com, accessed 20.02.2014.
12. Craig, A. and Dubois, S. (2010) "Between art and money: The social space of public readings in contemporary poetry economies and careers". *Poetics*. Vol. 38. Issue 5. October. P. 441–460. ISSN 0304-422X, <http://dx.doi.org/10.1016/j.poetic.2010.07.003>.
13. Dubois, S. (2012) "Recognition and renown, the structure of cultural markets: evidence from French poetry". *Journal Of Cultural Economics*. 36. 1. Pp. 27–48.
14. Getting, B. (2010) *Basic Definitions: Web 1.0, Web 2.0, Web 3.0*, available at: <http://www.practicalecommerce.com/articles/464-Basic-Definitions-Web-1-0-Web-2-0-Web-3-0>, accessed 18.02.2014.
15. Giles, J. (2010) "Poetry 2.0. Digital poets and programs free verse from the page", in: *New Scientist*. N 2789. P. 43.
16. Lang, G. E. and Lang, K. (1988) "Recognition and Renown: The Survival of Artistic Reputation", in: *The American Journal of Sociology*. 94. Pp. 79–109.
17. Wierzbicka, A. (1996) *Semantics: Primes and Universals*. Oxford University Press.

ИНТЕРНЕТ-БЛОГ КАК ФОРМА СУЩЕСТВОВАНИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА (на примере группы «ОДЕКАЛ»)

Исследование выполнено при поддержке гранта 058-П
Программы стратегического развития ПГГПУ.

С позиций социологии литературы рассматривается литературная стратегия «ОДЕКАЛа» в том виде, как она отражена в интернет-блоге сообщества, который ведется его лидером Сергеем Паниным. Выделяются основные черты литературной стратегии «ОДЕКАЛа», такие как трикстерское поведение, мистификация, а также закономерная враждебность региональным культурным трендам, из которых наиболее ярким является проект Уральской поэтической школы.

Ключевые слова: интернет-блог, ОДЕКАЛ, трикстер, литературная стратегия, литературный быт, мистификация.

Вопрос влияния интернет-технологий на литературное поле, несмотря на сравнительно недавнюю его постановку, уже ощущается как серьезная исследовательская задача. В спектре проблем, касающихся осмысления этого процесса, можно выделить несколько магистральных линий. Во-первых, это исследования, связанные с изучением трансформаций поэтики художественного текста под действием компьютерных технологий [9; 1]. Во-вторых, исследование процесса формирования литературной среды в интернет-пространстве [5; 3], а также проблема легитимации литераторов, рассматривающих Интернет как главный (и часто единственный) канал связи с читателем [10]. В-третьих, это вопросы литературно-бытового характера, то есть соотношение бумажной и сетевой литературной среды: как меняется авторская стратегия при переходе из среды бумажной литературы в область электронной (само)публикации, какие стратегии в наибольшей степени сочетаются с особенностями интернет-пространства, а какие, напротив, вступают с ним в жесткую оппозицию [17]. Именно исследованию последней проблемы и посвящена настоящая статья.

В исследовательском фокусе – пермское поэтическое сообщество «ОДЕКАЛ», появившееся на литературной арене региона в 1991 г. прошлого века [4. С. 150]. На сегодняшний момент одним из основных медийных каналов, отражающих деятельность сообщества, является сетевой блог «ОДЕКАЛ СС», располагающийся по адресу: odekals.livejournal.com. Буквы «СС» являются инициалами бесценного лидера сообщества Сергея Сигерсо-

на (настоящая фамилия Панин). Блог odekalss появился недавно (первая запись датируется 12 июня 2013 г.) и является не единственным сетевым представительством ОДЕКАЛа (еще есть блог ОДЕКАЛ КН, который ведет другой представитель группы, Кассиус Нокдаун), но в рамках данной статьи мы фиксируем свой взгляд именно на блоге Сигерсона как месте наиболее ярких манифестаций деятельности сообщества.

Выбор такого объекта изучения неслучаен. Во-первых, это одно из наиболее многочисленных неформальных творческих объединений на пермской региональной арене. С. Дюкин в статье «Вирус ОДЕКАЛ», ссылаясь на Д. Панина, указывает точное число участников в период наивысшей популярности арт-группы (первая половина 90-х гг.) – 21 одекаловец [6. С. 87] или, как называет их сам Панин, «одекалона» [4. С. 151] (упомянув «ОДЕКАЛ» в его сопричастности к Перми, мы должны оговориться, что С. Панин категорически отрицает любую свою связь с географией и ментальностью уральского региона). Во-вторых, по оценке В. Кальпиди, С. Панин «по самоотверженности, аскетичности и длительности творческих усилий, безусловно, претендует на роль культурного героя» [19. С. 456]. В-третьих, сама деятельность «ОДЕКАЛа» никогда не была сосредоточена только лишь на генерации художественных текстов. Акционизм участников всегда носил интермедийный характер, что, безусловно, близко интернет-пространству, где соседство вербального и визуального текстов неизбежно.

Подробная история деятельности «ОДЕКАЛа» в 90-е гг. изложена в энциклопедии «Ураль-

ская поэтическая школа» (См. статьи «Культурный герой ≠ Культурный герой» [19. С. 452–463] и «Инфраструктура I I. Группы, студии, клубы, объединения, фонды» [19. С. 491–515]), статьях «Вирус ОДЕКАЛ» С. Дюкина [6. С. 84–93] и «В людях мои университеты (Записки по памяти)» авторства самого С. Панина [4. С. 147–153]. Последнюю, думается, можно рассматривать в качестве своеобразного литературного перформанса, призванного обосновать феномен «ОДЕКАЛа» как факт общемирового культурного пространства. Однако во всех вышеперечисленных источниках деятельность сообщества описывается с упором на период 90-х гг., то есть на время наиболее активной деятельности арт-группы. Современный же период жизни «арт-коммуны» [14. С. 100], проходящий в условиях почти полной анонимности, когда практически единственным информационным медиумом для открытого обозначения творческой деятельности является интернет-блог, в исследовательской литературе не затронут. Между тем, может статься, что продвижение «ОДЕКАЛа» именно через сетевую среду дало новый импульс сообществу, позволило по-новому развернуться избранной литературной стратегии.

Далее мы рассмотрим основные особенности одекальской эстетической позиции относительно ее воплощения в сетевом блоге арт-группы.

Виталий Кальпиди, давая характеристику деятельности Сергея Панина как идейного лидера «ОДЕКАЛа», назвал его культурным героем. Однако, не отрицая его созидательной роли в обустройстве культурного пространства, на наш взгляд, роль Панина прямо противоположна. Он не культурный герой, а, скорее, трикстер от культуры. Фигуру трикстера мы вслед за Марком Липовецким определяем как «устойчивую риторическую конструкцию, повторяющуюся в литературах и культурах различных эпох» [8. С. 226]. При этом М. Липовецкий в статье «Трикстер и “закрытое” общество», задавая такую модель понимания, прицельно анализирует трикстерство на определенном историческом этапе – советском. Модель советского трикстера, описанная Липовецким, точно подходит и к культурной стратегии одекаловцев, мировоззрение которых сформировалось под действием советской культуры. Сам С. Панин пишет, что все началось «с самого начала 80-х, когда несколько колымских школьников из кубанских переселенцев,

начитавшись приключенческих исторических романов да книжек серии “Пламенные революционеры”, осознали себя партизанами культуры, неуловимыми мстителями мертвому искусству, красными дьяволятами художественного авангарда, ничевсеками (Все в Ничто, Ничто во Всем)» [14. С. 103].

Итак, советского трикстера изобличают: амбивалентность и функция медиатора, лиминальность (пограничное состояние), плутовство как художественный жест, связь с сакральным контекстом [8. С. 226].

Амбивалентность как ядро трикстерства в деятельности «ОДЕКАЛа» проявляется уже в самой их эстетической позиции. Если формально «одекалонов» можно причислить к концептуалистам, ориентирующимся на ОБЭ-РИУтов, дадаистов и сюрреалистов, то сам С. Панин «присваивает компании всю мировую культуру, говоря о том, что корни “ОДЕКАЛа” обнаруживаются “в европейской школе абсурдизма и авангарда, начиная с маньеризма, барокко, барона Мюнхгаузена, Лотреамона, Артюра Рембо, Гийома Апполинера, “проклятых поэтов”, английской поэзии абсурда, Льюиса Кэрролла и кончая германским экспрессионизмом...”» [6. С. 87]. В этом чувствуется изначальная установка на внеморальность в искусстве: вписывание себя сразу в весь контекст европейской культуры равносильно и отторжению всего культурного пласта, что, кстати, сближает «ОДЕКАЛ» еще и с нигилистическими традициями русского футуризма, пропущенными через призму интеллектуального шутовства и детской наивности. Здесь стоит заметить, что подобная ориентация на внеморальность как нельзя лучше соотносится со спецификой интернет-канала. Писатель и журналист Сергей Кузнецов, считающийся одним из пионеров рунета, указывает, что освоение интернет-пространства в России началось именно с создания концепции предельной, абсолютной свободы и свободного общения как условия существования в сетевой среде [7. С. 10].

Лиминальность, то есть пребывание в пограничном состоянии, когда объект не принадлежит ни одной из сторон, ярко прослеживается в одекальской эстетике и в том числе в блоге С. Сигерсона. Главным образом это проявляется через отказ от собственного «Я», что всегда было присуще «одекалонам». Например, в посте от 20 июля 2014 г. приводится отсканированная версия одекальского мани-

феста «ЖУЖАЛОБЫ», где на первой же странице декларируется принцип анонимности: «АНАНИМИКА. мы то есть хобо омангильды тетерин и прочие выдуманные гагаграфом мнимые живые люди люди поэты негодуем. Восклицательный знак. Нас на самом деле нет в природе. И вам это хорошо известно» [11]. Анонимность является одной из главных черт лиминальности [18. С. 176], однако здесь можно говорить только о мнимой анонимности, так как в тексте утверждается полное отсутствие (в том числе и физическое) авторов текста, которых якобы придумал «гагаграф» (видоизмененный псевдоним С. Панина «Дадаграф», использовавшийся в 90-е гг.). То есть они одновременно и живы и мертвы, что можно назвать максимальной по силе манифестацией пограничного состояния.

Интернет, в силу своих специфических особенностей, является благоприятной средой для создания различного рода мистификаций. Уже упоминавшийся С. Кузнецов в романе «Гроб хрустальный: версия 2.0» иронично обыгрывает эту особенность, предлагая узаконить «презумпцию виртуальности», когда в создаваемый человеком интернет-образ нужно верить до тех пор, пока не доказано обратное. Практика подобных интернет-мистификаций уже подробно исследована Е. Горным [2. С. 211–235; 3]. Виртуальная личность в Интернете – это личность, «создаваемая человеком или группой людей, порождающая семиотические артефакты и/или описываемая извне» [2. С. 211].

В блоге «ОДЕКАЛА» также создается своя виртуальная личность. Правда, генерируется она уже на готовом литературном фундаменте героя Р. Э. Распе барона Мюнхаузена (odekalss.livejournal.com/tag/БАМ). Одекальский Мюнхаузен создается как «народный проект» (очередное отречение от авторства): в блоге выкладываются фотографии якобы памятников барону (на деле посвященные совершенно другим личностям), рисованные изображения барона, а также приводятся рассуждения самого Мюнхаузена на различные темы. Фотографии памятников и особенно портреты Мюнхаузена в большинстве своем создаются «не одекалонными» людьми. Сама технология такого коллективного творчества получила широкое распространение именно в сетевой среде в силу того, что при большом количестве соавторов невозможно выстроить единый нарратив, поэтому наиболее выигрышной становится стратегия тиражирования различных вариаций одного концепта.

Барон Мюнхаузен представлен не просто объектом описания – он «автор» одной из рубрик «Свежие мысли барона Мюнхаузена». В рамках рубрики публикуются сюжеты новых приключений барона, а также рассуждения Мюнхаузена на различные темы. Именно в этих рассуждениях и раскрывается в полной мере виртуальная личность барона-«одекалона». Если в фотографиях памятников и портретах еще сохраняются отсылки к его первичному литературному прототипу, то здесь связь с героем Распе полностью исчезает: Мюнхаузен помещается в различные культурные контексты (русские народные сказки, бандитские годы Перестройки, аристократизм викторианской эпохи и так далее) и, более того, может оказаться вообще кем угодно, даже А. С. Пушкиным: «Не все знают, что я, барон Мюнхаузен – автопортрет А. С. Пушкина. Изпод белого парика с косицей упрямо пробиваются черные кудри с бакенбардами. Лезут во все стороны. Бравые гусарские усы довершают дело» [12]. Барон предстает как полностью дематериализованный дух плута и трикстера, становится своеобразной тотемной сущностью ОДЕКАЛА, его сетевым *alter ego*, информационным мемом.

Однако не весь блог ОДЕКАЛА сводится только к мистификационной работе. В блоге регулярно публикуются архивные фотографии 80–90-х гг., видеозаписи, рисунки, отсканированные копии самиздатских книжек ОДЕКАЛА, описания различных акций участников арт-группы. В этом проявляется еще одна особенность сетевого блога как формы коммуникации, а именно установка на документальность. Но и документальность здесь часто смешивается с фарсом и иронией. Остановимся подробнее на разделе «АКЦИИ» (odekalss.livejournal.com/tag/АКЦИИ), где приводятся различные текстовые описания «одекалонных» перформансов. Каждое такое описание выстроено по одинаковой схеме: название акции, начинающееся со слова «Опыт» (напр. «Опыт придания денежным единицам бесценности посредством дополнения»), список действующих лиц, место проведения, время проведения, ход акции, и, самое главное, итог акции. Такая жесткая структурированность описаний «Опытов...» является ловушкой для читателя, так как одной из главных задач этих текстов является высмеивание любых проявлений серьезного. Например, в «Опыте открытия подземной Америки без форсирования океана воды да океана времени» описывается безобидное чудачество,

само по себе лишенное открытого эпатажа: «в охраняемой школе сигерсон обнаруживает выброшенную настенную карту америки. во время вечернего похода к электричке карта открывается разворачивается раскладывается на ступеньках подземного перехода у гознака» [15]. Однако в концептуальном обосновании описанные действия обретают практически сакральный характер: «любой как спешащий на трудовую смену так и празднующийся гуляка получает возможность открыть свою америку. неожиданность встречи с далеким континентом гарантирует пристальное внимание к его особенностям. что значительно облегчает запоминание сложного обычно географического материала. форсирования океанов как временных так и пространственных удалось избежать. укреплен дружественная связь народов мира. художник выступил посланцем не только достаточно жесткой школы но и доброй воли» [15]. Описания реальных акций ОДЕКАЛа, таких как распространение своих стихов при помощи денежных купюр также получают свои сакральные обоснования.

Форма сетевого блога очень гармонично сочетается с эстетикой творчества ОДЕКАЛа, позволяя транслировать ее на широкую аудиторию, не изменяя своей ориентации на трикстерскую стратегию поведения и анонимность в творчестве, так как хоть формально в названии блога и закреплена его авторская принадлежность (инициалы СС в названии), интенсивность прибавления нового материала (до 15 постов в день) дает основание полагать, что это итог коллективного творчества «одекалонов». В блоге генерируется своя гиперреальность, некая космологическая картина мира, где ОДЕКАЛ предстает перводвигателем и первопричиной всего. Посты-документы (фото, видео, сканы самиздата) перемежаются стихами и философскими размышлениями барона Мюнхаузена, образуя неповторимый синтез в описании многочисленных перформансов, некоторые из которых изначально не несли в себе эстетического заряда, но будучи описанными в блоге, приобрели черты сакрального действия, магического влияния на окружающий мир.

Более того, уже упомянутое стремление С. Панина вписать «ОДЕКАЛ» в весь мировой контекст как нельзя лучше подходит именно для формы интернет-блога, упраздняющего географическую принадлежность. Последнее замечание представляется особенно важным, так как в блоге не раз встречаются записи,

опровергающие принадлежность арт-группы к Уральской поэтической школе – культуртрегерскому детищу В. Кальпиди, одному из крупных трендов последних лет. С. Сигерсон даже изобретает свое наименование для этого движения, «упеш и упешки»: «опять одекал в роли упешки бродит теми же тупиковыми тропками что и большое чудище упеша» [16]. Установка на трикстерскую модель поведения с ее склонностью к плутовству и внеморальности естественным образом отрицает перспективу быть вписанным в какое-либо одно строго определенное явление. Это вдвойне верно, так как процесс легитимации уральской поэтической школы как состоявшегося факта литературной истории еще окончательно не совершился, поэтому слова пермского критика Ю. Куроптева, приведенные в блоге ОДЕКАЛа, видятся на данный момент наиболее правдивыми: «УПШ и ОДЕКАЛ – два зазеркалья» [16]. Если УПШ делает ставку на консолидацию поэтов по месту географического обитания, то ОДЕКАЛ скорее стремится занять другую позицию, где местом обитания становится культурное пространство во всей его совокупности и Интернет видится здесь наиболее удачным медийным каналом для трансляции такой идеи.

Список литературы

1. Абашева, М. П. Русская проза в эпоху Интернета: трансформации в поэтике и авторская идентичность / М. П. Абашева, Ф. А. Катаев. Пермь, 2013. 168 с.
2. Горный, Е. Виртуальная личность как жанр творчества // Control + Shift : сб. статей. М., 2009. С. 211–235
3. Горный, Е. Онтология виртуальной личности [Электронный ресурс] // Сетевая словесность. 25 апреля 2007. URL: <http://netslova.ru/gorny/selected/ovl.html>.
4. Дадаграф (С. В. Панин). «В людях мои университеты (Записки по памяти)» // Вестн. Перм. ун-та. 2011. № 3 (17). История. С. 147–153.
5. Долгополов, А. Ю. Формирование литературного процесса в российском Интернете: структура, особенности организации и функционирования : дис. ... канд. филол. наук. Тольятти, 2005. 168 с.
6. Дюкин, С. Вирус ОДЕКАЛ // Вещь. 2011. № 4. С. 84–94.
7. Кузнецов, С. Ошупывая слона: Заметки по истории русского Интернета. М., 2004. 456 с.

8. Липовецкий, М. Трикстер и «закрытое» общество // Новое лит. обозрение. 2009. № 100. С. 224–245
9. Маркова, Т. Н. Авторские жанровые номинации в современной русской прозе как показатель кризиса жанрового сознания // Вопр. лит. 2011. № 1. С. 280–290
10. Пономарева, Е. В. «Оппозиция» или «позиция»: сетевая литература в современном литературном пространстве // Урал. филол. вестн. Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2012. № 1. С. 193–207
11. Сигерсон, С. Жужалобы [Электронный ресурс] // ОДЕКАЛ СС. Сетевой блог Сергея Сигерсона. 20 июля 2014а. URL: <http://odekalss.livejournal.com/690525.html>.
12. Сигерсон, С. Из народного проекта свежие мысли барона мюнхаузена [Электронный ресурс] // ОДЕКАЛ СС. Сетевой блог Сергея Сигерсона. 22 мая 2014б. URL: <http://odekalss.livejournal.com/593620.html>.
13. Сигерсон, С. Наступление зомби или упеша [Электронный ресурс] // ОДЕКАЛ СС. Сетевой блог Сергея Сигерсона. 22 апреля 2014в. URL: <http://odekalss.livejournal.com/537914.html>.
14. Сигерсон, С. Опыт построения арт-коммуны на отдельно взятом болоте // Вещь. 2012. № 1 (5). С. 100–107
15. Сигерсон, С. Опыт открытия подземной америки без форсирования океана воды да океана времени [Электронный ресурс] // ОДЕКАЛ СС. Сетевой блог Сергея Сигерсона. 25 июля 2014г. URL: <http://odekalss.livejournal.com/698188.html>.
16. Сигерсон, С. УПЕША СО СВОИМИ УПЕШКАМИ [Электронный ресурс] // ОДЕКАЛ СС. Сетевой блог Сергея Сигерсона. 27 апреля 2014г. URL: <http://odekalss.livejournal.com/548155.html>.
17. Сидорова, А. Коммуникативные стратегии и культурные практики в поле литературы. Барнаул, 2009. 214 с.
18. Тэрнер, В. Символ и ритуал. М., 1983. 277 с.
19. Уральская поэтическая школа: энциклопедия / под ред. В. О. Кальпиди. Челябинск, 2013. 607 с.
20. Gornyi, E. (2009). *Virtual'naya lichnost' kak zhanr tvorchestva (=Virtual Identity as a Genre) // Control+Shift: Sbornik statej (=Control+Shift: Collection of articles)*. Moskva. P. 211–235.
21. Gornyi, E. (2007). *Ontologiya virtual'noy lichnosti (=The Ontology of a Virtual Identity) // Setevaya slovesnost' (=On-line Philology)*. URL: <http://netslova.ru/gornyi/selected/ovl.html>
22. Dadagraph (Panin, S. V.). (2011). *V lyudyakh moi universitety (zametki po pamyati) (=In People are my Universities (Notes From Memory)) // Vestnik Permskogo Universiteta: Istoriya (= Perm State University Bulletin: History)*. № 3 (17). P. 147–153.
23. Dolgoplov, A. (2005). *Formirovaniye literaturnogo protsessa v rossiyskom Internetе: struktura, osobennosti organizatsii i funktsionirovaniya (=Formation of the Literary Process in the Russian Internet: Structure, Characteristics of its Organization and Functioning)*. PhD Thesis in Philology. Tolyatti. 168 p.
24. Dyukin, S. (2011). *Virus ODEKAL // Vesch (=Thing)*. № 4. P. 84–94.
25. Kuznetsov, S. (2004). *Oshchupyvaya slona: Zametki po istorii russkogo Interneta (=Feeling the Elephant: Notes on the History of the Russian Internet)*. Moskva. 456 p. ISBN 5-86793-331-8
26. Lipovetsky, M. (2009). *Trikster i «zakrytoye» obshchestvo (=Trickster and the «Closed» Society) // Novoye Literaturnoye Obozryeniye*. № 100. P. 224–245.
27. Markova, T. N. (2009). *Komp'yuternyye tekhnologii i komp'yuternyye priemy v noveyshey proze (=Computer Technology and Computer Techniques in Modern Prose) // Filologicheskiy klass (=Philology Class)*. № 21. P. 17–19.
28. Ponomareva, E. V. (2012). *«Oppozitsiya» ili «pozitsiya»: setevaya literatura v sovremenном literaturnom prostranstve (= «Opposition» or «Position»: Network-based Literature in Modern Literary Field) // Ural'skiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Russkaya literatura XX–XXI vekov: napravleniya i techeniya (=The Ural Philological Bulletin. Series: Russian Literature of the XX–XXI centuries: trends and movements)*. № 1. P. 193–207.
29. Sigerson, S. (2014a). *Zhuzhaloby // ODEKAL SS. Setevoy blog Sergeya Sigersona (=Online blog of Sergei Sigerson)*. July 20, 2014. URL: <http://odekalss.livejournal.com/690525.html>

References

1. Abasheva, M. P., Katayev, F. A. (2013). *Russkaya proza v epokhu interneta: transformatsii v poetike i avtorskaya identichnost' (=Russian Prose in the Internet Epoch: Transformations in Poetics and Author's Identity)*. Perm. 168 p. ISBN978-5-85218-695-9

12. Sigerson, S. (2014b). Iz narodnogo proyekta svezhiye mysli barona myunkhauzena (= From a People's Project Fresh Ideas of Baron Munchausen) // ODEKAL SS. Setevoy blog Sergeya Sigersona (=Online blog of Sergei Sigerson). May 22, 2014. URL: <http://odekalss.livejournal.com/593620.html>
13. Sigerson, S. (2012). Opyt postroyeniya art-kommuny na otdel'no vzyatom bolote (=An Attempt of Building an Art-Commune in a Given Swampland) // Vesch (=Thing). № 1 (5). P. 100–107.
14. Sigerson, S. (2014c). Nastuplenie zombi ili upesha (=attack zombies or upesha) // ODEKAL SS. Setevoy blog Sergeya Sigersona (=Online blog of Sergei Sigerson). April 22, 2014. URL: <http://odekalss.livejournal.com/537914.html>.
15. Sigerson, S. (2014d). Opyt otkrytiya podzemnoy ameriki bez forsirovaniya okeana vody da okeana vremeni (=An Attempt of Discovering Underground America Without Forcing the Ocean of Water and the Ocean of Time) // ODEKAL SS. Setevoy blog Sergeya Sigersona (=Online blog of Sergei Sigerson). July 25, 2014. URL: <http://odekalss.livejournal.com/698188.html>.
16. Sigerson, S. (2014e). UPESHA SO SVO-IMI UPESHKAMI // ODEKAL SS. Setevoy blog Sergeya Sigersona (=Online blog of Sergei Sigerson). April 27, 2014. URL: <http://odekalss.livejournal.com/548155.html>.
17. Sidorova, A. (2009). Kommunikativnyye strategii i kul'turnyye praktiki v pole literatury (=Communicative Strategies and Cultural Practices in the Field of Literature). Barnaul. 214 p.
18. Turner, V. (1983). Simvol i ritual (=Symbol and Ritual). Moskva. 277 p.
19. Ural'skaya poeticheskaya shkola: entsiklopediya (=The Ural Poetic School: Encyclopedia) (2013) / Ed. by V. O. Kalpidi. Chelyabinsk. 607 p. ISBN 978-5-86626-107-9.

УРАЛЬСКИЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ ВИДЕОАРТ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ВИДЕОПОЭЗИИ

Рассматривается история формирования и современное состояние уральского поэтического видеоарта – яркого художественного явления, стимулом для развития которого стала деятельность представителей «уральской поэтической школы». Корректируются закрепленные в публицистических и справочных источниках представления о зарождении отечественной видеопозии, наглядно демонстрируется, что первые полноценные в художественном плане опыты видеопозитического синтеза производились в пермском литературно-художественном андеграунде.

Ключевые слова: поэтический видеоарт, видеопозия, современная уральская поэзия, синтез искусств.

Поэтический видеоарт (видеопозия) – искусство, органично соединяющее аудиовизуальный ряд и поэтический текст. Поскольку формирование этого вида творчества непосредственно связано с массовым распространением видеотехнологий, ведущим жанром его считается видеопозитический клип – короткий фильм, созданный на основе поэтического текста. Текст в клипе, как правило, бывает представлен либо голосовым чтением (чаще – авторским), либо графически.

В последнее десятилетие видеопозия активно развивается в России, это направление поддерживается уже достаточно широким кругом авторов-режиссеров (среди наиболее известных – московская студия «Кружок, квадрат и треугольник», участники – Н. Бабинцева, Ф. Кудряшов, Д. Браницкий) и специализированными фестивалями («Пятая нога», «Вентилятор» и др.), программы которых демонстрируются в разных городах страны. За рубежом наиболее авторитетным фестивалем видеопозии признана «Зебра» (Германия), существующая с 2002 г., на постсоветском пространстве долгое время лидировала рижская русскоязычная текст-группа «Орбита» (возникла в 1999 г.).

Становясь все более популярным явлением, поэтический видеоарт постепенно не только образует свою инфраструктуру (корпус произведений, творческие группы, авторы-режиссеры, фестивали и конкурсы, практика мастер-классов и так далее), но и обрывает теорией жанра. Эксперты и исследователи рассматривают российскую видеопозию, главным образом, в типологическом аспекте [1; 7; 8], обращая при этом внимание на сущностно важные для данного явления вопросы взаимодействия аудиовизуального и вербального образов [4], и

в целом – проблему трансформации поэтического текста, бытующего *in motion* – в медийной, интерактивной, акционально-перформативной среде [2; 3; 8].

Изучение уральского поэтического видеоарта позволяет не только дополнить «атлас» российской видеопозии описанием ее яркого регионального проявления, но также уточнить представление о времени и особенностях ее зарождения.

Принято считать, что видеопозия как жанровое явление впервые возникла в Италии. Литератор и журналист Джани Тотти в начале 1980-х гг. начал экспериментировать с совмещением стихотворения и видео, ввел в употребление термин Poetronica и создал ряд концептуальных видео-произведений, соединяющих поэзию, кино и компьютерную графику (среди них наиболее известные – «VideoPoemOpera», «VideoSyntheatronica», «VideoPoemetti»). Среди родоначальников поэтического видеоарта в России практически все вышеназванные источники, а также сайт «Википедия», называют имена Константина Кедрова (снявшего в 1984 г. любительское видео на основе «метафорического» стихотворения «Компьютер любви»), Елены Кацюба, Александра Горнона и Дмитрия Александровича Пригова.

Знакомство с историей уральского поэтического видеоарта в значительной степени дополняет и отчасти корректирует сложившуюся картину мнений. Исследование регионального литературно-художественного андеграунда 1980-х гг. показывает, что отечественная видеопозия (не «поэтическое кино», а именно особый техногенный жанр, синтезирующий поэтический текст и аудиовизуальные образы с целью порождения нового художественно-

го смысла) зарождалась в Перми. Первым событием российского поэтического видеоарта можно считать слайд-поэму «В тени Кадриорга» (1981) – видеопозэтический перформанс, созданный совместно поэтами Виталием Кальпиди, Владиславом Дрожащих и режиссером Павлом Печенкиным.

На основе устных воспоминаний и отдельных газетных публикаций историю слайд-поэмы удалось воссоздать максимально достоверно, с множеством живых творческих и бытовых подробностей.

Всё началось со встречи молодых пермских художников в редакции областной комсомольской газеты «Молодая гвардия» – поэт и журналист Владислав Дрожащих познакомился с начинающим режиссером Павлом Печенкиным, который в ту пору был увлечен идеями синтеза искусств, создавал фото-слайд-фильмы и участвовал в конкурсах городских дискотек. Один из этих фильмов («Метаморфозы») попался на глаза Дрожащих. Как вспоминает автор, «это был совершенный авангард по форме, но с элементом драматургии... Из “ничего”, из космоса, возникали какие-то фигуры – из беспредметных глыб, из цилиндров, пирамид, кубов, сочетаний этих предметов, из масок людей... Сначала была маска, которую художники рисуют, она обростала мышцами, превращалась в лицо – лицо Гомера. Потом появлялось нечто, напоминающее утробу женскую, потом появлялась женская фигура. Все переливалось из одного в другое под музыку Чеслава Немена» [5]. Следует заметить, что и поэзия Дрожащих в те годы уже отличалась тягой к нефигуративности, красочной визуальности, сложному метафоризму. Поэт экспериментировал в русле визуально-графического стихосложения («Видения Камского моста», «Щемящая полемика шепотом» и др.) – идеи синтеза, коллективного творчества были близки и ему, и Виталию Кальпиди, вложившему в будущий совместный арт-проект мощную лирическую энергию и личностные черты образа героя. Возникла идея соединить стихи, абстрактно-символический видеоряд и музыку. В книге «Маргиналы. Уральский андеграунд: живые лица погибшей литературы» слайд-поэме посвящена отдельная глава, в ней переданы эмоции участников и очевидцев этих событий.

Итак, премьера слайд-поэмы «В тени Кадриорга» состоялась в январе 1982 г. на областном семинаре творческой молодежи (он проходил на загородной базе «Звездный»). На этом показе ее

увидел и высоко оценил московский художник-кинетист Франциско Инфантэ Арана – он сразу отметил уникальность эксперимента пермских авторов с динамической визуализацией стихотворного текста. Действительно, ни в одном из признанных центров оптико-кинетического искусства (ими в бывшем СССР были Москва, Ленинград, Рига, Казань и Харьков) подобные опыты – по синтезированию видеопозэтического образа – не производились. Тем более на столь высоком профессионально-творческом уровне и в публичной форме презентации.

Что же представляла собою слайд-поэма? Поскольку сохранилась лишь ее фонограмма (аудиозапись авторского чтения, наложенного на музыку), описание видеоряда основывается на воспоминаниях очевидцев.

Действие начиналось во тьме. После нескольких тактов тревожно пульсирующей музыки начинали звучать голоса поэтов, Кальпиди и Дрожащих. Партия Героя раздваивалась, авторы читали главы поочередно. Электронная музыка поддерживала ирреальную атмосферу, а на экране с началом действия появлялось изображение – динамичная цветовая абстракция. Это были струящиеся цветовые потоки, пятна и размыты краски – подвижные импровизации, которые казались живыми. Эффект новизны видеоряду придавали всякий раз непредсказуемые сочетания цветовых оттенков, непостижимые превращения красочных структур, что достигалось с помощью разработанной П. Печенкиным оригинальной технологии «жидкого слайда». Завершалось действие пластической импровизацией: в финале вступала партия героини, и одновременно на площадке перед экраном возникла затянута в фольгу женская фигура – рваные движения, блики металлического костюма, выхваченные лучами мощных стробоскопов. «После звуковой, цветовой феерии, в темноте, прерываемой вспышками магниевыми – танцующая серебряная женщина, как-то неожиданно заканчивающая всю поэму – воспринималась как inferнальное, женское, всепобеждающее, космическое начало. Это было мощно очень», – вспоминает В. Абашев [8].

Драматургия видеоряда слайд-поэмы была продумана и в какой-то степени срежиссирована заранее – в какой-то степени, потому что создавался он всякий раз вручную, в режиме реального времени, с помощью нескольких проекторов «Святязь-М», которые П. Печенкин приспособил для прокрутки «колес» из оргстекла с запаянными в них реактивами. Иногда

количество проекторов доходило до восьми – это означает, что на экране демонстрировались одновременно восемь проекционных слоев. Сегодня подобное изображение можно создать с помощью специальных монтажных компьютерных программ, но в 1982 г. в распоряжении пермских авангардистов не было даже лазеров. Длилось все действие около часа и, по воспоминаниям очевидцев, производило сильнейшее впечатление.

В тексте поэмы таллиннский парк Кадриорг был лишь условным обозначением романтического места действия – герой, стремясь вернуть возлюбленную, путешествовал по разным временам, полным трагических событий. Также и на экране – моделировалась многомерная реальность, смещались временные ориентиры. Моменты хаотичной, спонтанной динамики, игра цвета и формы – все это несло в себе новые эстетические смыслы.

Открывалось иное видение реальности – объектом созерцания стали увеличенные микроструктуры. Авторы поэмы отличало «метафизическое зрение» – им было свойственно напряженное всматривание в тайные, скрытые от глаз сюжеты, самопроизвольно возникающие в «складках» материального и ментального. Этот ракурс, в целом характерный для нового искусства 1980-х, А. Парщиков назвал «клановой чертой «мета-»: стремление описывать внутренние среды и цепляться за всякую видимую неоправданность [6].

После премьерного показа «Кадриорг» демонстрировался еще несколько раз: в редакции журнала «Юность» (по приглашению К. Ковальджи), в московском Музее космонавтики, где слайд-поэма произвела сенсацию, на пермских площадках. Иногда эти показы проходили по разряду «цветомузыки», как часть дискотечной программы. Но в сентябре 1984 г. – на волне партийной «борьбы с дискотеками» – очередной показ слайд-поэмы был отменен. «Кадриорг» пришлось размонтировать, слайд-проекторы были сданы в методкабинеты, пластиковые колеса «жидких» слайдов раздарены друзьям. От поэмы, кроме воспоминаний о ней, остались фонограмма, несколько целлулоидных слайдов и текст, позже фрагментарно опубликованный в книгах В. Кальпиди и В. Дрожащих.

Так завершилась история первой, яркой и триумфальной, акции отечественного поэтического видеоарта, став одновременно чем-то вроде репетиции выхода пермского андеграунда в открытый культурный процесс.

Новая актуализация видеопоззии на Урале произошла уже в середине 2000-х. В июне 2006 г. в Перми в формате open-air прошел фестиваль «Белые ночи в Юрятине» (куратор – А. Сидякина), на котором помимо видеоклипов группы «Орбита» (Рига) и «Дрэли» (С.-Петербург) были показаны опыты пермских компьютерных графиков А. Поморцевой («Урал впервые» Б. Пастернака), О. Бабушкиной (флэш-анимация на стихи К. Бальмонта), Д. Дубровских («Фотограф» А. Колобянина). Также показывались видеозаписи авторского чтения (Д. А. Пригова и др.) и документальные фильмы о поэтах: «Места для поэзии» (реж. Д. Дубровский, снимались А. Колобянин и С. Стаканов), «Белый лист» (производство «Пермьтелефильм»), с участием А. Решетова.

Но центральной частью этого фестиваля стала презентация авторской 3D-анимации В. Кальпиди (выполненные им в программах 3D-моделинга клипы на стихи «Когда я спрыгну в полотно...», «Не разглядывай ночью мужчину, уснувшего после любви...», «Романс»). «Мне было любопытно <...> сделать все именно самому: стихи, чтение оных, анимация, музыка, видео, монтаж... – именно это давало личное творческое приращение мне самому и (теоретически) не могло не дать этого же зрителю/слушателю», – пишет автор на сайте marginaly.ru. Через некоторое время к циклу «стереотекстов» В. Кальпиди добавились анимированные им «видеомы» А. Вознесенского.

В Перми с начала 2000-х гг. попытки визуализации поэтических образов предпринимались и фондом «Юрятин» (начатый проект «100 поэтов России»), и отдельными авторами. К примеру, начинающий режиссер И. Рангулов, основываясь на собственных поэтических текстах, создавал сложно ритмизованные монтажные видеоклипы. В творческой лаборатории «ПТАХ» под руководством Е. Боринских также велись эксперименты с видеорядом и поэтическим словом. Режиссер В. Наймушин создал видеоверсию ассоциативно-метафорического каскада В. Дрожащих «143-й вагон». Документалист С. Качкин визуализировал стихотворение О. Мандельштама в рамках мастер-класса шведского режиссера Лукаса Мудиссона на фестивале «Текстура». Творческое объединение «Четыре века» (поэтесса Анна Соль и музыкант Доктор Тариф) выступает с музыкально-видеопозитическим перформансом «Поэкликтика».

Тема поэтического видеоарта стала одной из ключевых на проходившем в Перми рос-

сийском фестивале «СловоНова» (2010–2013). В течение трех лет этот масштабный форум представлял видеопэзию в различных форматах – кураторы «Пятой ноги» (Е. Троепольская, А. Родионов) привозили сборку лучших клипов своего фестиваля, на вечерах «уральской поэтической школы» показывались, соответственно, клипы уральских авторов, в студенческих аудиториях проходили тематические лекции по видеопэзии, в арт-резиденции – мастер-классы для начинающих видеохудожников.

Заметным стимулом для производства видеоклипов на стихи уральцев стал 3 том «Антологии современной уральской поэзии», – обращение В. Кальпиди к поэтам антологии с призывом создавать видеозаписи авторского чтения, и, по возможности, клипы по мотивам своих текстов. В результате, инфраструктура «уральской поэтической школы» пополнилась галереей оригинальных видеоклипов, сделанных с применением актуальных технологий: игровое и документальное видео, flash-анимация, 3D-анимация, песочная анимация, коллаж и др. Зрительским вниманием особенно оказались отмечены такие клипы, как «Дрель», «Простыни» и «Пью» (Я. Грантс, реж. А. Богомолова), «Из природы сна и воды» (В. Балабан, реж. Н. Медведев), «Синоним» (Е. Рябина, реж. Н. Бегунова), «Примерно 15 лет» (А. Черкасов, реж. С. Землянская), «Офелия» (К. Рубинский, режиссер А. Богомолова). В этих клипах с помощью насыщенных и динамичных визуальных метафор, продуманных монтажно-ритмических структур, парадоксальных контрапунктов не только визуализируются идеи поэтического текста, но рождаются новые образы, смысловые проекции, сложные и неожиданные художественно-философские переключки.

Список литературы

1. Вдовик, М. Что такое видеопэзия? [Электронный ресурс]. URL: <http://videopojezija.ru/stat/chto-takoe-videopoeziya-2>.
2. Давыдов, Д. Видеопэзия как феномен и как разнообразие практик [Электронный ресурс]. URL: <http://gvideon.com/post/168.html>.
3. Житенев, А. А. Современная литература в контексте медиа: феномен видеопэзии // Русская и белорусская литературы на рубеже XX–XXI вв. : сб. науч. ст. : в 2 ч. Ч. 1 / под ред. С. Я. Гончаровой-Грабовской. Минск, 2010. С. 78–83.
4. Костюков, Л. Поэтический клип как явление

литературы [Электронный ресурс] // Арion. 2006. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2006/3/ko30.html>.

5. Маргиналы. Уральский андеграунд: живые лица погибшей литературы / авт.-сост. А. А. Сидякина. Челябинск, 2004. 320 с.
6. Парщиков А. Переписка / А. Парщиков, В. Курицын. М., 1998. С. 24.
7. Родионов, А. Алхимический жанр / А. Родионов, Е. Троепольская [Электронный ресурс] // Октябрь. 2012. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2012/3/tr.html>.
8. Степанов, Е. Новые жанры современной русской поэзии [Электронный ресурс] // Дети Ра. 2011. № 12 (86). URL: http://www.detira.ru/arhiv/nomer.php?id_pub=3857.

References

1. Vdovik, M. (2011) Chto takoe videopojezija? (=What is videopoetry?). URL: <http://videopojezija.ru/stat/chto-takoe-videopoeziya-2>.
2. Davydov, D. (2011) Videopojezija kak fenomen i kak raznobrazie praktik (=Videopoetry as a phenomenon and as a variety of practices). URL: <http://gvideon.com/post/168.html>.
3. Zhitenev, A. A. (2010) Sovremennaja literatura v kontekste media: fenomen videopojezii (=Modern literature in the context of media: the phenomenon of videopoetry). Russkaja i belorusskaja literaturny na rubezhe XX–XXI vv.: sbornik nauchnyh statej. (=Russian and Belarusian literature at the turn of XX–XXI centuries: the collection of scientific articles). V 2 ch. Ch. 1 / pod red. S. Ja. Goncharovoj-Grabovskoj. Minsk. S. 78–83.
4. Kostjukov, L. (2006) Pojeticheskij klip kak javlenie literaturny (=Poetic clip as a phenomenon of literature) // Arion. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2006/3/ko30.html>.
5. Parshhikov, A., Kuricyn, V. (1998) Perepiska (=Correspondence). M. S. 24.
6. Rodionov, A., Troepol'skaja, E. (2012) Alhimicheskij zhanr (=Alchemical genre) // Oktjabr' (=October). № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2012/3/tr.html>.
7. Sidjakina A. A. (2004) Marginaly. Ural'skij andegraund: zhivye lica pogibshej literaturny (=The outsiders. Ural underground: live person dead literature). Cheljabinsk. 320 s.
8. Stepanov, E. (2011) Novye zhanry sovremennoj russkoj poezii (=New genres of modern Russian poetry) // Deti Ra (= Children Of Ra). № 12 (86). URL: http://www.detira.ru/arhiv/nomer.php?id_pub=3857.

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ПО КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ В ЧЕЛЯБИНСКЕ

22–24 мая 2014 г. на базе Челябинского государственного университета прошел Международный конгресс по когнитивной лингвистике. Впервые за историю проведения этого научного форума площадкой для него стал не Тамбов как центр когнитивных исследований, а столица Южного Урала, успешно и динамично развивающая свой научный потенциал в области лингвокогнитологии, концептуального и дискурсивного анализа.

По традиции, конгресс организован под эгидой Института языкознания РАН, Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина и Российской ассоциации лингвистов-когнитологов. Очное и заочное участие в нем приняли около 300 представителей вузовской и академической науки из почти 50 регионов Российской Федерации, а также стран ближнего (Украина, Белоруссия, Казахстан) и дальнего (США, Испания, Польша) зарубежья.

Основная цель конгресса – подведение итогов и обмен опытом когнитивных исследований языка, обсуждение новых концепций и идей. В задачи форума входило осмысление значимости когнитивного подхода в методологии гуманитарных наук, роли этого направления в формировании общей системы современного научного знания, характера взаимосвязей с другими науками, изучающими познавательные процессы и сознание человека.

О широте проблематики выступлений на конгрессе можно судить по названиям девяти секций: «Теоретические и методологические проблемы когнитивной лингвистики», «Когнитивное моделирование в исследованиях языка», «Научная картина мира, метаязык и терминология в когнитивном освещении», «Проблемы ментальных репрезентаций и ментальных пространств», «Проблемы концептуализации и категоризации мира в языке», «Проблемы когнитивности и коммуникации. Социальная когнитивность», «Когнитивные аспекты дискурса», «Язык и культура: когнитивный подход», «Когнитивная лингвистика и смежные науки».

Открыл конференцию доклад профессора Западного резервного университета Кей-

за (штат Огайо, США) Марка Тернера. В нем предложено авторское понимание блендинга как ментальной операции, играющей ключевую роль в языке и общении. Данный процесс разворачивается в человеческом сознании и находится вне зоны наблюдения. Особенно широко блендинг, по мнению ученого, функционирует в лексической семантике, синтаксисе и грамматике. Именно последней разновидности блендинга было уделено в докладе особое внимание.

В пленарном выступлении доктора филологических наук, профессора Е. В. Рахилиной «Конструкция с императивом ПОСТОЙ и ее синонимы» были предложены к обсуждению глубинные закономерности взаимодействия лексики и грамматики. В частности, на примере глагола «постой» автор раскрыл актуальный для многих языков процесс квазиграмматикализации семантики прерывания действия. В докладе было убедительно показано, что исследуемый континуативный прохибитив используется в том случае, если говорящему необходимо приостановить какое-либо действие с целью его оптимизации.

Доктор филологических наук, профессор Челябинского государственного университета Е. И. Голованова в докладе «Профессиональная когнитивность и когниотип» рассмотрела малоизученный феномен концептуализации обиходного практического опыта в единицах профессионального субстандарта. По мнению автора, субъект когнитивности выражает в подобных наименованиях не только важные стороны профессиональных объектов, но и свое отношение к ним, эксплицируя событийный контекст.

Доклад доктора филологических наук, профессора Московского государственного лингвистического университета В. Г. Кузнецова «Когнитивная лингвистика в Европе и США: проблематика и направления исследований» был посвящен современным течениям когнитивизма за рубежом. По мнению докладчика, когнитивная лингвистика выступает сегодня междисциплинарной дисциплиной, объединяющей интересы психолингвистики, био- и

нейролингвистики, когнитивной семантики, когнитивного синтаксиса и фонологии, а также социолингвистики. К актуальной когнитивной проблематике относятся вопросы происхождения и усвоения языка, коммуникации людей и животных, взаимодействия семантики и прагматики, дискурса и когнитивных аспектов социолингвистики.

В докладе доктора филологических наук, профессора Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета Н. В. Пятаевой «Когнитивное моделирование лексической системы языка в гнездовом словаре нового типа» были рассмотрены особенности и принципы построения гнездового словаря нового типа – диахронического словаря, содержащего описание массива генетически близкой лексики русского языка на протяжении его истории: от праславянского до современного состояния. В указанном словаре представлены результаты когнитивного моделирования лексической системы языка с репрезентацией морфемного строения и образования как отдельных лексем, так и их грамматических классов.

В пленарном докладе докторанта Челябинского государственного университета О. Н. Ковалевой «О механизмах вторичной номинации при оценке профессиональной деятельности» была поставлена проблема структурных и содержательных характеристик оценочной категории и ее концептуальной основы. Отдельному рассмотрению подвергнут механизм оценочной категоризации профессиональной деятельности средствами вторичной номинации.

Огромный интерес у участников вызвал мастер-класс Е. В. Рахилиной, проведенный во второй день работы конгресса. Главной темой обсуждения стали возможности использования Национального корпуса русского языка в семантических исследованиях. Мастер-класс одного из ведущих российских когнитологов отличался яркостью формы, оригинальностью подхода к рассмотрению проблем, сочетанием фундаментальности постановки задач с вниманием к деталям и вызвал оживленную дискуссию.

Конгресс показал, что круг вопросов, находящихся в фокусе внимания лингвистов-когнитологов в начале XX в., поистине необъятен. При этом по-прежнему ключевыми являются общетеоретические и методологические проблемы когнитивных исследований языка. Основное внимание на конгрессе было уделено формированию таких методологических прин-

ципов общенаучного и лингвистического знания, как принцип междисциплинарной интеграции (синтез идей философии, психологии, семиотики, синергетики, герменевтики), принцип когнитивного моделирования, интерпретирующий методологический принцип.

Во многих докладах были представлены новые перспективные концепции и идеи: интерпретационный механизм концептуальной метафоры (Н. Н. Болдырев), визуализация абстрактных сущностей в метаязыке описания (В. З. Демьянков), когнитивная теория фразеологической семантики (Н. Ф. Алефиренко), иерархическая структура системной методологии (З. И. Комарова), концепция двухуровневой организации значения слова (Г. Н. Манаенко), топология концептуальных структур (В. Л. Иващенко) и др.

В центре внимания участников конгресса находились проблемы динамики концептуализации и категоризации мира (Т. В. Белошапкова, М. И. Агиенко, М. В. Коновалова, М. Н. Лату и др.), включая изменения в национальных концептосферах (С. В. Чуриков, О. В. Фельде, В. Ю. Прокофьева, О. Н. Кушнир, Н. С. Попова и др.), концептуальное выравнивание в профессиональных областях знания (В. Г. Будыкина, А. Ю. Епимахова), роль аксиологии в субстандартной деривации (О. Б. Пономарева). Значимое место в докладах заняли вопросы когнитивного моделирования дискурса (Е. Н. Азначева, Н. Г. Асмус, Л. В. Купфер и др.), жанра (И. А. Тарасова, Л. А. Месеняшина, Н. Н. Кошкарлова) и текста (Л. О. Бутакова, Е. А. Огнева, И. А. Щирова, И. В. Степанова и др.).

Весьма перспективным для развития научного знания явилось обсуждение проблем на стыке когнитивной лингвистики и синергетики (Н. С. Олизько), философии (С. А. Песина, В. А. Рыбин и др.), фольклористики (И. А. Голованов), психологии (Т. В. Батыркаева и др.), переводоведения (Л. В. Кушнина, Т. А. Волкова и др.).

Конгресс помог раскрыть значительный потенциал лингвистики и смежных наук в анализе сложнейших проблем человеческого знания и коммуникации, оказался полезным для апробации новых перспективных идей, повышения научной квалификации специалистов, стал ступенью профессионального роста молодых ученых, аспирантов и соискателей.

Проведение международного конгресса по когнитивной лингвистике в Челябинске можно рассматривать как новый этап развития этой

научной парадигмы в России – она уверенно движется в глубь страны, увлекая своими идеями и проблемами все новых и новых исследователей. В конгрессе приняли участие представительные делегации из Екатеринбурга, Тюмени, Уфы, Омска, Кемерово, Перми, Оренбурга, Магнитогорска и Кургана.

Гостям Челябинска была предложена разнообразная культурная программа: посещение Областного краеведческого музея с уникальной экспозицией, посвященной челябинскому метеориту, прогулка по вечерней столице Южного Урала, «музей на крыше» и поездка в Национальный парк «Зюраткуль». Органичное сочетание научного и внеаучного общения на конгрессе сделало эти три майских дня для его участников временем открытий, обретения добрых друзей и познания новых граней когнитивной лингвистики.

Особые слова благодарности участники конгресса адресуют Президиуму Российской ассоциации лингвистов-когнитологов, ректорату Челябинского государственного универ-

ситета, руководству Института гуманитарного образования ЧелГУ, поддержавшим идею проведения международного конгресса в Челябинске, а также Челябинскому региональному отделению РАЛК, преподавателям, сотрудникам и аспирантам кафедры теории языка ЧелГУ, без чьих усилий и энтузиазма проведение научного форума на уральской земле было бы невозможным.

Материалы конгресса размещены в восемнадцатом выпуске научной серии «Когнитивные исследования языка», которая включена в Перечень изданий, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки РФ для публикации результатов кандидатских и докторских диссертаций, под названием «Язык, познание, культура: методология когнитивных исследований».

Заместитель председателя оргкомитета
доктор филологических наук, профессор
Е. И. Голованова